

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**НАЧАЛО
РУССКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

**ТОМ ПЕРВЫЙ [148]
НОЯБРЬ 2012**

Уважаемые читатели!

Позвольте поздравить вас с выходом первого номера возрожденного журнала «Исторический вестник».

Сегодня интерес к истории в российском обществе высок как никогда. Без преувеличения можно сказать, что «Русская история» возвращается к нам. Многого еще предстоит узнать, многое переосмыслить. Люди всех поколений пытаются разобраться в непростой и подчас трагической судьбе нашего Отечества. Можно только порадоваться столь неравнодушному и патристическому отношению к прошлому своей страны и ее месту в мировой истории. Но закон рынка, увы, и здесь диктует свои правила и наполняет книжные прилавки и средства массовой информации продукцией, не всегда соответствующей высоким академическим требованиям, а популяризация истории иногда оборачивается ее фальсификацией. Нередко погоня за сенсациями и успехом заставляет авторов забывать и о нравственной ответственности перед читателем.

Выпуская в свет первый в XXI веке том «Исторического вестника», мы предлагаем научному сообществу и всем интересующимся историей издание, продолжающее лучшие традиции отечественной академической науки. Надеемся, что журнал внесет весомый вклад в благородное дело возрождения традиций, развитие науки и классического образования.

*Председатель правления,
Президент ОАО
«АК «Транснефть»
Николай Петрович Токарев*

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

НАЧАЛО РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ТОМ ПЕРВЫЙ [148]

Под общей редакцией А.А. Горского

МОСКВА. 2012

Библиотека "Руниверс"

Главная редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Д.В. Климов	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора (художественный редактор), член Творческого союза художников России
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефюк	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятов	доктор исторических наук
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции. Дизайн Ю.В. Филимонов.
Подписано к печати 26.11.2012 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 16,1. Печать офсетная.

Адрес редакции: 105005, г. Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214.
Тел. +7 (495) 737-76-32, факс +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2012.

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции*

Заказ № 25. Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ЗАО «Издательство ИКАР».
117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: +7 (495) 936-83-28, +7 (495) 978-35-99. Тел./факс: +7 (495) 330-89-77
www.ikar-publisher.ru

Журнал «Исторический вестник» издается
при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».

Дорогие коллеги,

мы представляем вам первый номер «Исторического вестника», который одновременно обозначается 148-м томом, тем самым продолжая дореволюционное издание. Однако, перешагивая почти сто лет, мы понимаем, что реалии XXI века определяют и новое содержание журнала.

История сегодня во многом актуализирована политикой. Именно геополитическая ситуация в мире, возвращающая нас к вопросам сохранения существующих границ, национальных и культурных ценностей, моральных и религиозных принципов, формирует еще одно измерение — проблему аутентичного исторического бытования народов и государств. С одной стороны, это вопрос географических ареалов государственных образований, с другой — тема, связанная с соприкосновением, взаимодействием процессов, культур и традиций.

Во многом мы стоим и перед важнейшей этической проблемой. Мы должны не только вежливо и настойчиво указывать нашим уважаемым соседям на свои исторические права, но и сами уходить от искушения искусственного удревления собственной истории или присвоения чужой.

И здесь на сцену выходит его величество Исторический Научный Факт. Он и есть главный цензор и законодатель. На этом незыблемом основании будет строиться редакционная и научная работа «Исторического вестника».

Е.И. Пивовар
*ректор РГГУ, профессор,
член-корреспондент РАН*

М.В. Баранов
*президент
АНО «Руниверс»*

ОТ РЕДАКЦИИ

Первый номер журнала «Исторический вѣстникъ» посвящен началу русской государственности, 1150-летие которого отмечается в нынешнем 2012 г. Материалы, вошедшие в выпуск, посвящены различным аспектам этой темы.

Раздел статей открывается работой А.А. Горского, содержащей обзор ключевых проблем формирования государства Русь, с особым акцентом на место в этом процессе события, описанного в «Повести временных лет» под 862 г., — приглашения Рюрика на княжение. В статье Е.А. Мельниковой проводится сопоставительный анализ деятельности норманнов в раннее Средневековье на Западе Европы и варягов — в Европе Восточной. Исследование П.В. Кузенкова посвящено связям формирующегося государства Русь с центром цивилизации на юге-востоке Европы — Византийской империей. В работе И.Г. Коноваловой рассматривается ранняя традиция арабских географов, своеобразно изображавшая общество ранней Руси. Статья П.В. Лукина изучает особенности развития регионального варианта русской средневековой государственности — новгородского.

Две работы, помещенные в журнале, посвящены освещению начала и первых веков русской государственности в исторической мысли позднейших эпох. В центре внимания А.С. Усачева — «Степенная книга», центральный памятник идеологии самодержавия эпохи Ивана Грозного. В.А. Кучкин исследует развитие представлений о верхнем хронологическом пределе существования единого Древнерусского государства в исторической науке XVIII—XX вв.

В разделе «Источники» помещаются тексты трех древнейших летописных рассказов о приглашении на княжение Рюрика — события, от которого традиционно отсчитывается 1150-летний юбилей Руси.

Кроме того, в журнал вошла библиография новейших работ, посвященных в той или иной мере началу русской государственности.

А.Э. Титков

главный редактор журнала «Исторический вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

НАЧАЛО РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

- Горский А.А.** Приглашение Рюрика на княжение
и его место в процессе складывания русской государственности 6
- Мельникова Е.А.** Норманны и даны, русь и варяги:
скандинавы на западе и востоке Европы.....24
- Коновалова И.Г.** «Остров русов» как географический образ40
- Кузенков П.В.** Из истории начального этапа
византийско-русских отношений52
- Лукин П.В.** Новгородское вече: старые концепции и новые данные98

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

- Кучкин В.А.** О времени существования
Древнерусского государства (историография вопроса)..... 120
- Усачев А.С.** Первые века «Русской державы»:
взгляд из Московского царства XVI в. 144

ИСТОЧНИКИ

- Приглашение Рюрика на княжение
в памятниках древнерусского начального летописания..... 174
- Новейшие труды, посвященные формированию
древнерусской государственности..... 178

А.А. Горский

ПРИГЛАШЕНИЕ РЮРИКА НА КНЯЖЕНИЕ

и его место в процессе складывания русской государственности

В России 2012 год отмечен сразу несколькими юбилейными датами. Среди них 200-летие Отечественной войны 1812 г., 400-летие освобождения Москвы от интервентов в ходе Смутного времени. К 2012 году относится и юбилей, в официальных документах определенный как 1150-летие зарождения российской государственности.

Когда предметом празднования становятся *события*, как в первых двух случаях, датировать их обычно не представляет сложности. Иное дело, если речь идет об исторических *процессах*, к каковым относится возникновение государственности. Здесь любая точная дата будет условной, всего лишь маркирующей более или менее важное опять-таки *событие*, оказавшее воздействие на процесс политогенеза. Что касается начала русской государственности¹, то дат, связанных с теми или иными событиями на пути государствообразования, может быть отмечено несколько.

¹ Термин «русский» здесь и ниже употребляется в «средневековом» смысле (восточно-славянский).

Самая ранняя из них — 839 год. Под этой датой франкские Бертинские анналы сообщают, что ко двору императора франков Людовика Благочестивого прибыло посольство от византийского императора Феофила, а с ним — люди, пришедшие ранее послами в Константинополь от «хакана» (*chacanus*) народа (*gens*) «Рос» (*Rhos*). Выяснение личностей послов, предпринятое по инициативе Людовика, позволило установить, что они являлись по происхождению «свеонами» (выходцами из Средней Швеции — Свеаланда)². Таким образом, уже в конце 830-х гг. фиксируется некое образование под именем «Русь»³, чей правитель носил восточный по происхождению титул «хакан» (каган). Однако где располагалась эта Русь — остается неясным: источник не содержит данных о ее локализации. Исследователями предлагались в качестве возможного местонахождения и Среднее Поднепровье, и Поволховье (район будущего Новгорода), и Верхнее Поволжье⁴. Высказывались даже мнения, что посольство было отправлено из Скандинавии или что каган, упоминаемый в источнике, — это правитель не Руси, а Хазарии (и следовательно, речь идет не о политическом образовании под названием Русь, а об отдельных скандинавах, называвших себя *русью* и служивших хазарскому кагану). Две последние трактовки маловероятны⁵, но в любом случае локализация Руси, упомянутой в Бертинских анналах, остается спорной; неизвестно и имя ее правителя. Тем не менее 839 год — это дата первого упоминания Руси в дошедших до нас источниках и свидетельство о дипломатических контактах этого политического образования с двумя крупнейшими европейскими государствами раннего Средневековья — Византийской и Франкской империями.

Следующая дата — 860 год, когда войско *русси* (греч. Ῥῶς) на 200 судах совершило нападение на Константинополь — столицу Византийской империи. Это событие имеет точную датировку (июнь 860 г.), но, как и в случае с известием Бертинских анналов, неясна локализация того политического образования, из которого было совершено нападение. В качестве версий в историографии

² *Annales Bertiniani*. Hannoverae. 1883. A. 839. P. 19–20.

³ *Rhos* является латинской передачей византийской транскрипции названия «Русь» — Ῥῶς.

⁴ См.: *Петрухин В.Я.* Варяги и хазары в истории Руси // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 6; *Прицак О.* Похождения Руси. Київ, 1997. С. 99; *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси. 750–1250. М., 2000. С. 55–68; *Zukerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris, 2000. P. 95–114; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 42–43; *Schramm G.* Altrusslands Anfang. Freiburg, 2002. S. 182–185.

⁵ См.: *Коновалова И.Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // *Славяне и их соседи*. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 113–115.

назывались Среднее Поднепровье, Поволховье, Северное Причерноморье. Высказывалась даже экзотическая точка зрения, что поход совершили норманны, пришедшие не с севера, из Восточной Европы, а с юга — из Средиземного моря⁶. Неизвестны и имена предводителей Руси⁷. Кроме того, военное нападение нет оснований расценивать как ключевое событие в процессе становления государственности, тем более что это был не первый поход в византийские владения: «Житие Георгия Амастридского», созданное не позднее 842 г., говорит о нападениях русских на малоазийское побережье империи⁸.

Далее идет 862 (6370 от Сотворения мира) год, под которым в «Повести временных лет» рассказывается о приглашении на княжение славянскими группировками севера Восточной Европы — словенами и кривичами, а также их финноязычными соседями (чудью) «из-за моря» варяга Рюрика. Минусом этой даты является ее неточность. Датировки событий IX столетия в «Повести временных лет», памятнике начала XII в., реконструировались летописцами с опорой на отрывочные данные, заимствованные из греческих хроник⁹. В предшествовавшем «Повести временных лет» так называемом Начальном своде конца XI в., чей текст донесен Новгородской первой летописью младшего извода, о приходе Рюрика говорится под 6362 (854) г.¹⁰

Наконец, завершает ряд 882 (6390) год — дата, под которой в «Повести временных лет» рассказывается о захвате преемником Рюрика Олегом Киева¹¹. Эта дата также искусственна, как и 862 год (Начальный свод о занятии Киева говорит под тем же 854 г., что и о призвании Рюрика¹²). Но само событие весьма существенно: в результате него были объединены два протогосударственных образования восточных славян — северное с центром

⁶ Источники и обзор мнений см.: Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. М., 2003.

⁷ «Повесть временных лет» (начало XII в.) приписывает руководство похода киевским князьям Аскольду и Диру, но их упоминание является домыслом летописца, будучи вставкой в текст о нападении, взятый из византийских хроник: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 21–22; Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 15. В более раннем летописном памятнике, т.н. Начальном своде конца XI в., имена предводителей еще не названы (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 105).

⁸ См.: Бибииков М.В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. II. М., 2009. С. 135–137.

⁹ См.: Лурье Я.С. Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 56–99.

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 105–106.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 22–24; Т. 2. Стб. 16–17.

¹² Новгородская первая летопись. С. 107.

в Новгороде и южное со столицей в Киеве; благодаря этому была создана своего рода ось государственной территории Руси, вытянутая с севера на юг по Восточноевропейской равнине, вдоль торгового пути «из варяг в греки».

В историографии дореволюционного периода главной вехой в процессе государствообразования на Руси считался 862 год. Именно в 1862 г. в стране отмечали 1000-летие России. Долгое время появление династии фактически приравнивалось к появлению государства. Однако со второй половины XIX столетия все более стало набирать силу представление, что корни государственности восходят к «дोरюриковой» эпохе, к развитию местного славянского общества¹³. Такое представление еще более укрепилось в советский период, когда возникновение государства стали связывать с появлением деления общества на классы. Случившееся в 862, по «Повести временных лет», году стало рассматриваться как всего лишь эпизод в длительном процессе.

В умалении значения этого события в историографии советской эпохи сыграл роль и тот факт, что рассмотрение проблемы возникновения русской государственности всегда было тесно увязано с дискуссией по так называемому варяжскому вопросу. Со времени становления в России истории как науки (XVIII в.) шел спор о том, кем были летописные «варяги» — иноземцы «из-за моря», к которым принадлежал родоначальник древнерусской княжеской династии Рюрик. Тех, кто считал, что они были скандинавами (норманнами, по западноевропейской терминологии раннего Средневековья), принято именовать «норманистами», тех, кто это отрицал, — «антинорманистами». При этом среди антинорманистов были сторонники отождествления варягов с разными народами (западными славянами, финнами, балтами и т.д.)¹⁴.

К концу XIX — началу XX в. дискуссия практически прекратилась. Причиной этого было в первую очередь накопление научных знаний, особенно в области археологии и лингвистики. К тому времени начались археологические исследования русских древностей, и они показали, что на территории Руси в конце IX—X в. присутствовали тяжеловооруженные воины скандинавского происхождения. Это коррелировало с известиями письменных источников, летописей, согласно которым иноземными воинами-дружинниками русских князей были *варяги*. С другой стороны, лингвистические изыскания установили скандинавскую природу имен первых русских князей (Рюрика, Олега, сына Рюрика Игоря, его жены Ольги) и многих лиц из

¹³ См., напр.: Ключевский В.О. Соч. Т. 1. М., 1987. С. 143–162.

¹⁴ См. об этом: Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7: Проблемы историографии. Л., 1983.

их окружения первой половины X в. (упоминаемых в летописных текстах и во включенных в «Повесть временных лет» текстах договоров Олега и Игоря с Византией). Из этого естественно следовал вывод, что носители этих имен имели скандинавское, а не какое-то иное происхождение¹⁵. Тем не менее в XX в. дискуссия по варяжскому вопросу продолжилась, но совсем в ином ключе. Антинорманизм советской историографии не имел ничего общего с прежним, дореволюционным антинорманизмом. Историки советской эпохи признавали, что варяги — это норманны, но отрицали тезис о создании ими Древнерусского государства (противостоя в этом как старым норманистам, так и старым антинорманистам). В таком контексте появление в Восточной Европе Рюрика рассматривалось как не слишком значительное событие. Как более важная дата обычно рассматривался 882 год — объединение под единой властью Киева и Новгорода¹⁶.

Вместе с тем несомненно, что летописцы конца XI — начала XII в. отводили приходу в Восточную Европу Рюрика ключевое место в своем повествовании. С него брала начало династия, обладавшая в эпоху, когда работали авторы Начального свода и «Повести временных лет», монополией на власть на Руси. Согласно Начальному своду, со времен Рюрика и его братьев «прозвашася Русь», а по «Повести временных лет» именно Рюрик и при-

¹⁵ В последнее время предпринимаются попытки реанимации «старого антинорманизма» — тезиса, что варяги не были норманнами (см.: Сб. Русского исторического общества. Т. 8 (156). М., 2003). Между тем в течение XX столетия был накоплен значительный материал (в первую очередь археологический), оставляющий ныне намного меньше сомнений в тождестве варягов и норманнов, чем на рубеже XIX—XX вв. (а точнее, не оставляющий никаких сомнений). На территории Руси зафиксированы многочисленные погребения конца IX—X в., захороненные в которых люди были выходцами из Скандинавии (об этом говорит сходство погребального обряда и инвентаря с теми, которые известны из раскопок в самих скандинавских странах). Они обнаружены и на севере Руси (район Поволховья — Приладожья), и на Верхнем Днепре (район Смоленска), и в Среднем Поднепровье (район Киева и Чернигова), то есть там, где располагались главные центры формирующегося государства. По своему социальному статусу эти люди были в значительной своей части знатными воинами, дружинниками (см.: Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 391—393, 405—407; Мурашева В.В. «Путь из ободрит в греки...»: археологический комментарий по варяжскому вопросу // Российская история. 2009. № 4). Чтобы отрицать в такой ситуации «норманнство» летописных варягов (а летописи этим термином — «варяги» — именуют как раз дружинников иноземного происхождения), надо допускать невероятное: что о воинах — выходцах из Скандинавии, от которых остались археологические свидетельства их пребывания в Восточной Европе, письменные источники умолчали, и наоборот — те иноземные дружинники (не-скандинавы), которые в летописях упоминаются под именем «варягов», почему-то не оставили следов в материалах археологии.

¹⁶ См., напр.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 450—454.

Приглашение Рюрика на княжение.
 Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV век.

шедшие с ним варяги первоначально назывались *русью*, то есть именно они принесли это название, ставшее затем наименованием народа и государства восточных славян, в Восточную Европу¹⁷. По версии Начального свода и одной из редакций «Повести временных лет», Рюрик сразу же стал князем в Новгороде, по версии другой редакции «Повести» он сначала сел на княжение в Ладоге, а через два года основал Новгород и перебрался туда.

Новгородская первая летопись младшего извода (текст Начального свода) в переводе на совр. рус. яз.¹⁸

Во времена Кия, Щека и Хорива новгородские люди, называемые словене, кривичи и меря, имели свои волости: словене свою, кривичи свою, меря свою; каждый владел своим родом, а чудь — своим родом. И давали дань варягам от мужа по беличьей шкурке; а те [варяги], что бывали у них, творили насилие словенам, кривичам, мере и чуди. И восстали словене, кривичи, меря и чудь против варягов, и изгнали их за море; и начали сами собой владеть и города строить. И стали воевать между собой, и была между ними большая война и усобица, и поднялся город против города, и не было у них

¹⁷ См.: Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 38–42.

¹⁸ Тексты рассказа о приглашении Рюрика из Начального свода и двух редакций «Повести временных лет» на языке оригинала см. в настоящем номере журнала в материале «Приглашение Рюрика на княжение в памятниках древнерусского Начального летописания».

законного порядка. И решили: «Поищем князя, который бы владел нами и управлял нами на основе закона и договора». Пошли за море к варягам и сказали: «Земля наша велика и обильна, а порядка у нас нет; пойдите к нам княжить и владеть нами». Вызвались три брата с родами своими, взяли с собой многочисленную и превосходную дружину и пришли к Новгороду. Старейший сел в Новгороде, имя ему было Рюрик; второй — на Белоозере, Синеус; а третий — в Изборске, имя ему Трувор. И со времени тех варягов-пришельцев стала прозываться Русь, с их времени известна Русская земля; и есть до нынешнего дня новгородские люди, происходящие от варягов. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор, и Рюрик взял власть один, [наследовал] власть обоих своих братьев и стал владеть один.

**«Повесть временных лет» (вариант Ипатьевской летописи),
в переводе на совр. рус. яз.**

В год 6367 (859). Варяги, приходящие из заморья, вжимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей, брали по белой шкурке белки от дома. <..>

В год 6370 (862). Изгнали варягов за море и не дали им дани. И начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие [варяги] называются шведы, а другие норвежцы, [а другие] англичане, а еще иные готы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли сначала к словенам, и построили город Ладогу, и сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор и принял всю власть один Рюрик. И пришел к [озеру] Ильмень, и построил город над Волховом, и назвали его Новгород, и сел тут, княжа и раздавая мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — пришельцы, а первоначальное население в Новгороде — словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома. И над всеми ими властвовал Рюрик.

Традиционно описанное в приведенных летописных фрагментах событие обозначается как «призвание варягов», но такая его характеристика, мягко говоря, неточна.

Во-первых, в текстах Начального свода и «Повести временных лет» отсутствует слово «призвание» или «призвати». Летописный рассказ говорит по сути о *приглашении на княжение*. Приглашаются не вообще «варяги», а те, кто по своему общественному положению могли претендовать на княжеский статус. То есть речь следует вести не о «призвании варягов», а о «приглашении князя-варяга».

Вокняжение Рюрика и его Братьев.
Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV век.

Летописный сюжет записан много позже самого события (не ранее конца X в.¹⁹), но серьезных оснований предполагать в нем литературный вымысел нет. В тексте присутствует определенное противоречие: сначала некие варяги, взимавшие дань со словен и их соседей, были изгнаны, но обратились изгнанные с приглашением прийти к ним на княжение все равно к варягам. В «Повести временных лет» это противоречие практически снято благодаря вставке («к руси; сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же урмани, ангыляне, инѣи и готе, тако и си»), разъясняющей, что варяги бывали разные (из чего читатель мог заключить, что

¹⁹ Это наиболее ранняя датировка гипотетического древнейшего летописного памятника (см.: Гиппиус А.А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.). Автореф. докт. дисс. М., 2006. С. 20–26).

пригласили князя не от тех варягов, которых изгнали). Но в наиболее раннем дошедшем варианте сюжета — в Начальном своде — и изгнанные, и те, от кого пригласили князя, названы просто «варягами», и читатель был вправе предполагать, что обратились к тем, кого только что изгоняли. Очевидно, и «изгнанные», и «приглашенные» назывались «варягами» без уточнения в исходном варианте рассказа, передававшемся в течение конца IX—X столетий изустно, и летописец, первым записавший его, добросовестно зафиксировал это.

Каково же значение приглашения князя-варяга для дальнейшего хода процесса государствообразования в Восточной Европе? Правомерно ли сводить его только к появлению княжеской династии?

Явлением, предопределившим основы и характер древнерусской государственности, стало заселение Восточноевропейской равнины славянами²⁰, которое являлось составной частью расселения славян в VI—VIII вв. на обширной территории Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, в свою очередь представлявшего собой составную часть Великого переселения народов — грандиозного миграционного движения, охватившего Европу в I тыс. н.э. и полностью изменившего этническую и политическую карту континента. Славянское расселение предопределило, во-первых, территориальные пределы распространения древнерусской государственности: государство Русь сложилось в основном на территории, колонизованной славянами в VI—VIII вв.²¹, и только отчасти (на северо-востоке, в междуречье Оки и Волги) — на землях, где в IX—X столетиях еще преобладало дославянское, финно-угорское население (здесь славянская колонизация шла вместе с освоением территорий государственной властью). Во-вторых, именно расселение славян заложило главную экономическую основу древнерусской государственности — земледельческое хозяйство с преобладанием пашенного земледелия (дославянское население лесной зоны Восточной Европы — балты и финно-угры — занималось в основном охотой и рыболовством)²². Несомненно, что в восточнославянском обществе складывались и политические предпосылки перехода к государственности.

Традиционная трактовка восточнославянского общества накануне образования государства как «племенного» не соответствует ни данным ис-

²⁰ См. о нем: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; *Он же.* Славяне в раннем Средневековье. М., 1995; *Он же.* Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.

²¹ Ранее VI столетия славяне обитали, по-видимому, только на юго-западе будущей территории Руси — между Средним Днепром и Восточным Прикарпатьем.

²² См.: *Древняя Русь: город, замок, село.* С. 219–242.

точников²³, ни современным научным представлениям о политогенезе. В последние полвека на основе изучения общественного устройства народов, сохранивших архаический общественный строй до Нового времени, этнологи пришли к выводу, что племя не перерастает в государство. Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия. Ее принято обозначать английским словом *chiefdom*, что обычно переводится на русский язык как «вождество». Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем есть старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя. Именно от стадии вождеств следовал переход к государствообразованию²⁴.

У славян племенная структура была сломана в ходе славянского расселения по Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе VI–VIII вв. Славянские догосударственные общности раннего Средневековья были новообразованиями, сложившимися в результате миграций, и с точки зрения современных представлений о политогенезе являлись вождествами²⁵. Византийцы, представители наиболее развитой государственности тех времен, подметили территориально-политический характер славянских группировок и уже начиная с VII столетия именовали их преимущественно не терминами *γένος* и *ἔθνος*, указывающими на этническую общность, а термином, образованным от общеславянского самоназвания *словѣне* — «славинии» (*Σκλαβηνία*)²⁶.

Формирование государства Русь шло практически одновременно со складыванием западнославянских государств — Чехии и Польши, в течение IX–X вв. Сходны были и характерные черты в формировании

²³ Восточнославянские догосударственные общности (поляне, древляне, дреговичи, вятичи и др.) *ни в одном источнике ни разу* не именуются «племенами».

²⁴ См.: Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

²⁵ См.: Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160–177; Горский А.А. Русь. С. 10–14; Он же. К вопросу об уровне развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Восточная Европа в древности и Средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2011.

²⁶ См.: Литаврин Г.Г. Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. Этот термин прилагался к группировкам не только балканских славян, но также западных и восточных. Так, император Византии Константин VII Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (середина X в.), говоря о зависимых от киевских князей восточнославянских группировках, определяет их как «славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев» (то есть древлян, дреговичей, кривичей и северян, см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 44–45, 50–51; ср. у него же употребление того же понятия применительно к общностям западных славян: Там же. С. 107–109).

Древнерусского и западнославянских государств. И на Руси, и в Чехии, и в Польше ядром государственной территории становилась одна из «славиний», а соседние постепенно вовлекались в зависимость от ее правителей. Во всех названных странах основной «государствообразующей» силой была княжеская дружина. Везде наблюдается смена старых укрепленных поселений (градов) новыми, служившими опорой государственной власти²⁷.

Тем не менее государство Русь по одному признаку выделяется из ряда других славянских государств. И у западных, и у южных славян сложилось по нескольку государств, а восточные славяне все оказались объединены в одном: данный факт, обычно воспринимаемый как само собой разумеющийся, в действительности является уникальным. Между тем для IX столетия у славян восточных можно говорить о нескольких центрах потенциального государствообразования: в Среднем Поднепровье (у полян), на севере Восточной Европы (у словен и их соседей), в землях северян, древлян, волынян, прикарпатских хорватов. Развитие вполне могло пойти таким образом, что на Восточноевропейской равнине образовалось бы и существовало несколько государственных образований (собственно, позже, с XII в., такая полицентричная система государств здесь сформировалась и просуществовала несколько столетий).

В этом свете роль Рюрика и пришедшего с ним контингента выглядит более существенной, чем только начало династии. Именно Рюрик и его преемники с их дружинами производили объединение «славиний» Восточной Европы (и некоторых неславянских общностей — мери, веси, муромы) под единой властью. Варяги, приходившие в Восточную Европу

²⁷ См.: *Łowmiański H. Początki Polski*. Т. 4. Warszawa, 1970. S. 445–493; Т. 5. Warszawa, 1973. S. 310–504; *Флоря Б.Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 108–111, 117–119; *Он же.* Государственная собственность и централизованная эксплуатация в западнославянских странах в эпоху раннего феодализма // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм). М., 1988; *Тржешитик Д.* Среднеевропейская модель государства периода раннего Средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; *Жемличка П., Марсина Р.* Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991; *Горский А.А.* Русь. С. 46–48, 87–94, 108–111.

Рюрик передает своего сына Игоря на воспитание Олегу.
 Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV век.

ранее, ограничивались установлением контроля над отдельными участками торговых путей: на севере — в Поволховье и Верхнем Поволжье, на юге — в земле полян (летописные Аскольд и Дир)²⁸. Рюрик же после своего прихода установил на севере Восточноевропейской равнины более масштабную систему власти, в которой появился такой важный элемент (получивший развитие при последующих русских князьях), как управление территориями не через посредство местных правителей, а путем назначения наместников²⁹ (в современной политической антропологии это признается одним из признаков перехода от «вождества» к государству). Олег объединил северные территории словен, кривичей и их финноязычных соседей с политическим образованием в Среднем Поднепровье и сделал данниками ряд «славиний» юга Восточной Европы (древлян, северян, радимичей)³⁰. Сменивший его Игорь еще более расширил подвластную Киеву территорию на юге³¹. Позже Ольга непосредственно подчинила Киеву землю древлян³², Святослав покорил

²⁸ Новгородская первая летопись. С. 106; ПСРА. Т. 1. Стб. 19–21; Т. 2. Стб. 15–17.

²⁹ Новгородская первая летопись. С. 106; ПСРА. Т. 1. Стб. 20; Т. 2. Стб. 14.

³⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 23–24; Т. 2. Стб. 16–17.

³¹ Новгородская первая летопись. С. 109–110; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 44–45, 50–51, 156–157.

³² ПСРА. Т. 1. Стб. 54–60; Т. 2. Стб. 43–48.

вятичей³³, а Владимир к концу X столетия стал управлять всей Русью через наместников (сыновей), что знаменовало собой завершение формирования государственной территории³⁴.

Таким образом, объединение осуществляли норманны по происхождению, но не любые, а варяжские князья, и тоже не всякие, а Рюрик и его преемники при помощи своих дружинных контингентов. Норманны, появлявшиеся на Руси в эпоху после прихода Рюрика, в течение X столетия, играли уже совершенно другую роль. Это были отряды викингов, нанимавшиеся русскими князьями для внешних войн. Часть таких варягов погибала в походах, часть возвращалась на родину³⁵, часть оседала на Руси, пополняя дружинный слой. Ничего принципиально «государствообразующего» эти варяги внести не могли, поскольку деятельность их была подчинена интересам русских князей.

Следовательно, Рюрик и его люди сыграли в процессе государствообразования немаловажную роль: с ними появилась (и была закреплена деятельностью их потомков) тенденция к формированию крупного государства, объединившего все восточнославянские территории. Проблема здесь в том, что у скандинавов той эпохи тенденций к формированию такого рода государств не прослеживается. В Норвегии объединение областей в единое королевство исследователи датируют концом IX — началом X в., но в течение всего X и начала XI столетия это единство было непрочным. Образование единого государства в Дании относят к середине X в. Что же касается Швеции (откуда, судя по археологическим данным, происходило большинство приходивших в Восточную Европу «варягов»), то здесь формирование государства датируют в лучшем случае концом X — началом XI в., а некоторые ученые считают возможным относить его и вовсе только к XII столетию³⁶. Между тем на Руси уже к 940-м гг. сложилась политическая система, охватывающая огромную территорию — от Невы и Ладожского озера до днепровских порогов; под непосредственной властью киевских князей были территории полян, словен, части кривичей, их верховенство

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65; Т. 2. Стб. 53.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. 81–84, 121; Т. 2. Стб. 69–71, 105–106; см. также: Горский А.А. Русь. С. 58–76.

³⁵ См.: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. М., 1985.

³⁶ См.: Роэсдал Э. Мир викингов. СПб., 2001. С. 59–70; Андрущук Ф.А. От Рагнара Лодброка до Видгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем Средневековье) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 113.

признавали еще сохранявшие собственных князей «славинии» древлян, дреговичей, северян, лендзян, радимичей, уличей, другой части кривичей³⁷. Подчинение всей восточнославянской территории было завершено киевскими князьями к концу X в., но уже к середине этого столетия они контролировали территорию, несопоставимую по масштабам с владениями каких-либо скандинавских конунгов. Что касается стран, куда норманны уходили в ходе «движения викингов», то там, где они осуществляли экспансию на земли народов, не имевших еще сложившейся государственности, не появлялось не только крупных, но вообще никаких государств: викинги не создали государств ни в Ирландии, ни в земле пруссов (между низовьями Вислы и Немана), ни в Восточной Прибалтике.

Получается, что ни восточные славяне, ни норманны не имели таких «государствообразовательных потенций», которые позволили бы создать то сверхкрупное государство, которое мы видим на карте Восточной Европы к середине X столетия. При этом, вновь обращаясь к южным и западным славянам, надо отметить, что их государственность возникала под влиянием развитой государственности соседей: у южных славян — византийской и (для Хорватии) франкской, у западных — франкской. Для Руси же, где было создано намного более крупное государство, и практически без «запаздывания» по времени появления, таких влияний не просматривается. Византия находилась в отдалении, ее влияние проявится позже (и главным образом в культурной сфере). Еще более отдалена (и отделена западнославянскими землями) была от восточных славян империя франков. Остается норманнское влияние, но норманны сами не имели еще государственности... Исследователи вынуждены возвращаться в замкнутом кругу: те, кто скажет, что государство создано восточными славянами при некотором участии норманнов, встретят аргумент, что у славян не было тенденций к формированию столь масштабных государств; те, кто станет утверждать, что Русь была создана норманнами при некотором участии восточных славян, получают аргумент, что таких тенденций не было у норманнов, и вообще они не могли быть носителями государственности, поскольку сами еще находились на догосударственной стадии развития.

Для ответа на вопрос, с чем могла быть связана особая роль варяжского контингента во главе с Рюриком и его потомков в установлении той

³⁷ См.: Горский А.А. Русь. С. 58–75.

масштабной системы властвования в Восточной Европе, которая сложилась в течение конца IX—X в., необходимо мобилизовать те скудные данные, которые имеются в источниках об этой группировке.

«Повесть временных лет» помещает Рюрика и его людей (первоначальную *русь*, по мнению летописца) в определенный географический контекст, в ряду с другими «варягами» — свеями (шведами), урманам (норвежцами), готами (жителями острова Готланд в Балтийском море) и англянами (англичанами)³⁸. Фактически *русь* названа на месте данов (датчан), которые не упомянуты, несмотря на то что на Руси в начале XII столетия (во время составления «Повести временных лет») их хорошо знали. То есть в представлении летописца Рюрик и его люди были данами³⁹. Вероятно, информация о датском происхождении родоначальника русской княжеской династии была получена в 1116 г. (незадолго до создания редакции «Повести временных лет», в которой *русь* была поставлена на место данов), в ходе посольства в Данию, связанного с заключением брака между дочерью новгородского князя Мстислава Владимировича (сына киевского князя Владимира Мономаха) Ингиборг и датским герцогом Кнутом Лавардом. В Дании хорошо помнили тезку и современника Рюрика — одного из видных предводителей датских викингов в середине IX столетия Рёрика, и скорее всего, эти персонажи были в результате разысканий, предпринятых русской стороной во время визита 1116 г., отождествлены⁴⁰.

Косвенным свидетельством в пользу «датской» версии происхождения Рюрика является упоминание о предшествовавшем его приглашению изгнанию варягов, бравших дань со словен и их соседей. Варягами, взимавшими дань, были скорее всего викинги из Средней Швеции — Свеаланда, области Скандинавии, наиболее близкой к региону Поволжья и Приладожья. Следовательно, маловероятно, чтобы князя стали приглашать от тех же варягов, которых изгнали. Соответственно, приглашение предводителя «других» варягов — датских — было бы вполне логичным⁴¹.

³⁸ Такое расположение руси присутствует не только в статье 862 г., но и в вводной (недатированной) части «Повести временных лет», где помещен перечень народов Северной и Западной Европы: «...свеи, урмане, готъ, русь, агляне...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 4).

³⁹ См.: Горский А.А. Повесть временных лет о руси Рюрика // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 6 (6). С. 17–20.

⁴⁰ См.: там же. С. 20–23.

⁴¹ Ср.: Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Варяги и Русь // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193–194; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 109.

Из скандинавских народов именно даны в IX столетии наиболее тесно контактировали с тогдашним центром цивилизации Западной Европы — Франкской империей и государствами — ее наследниками. В связи с этим примечательно соотнесение *руси* с франками, имеющее место в двух византийских хрониках середины X в., где встречаются определения *руси* как происходящей «от рода франков» — ἐκ γένους τῶν Φράγγων. Это Хроника продолжателя Феофана и Хроника Симеона Логофета в двух (из трех известных) ее редакциях — Хронике Георгия Амартола (с продолжением) по ватиканскому списку и Хронике Псевдо-Симеона.

Анализ этих сообщений⁴² привел к следующим выводам: 1) они были записаны в середине 940-х гг. (до 948 г.); 2) тезис о тождестве руси и франков исходил от русских; 3) его выдвижение было, скорее всего, связано с планами правительницы Руси (с 945 г.) княгини Ольги заключить династический брак с византийским императорским домом, который, по традиции, соблюдал запрет на заключение матримониальных союзов со всеми иноземцами, кроме франков.

Под происхождением от франков вовсе не обязательно подразумевалось происхождение всей *руси* в смысле всего населения, подвластного русским князьям: речь могла идти о правящей верхушке, наиболее политически активной части общества, которая в средневековых представлениях была главным носителем этнонима. Между тем в Византии в ту эпоху «франками» называли жителей государств, сложившихся на месте империи Карла Великого и его потомков (безотносительно их этнической принадлежности)⁴³. То есть если допускать, что отождествление *руси* с франками, зафиксированное в византийских хрониках середины X в., имело какую-то основу в реальности, то такой основой могло быть пребывание предков русских князей и лиц из их окружения во владениях Каролингов, которое давало им возможность выводить себя «от франков» в широком смысле этого понятия, принятом в то время в Византии.

Итак, надо признать, что к объединению всех восточных славян в единое государство привело воздействие норманнов. Но, во-первых, не всех викингов, приходивших на территорию Руси в течение IX—X вв., а только одного контингента — дружины Рюрика (позже возглавленной Олегом). Вторых же — и главное, — этот контингент, скорее всего, был норманнским

⁴² Горский А.А. Русь «от рода франков» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).

⁴³ Поэтому определение «от рода франков» не может быть указанием на норманнское происхождение *руси* — скандинавы в население владений Каролингов не входили.

больше по названию, чем по сути. Его представители, видимо, относились к наиболее «франкизированной» на тот момент группировке выходцев из Скандинавии⁴⁴. Они должны были являться в большей мере носителями традиций франкской государственности, чем скандинавских общественных порядков. Их воздействие следует в таком случае считать не норманнским, а франкским, только «перенесенным» лицами скандинавского происхождения. По существу это было воздействие франкской государственности на процессы государствообразования у восточных славян. То есть имело место обычное в истории влияние развитой цивилизации на формирующуюся. В последнее время исследователи разных стран все более обращают внимание на воздействие франкского общества на политическое развитие скандинавов и западных славян в раннее Средневековье, приходя к выводу о значительной роли контактов с франками в образовании государств в Центральной и Северной Европе⁴⁵. Сказанное выше позволяет высказать предположение, что и восточные славяне не оказались в стороне от такого воздействия: специфика состояла в том, что в данном случае оно исходило не от непосредственных соседей — имел место переход его носителей на значительное расстояние и интеграция в местное общество. Такое предположение позволяет объяснить, почему образование государства у восточных славян, более географически удаленных от тогдашних центров цивилизации, чем славяне западные, происходило практически без отставания в темпах в сравнении с последними.

⁴⁴ Если верно отождествление Рюрика с Рёриком, представителем рода датских конунгов (впервые сделанное, как говорилось выше, скорее всего при составлении «Повести временных лет»), то близость его и его людей к франкам не удивительна: Рёрик около 40 лет провел на франкской территории, послужив пятерым императорам и королям (новейшую сводку данных о Рёрике см.: *Пчелов Е.В.* Рюрик. М., 2010. С. 134–156). Возглавляемый им контингент во второй половине IX столетия был испытывавшим наибольшее франкское влияние среди всех норманнов.

⁴⁵ См.: *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe.* Brepols, 2008.

Anton A. Gorsky

THE INVITATION OF RURIK

and his role in the historical development of the Russian State

The article analyzes events connected with the so called «Invitation» of Rurik mentioned in the «Tale of Bygone Years» in 862, and their role in the process of the foundation of the Early Russian State. Politically, Eastern Slavic society tended to create States. Rurik and his successors played a very significant role in that process; the State of Rus' appeared when all the Eastern European Slavic lands (and partly non-Slavic) were united under their rule.

Горский Антон Анатольевич

доктор исторических наук, профессор исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института
русской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)

Е.А. Мельникова

НОРМАННЫ И ДАНЫ, РУСЬ И ВАРЯГИ:

скандинавы на западе и востоке Европы¹

кандинавских викингов называли в Англии и Франкии норманнами («северными людьми») и данами, на Руси — русью и варягами. Уже сами эти наименования отражают различия в деятельности скандинавов на западе и востоке Европы и, соответственно, их восприятие местными жителями. Для англо-саксов и франков это были жестокие грабители и разбойники, пришедшие с севера или из пограничной с Франкской империей «датской марки» (Danmark), владений «диких» данов. На Руси это профессиональные воины, на раннем этапе — те, что приходили на гребных судах в Приладожье, затем получили власть в Ладожско-Ильменском регионе по соглашению с местной знатью, а потом захватили Киев, возглавив Древнерусское государство (*русь*), позднее — воины-наемники (*варяги*) на службе у русских князей, приносявшие им клятву (*вар*) верности. Однако при всех различиях в судьбах скандинавов за пределами

¹ Статья написана в рамках работы над проектом «Возникновение и становление Древнерусского и других средневековых государств: компаративное исследование» по целевой программе РГНФ «1150 лет зарождения российской государственности» (№ 12-01-08018).

их родины просматривается и много общего: прежде всего в относительной синхронности форм их активности в разных регионах Европы, но также и в специфике их интеграции в местные общества. Выход же скандинавов на европейскую сцену начался задолго до эпохи викингов.

Постоянные контакты связывали скандинавов с народами Британских островов и Восточной Прибалтики по крайней мере с V в., когда на западе началось германское завоевание Англии, в котором участвовали англы, населявшие Южную Ютландию, а на востоке появились первые готландские и среднешведские колонии на побережьях современных Литвы, Латвии и Эстонии, такие как Вишнево, Апуоле, Гробине и Прооза (на территории современного Таллина). В ходе расселения в Англии англы, саксы и юты смешивались между собой и частично ассимилировали местное кельтское население. Военный характер экспансии обусловил формирование уже в процессе расселения нескольких раннегосударственных образований, которые быстро переросли в государства с развитой административной, фискальной и судебной системами. К VIII в. во всех них в качестве официальной религии было принято христианство, и христианская культура быстро внедрилась в жизнь знати. Скандинавские колонии в Восточной Балтике поддерживали регулярные связи с родиной и были в значительной степени изолированы. Они оставались, по преимуществу, торгово-ремесленными поселениями, не включавшимися в сколько-нибудь значительной степени в местную среду.

Эпоха викингов открыла новый этап скандинавской экспансии в Европе². Ее начало было ознаменовано серией неожиданных и сокрушительных нападений отрядов викингов на монастыри Восточной Англии: первым, в 793 г., был разгромлен монастырь св. Кутберта на о. Линдисфарн (*рис. 1*). Вся тяжесть набегов викингов обрушилась на Западную Европу, достигнув пика в середине IX в. Главной целью викингов был грабеж, получение как можно большей военной добычи, в том числе пленных. С середины IX в. часть скандинавов перешла к колонизации Англии, Ирландии и Северной Франкии, где образовались Область датского права, Норвежское королевство с центром в Дублине, наконец, герцогство Нормандия. В движении на запад принимали участие в основном норвежцы и даны, главные интересы шведов лежали на востоке.

² Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Скандинавское продвижение на восток не прекращалось с V в. Это было продолжение и развитие предшествующих связей, которые постепенно увеличивались в интенсивности и охвате территории. Более или менее регулярное проникновение скандинавов во внутренние районы Восточной Европы, прежде всего на северо-западе, началось еще до эпохи викингов и значительно ранее славянской колонизации Приильменья и Поволховья. На о. Тютерс в Финском заливе и о. Риеккала в Ладожском озере найдены следы временных стоянок скандинавов VI–VII вв., судя по находкам, охотников на пушного зверя или торговцев, скупавших пушнину

Рис. 1. Нападение викингов на о. Линдисфарн. Резьба по камню. IX век.

у местного финского населения (рис. 2). Пушнина была, вероятно, на раннем этапе главным стимулом, привлекавшим скандинавов в Восточную Европу. Таким образом, начальные этапы экспансии викингов на западе и востоке имели различную предысторию.

Различными были и географические условия, с которыми викинги сталкивались в этих двух регионах Европы. Открытые для стремительных нападений с моря неукрепленные поселения и монастыри по берегам Северного моря представляли собой легкую добычу и не таили опасности для нападавших. Побережье Восточной Балтики также могло бы быть целью викингов и временами становилось объектом их внимания, но цепь среднешведских и готландских поселений несколько сдерживала грабительские набеги: население этих центров было вполне в состоянии дать отпор. Проникать же вглубь приходилось по рекам с порогами, отмелями, излучинами, что исключало внезапность нападения. Поэтому

Восточная Европа не знала опустошительных набегов викингов в сколько-нибудь сравнимых с Западной масштабах, и объективные обстоятельства не позволяли скандинавам использовать одну и ту же тактику в обоих регионах.

Последнее, но не менее важное различие, обусловившее характер деятельности викингов в Западной и Восточной Европе, касалось типов местных обществ. На рубеже VIII–IX вв. Англо-саксонская Англия состояла из нескольких королевств: Уэссекса, Восточной Англии, Мерсии и Нортумбрии, которые вели непрерывающуюся борьбу за главенство.

Рис. 2. Охота на пушного зверя. Карта Олая Магнуса. XVI век.

Это были ранние средневековые государства с ярко выраженной социальной иерархией, поддерживаемой законодательством, эффективным аппаратом управления на различных уровнях, сильной центральной властью. Еще в VII в. во всех королевствах было принято в качестве официальной религии христианство, и церковная организация к началу набегов викингов уже устоялась. Чрезвычайно высокого уровня достигла англосаксонская культура, объединившая германские традиции с латинской ученостью, развивалась литература как на латинском, так и на древнеанглийском языке.

Общества, с которыми скандинавы вошли в контакт в Восточной Европе, были совершенно иными. Ладожско-Ильменский регион был заселен финскими племенами с непродвинутой экономикой, слабой социальной дифференциацией и редкими поселениями. Славяне, мигрировавшие в этот регион в VIII в. (более ранние даты, VII и даже

VI в., вызывают большие сомнения), были земледельцами и скотоводами, но их общественное устройство в это время также обнаруживает лишь незначительный уровень стратификации без каких-либо следов предгосударственных структур.

Эти предпосылки обусловили особенности деятельности викингов в каждом из регионов, так же как и результаты их взаимодействия с местными обществами.

Первый этап экспансии викингов на Запад отличается массовыми грабительскими набегами, количество, масштаб и территориальный размах

Рис. 3. Фризский
кувшин.
Старая Ладога. IX век.

которых увеличивались на протяжении первой половины IX в. Разрозненные отряды переросли в хорошо подготовленные флотилии, действовавшие как на континенте, так и на Британских островах. К середине IX в. викинги опустошили большинство городов, расположенных на берегах Северного моря и Ла-Манша. Для увеличения периода военных действий некоторые из дружин перешли к зимовке на захваченных землях, как правило, островах в устьях рек (впервые — на о. Танет в 850 г.).

В первой половине VIII в. скандинавы на северо-западе Восточной Европы перешли от разовых поездок за пушниной (и, возможно, пленными-рабами) к более интенсивным действиям. Более или менее постоянное их присутствие в регионе ознаменовывается основанием Ладоги (*Aldeigjuborg* исландских саг, современная Старая Ладога) в середине VIII в. (высказано предположение, что она возникает уже в 730-е гг.), вскоре здесь появляется и славянское население. Ладога не была изолированным центром —

ее основание замкнуло на востоке сложную систему коммуникаций, связывающую Североморский регион с Балтийским и служившую прежде всего для торговых операций³.

О главенствующей роли торговли в жизни Ладоги свидетельствуют многочисленные археологические находки, указывающие на ее контакты со среднешведской Биркой, датским Хедебю и даже североморской Фризией (рис. 3). Клады восточных серебряных монет, дирхемов, появляются в самой Ладоге и ее округе с 780-х гг. На некоторых монетах прорезаны отдельные руны и целые надписи (рис. 4), что несомненно указывает на активное участие скандинавов в перемещении восточного серебра.

На протяжении VIII в. скандинавы освоили Балтийско-Волжский путь, который стал продолжением балтийской системы коммуникаций и важнейшим отрезком трансконтинентальной магистрали, связавшей

Рис. 4. Половина арабского дирхема
с надписью **guf** («бог»)
IX век.

Западную Европу с арабским Востоком. Он начинался в Финском заливе и проходил по Неве в Ладожское озеро, откуда разветвлялся на юг и восток по большому количеству рек. Основная дорога лежала по реке Волхов мимо Ладоги к озеру Ильмень и оттуда по Мсте и Ловати вела на Верхнюю Волгу и далее вплоть до Каспийского моря.

Благодаря разветвленной речной системе, которая образовывала множество альтернативных путей, Балтийско-Волжский путь охватывал огромную территорию, населенную финскими племенами. Важнейшими вехами формирования пути было основание вдоль него торго-

³ Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избр. труды. М., 2011. С. 421–432.

ремесленных центров, таких как Ладога, и контрольных пунктов, как «Рюриково» городище (на территории Новгорода) в середине IX в. Гарнизон, стоявший на «Рюриковом» городище, контролировал второе по значению разветвление на Балтийско-Волжском пути. Последующие этапы освоения пути связаны с возникновением поселений у дер. Тимерево под Ярославлем, на Сарском городище у оз. Неро, с концентрацией кладов арабских монет на повороте Волги к югу в IX в.

Формирование восточноевропейского отрезка трансконтинентальной магистрали имело по меньшей мере два важных последствия для развития местных обществ⁴. С одной стороны, путь, а точнее богатства, проходившие по нему, привлекали племенную верхушку и вовлекали ее в торговлю и обеспечение пути. Могильники, находящиеся рядом с торгово-ремесленными поселениями, обнаруживают смешение скандинавских и местных погребальных практик и концентрацию местной знати. Доступ к дальней торговле стимулировал более быстрое социальное развитие тех обществ, которые обитали в зоне этого пути.

С другой стороны, было необходимо контролировать безопасность и поддерживать функционирование пути, и если первую задачу решали прежде всего сами скандинавы (гарнизон на городище), то вторую в значительной степени обеспечивали местные жители. Они же осуществляли поставки продовольствия и, вероятно, товаров для торговли: пушнины, воска, меда. К 860-м гг. северо-западная часть будущего Древнерусского государства сплотилась в единый регион, концентрирующийся вокруг Балтийско-Волжского пути и экономически ориентированный на дальнюю торговлю.

Второй этап скандинавской экспансии отмечен колониционными процессами. Сначала в Англии после 865 г. и несколькими десятилетиями позднее в Северной Франкии норманны начали оседать на землю. Они не создавали изолированные анклавов, но селились вперемешку с местным населением. На протяжении двух-трех десятилетий неистовые воины превратились в мирных земледельцев. В Восточной Европе следов массовой крестьянской колонизации не обнаружено: лишь в берестяной грамоте № 526 (стратиграфическая дата 1080-е гг.) назван некий Азгут,

⁴ Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. С. 15–34.

Торг на Ладоге.

Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию». XVII век.

живущий в окрестностях озера Селигер. Расселение скандинавов на Руси началось позднее, и обосновывались они почти исключительно в протогородах или размещались в качестве военных гарнизонов в дружинных лагерях.

В VIII — первой половине IX в. их пребывание в центрах вдоль Балтийско-Волжского пути было, вероятно, кратковременным, тем не менее оно создавало условия для установления все более тесных контактов с местной знатью. Соответственно, как на западе, так и на востоке возникла новая проблема: необходимость регулирования отношений между пришельцами и местным населением. В обоих регионах эта проблема решалась с помощью соглашений между вождями скандинавских отрядов и местными правителями.

Первые попытки «цивилизовать» викингов, заключая с ними договоры, восходят к временам Карла Великого, то есть самому началу эпохи

викингов⁵. Карл попытался решить спорные вопросы путем переговоров и соглашений с правителями Хедебю; переговоры продолжались более 10 лет и действительно завершились заключением договора в 811 г. Но результаты были ничтожны. Как этот договор, так и последующие соглашения, равно как и пожалования датским вождям ленов на условиях охраны территории, не остановили нападения данов на Гамбург, Дорестада, Париж в середине IX в. Только к концу столетия договор стал эффективным средством урегулирования отношений с теми из вождей викингов, целью которых было расселение на новых землях.

Нам известны три таких договора, происходящие из Северной Руси, Англии и Франкии. Первый, условно датированный в «Повести временных лет» 862 г., лег в основу устной исторической традиции о Рюрике, ставшем правителем политики в Ладожско-Ильменском регионе. Она отразилась в «Повести», написанной в начале XII в., в форме краткого переложения — сказания о призвании варяжских князей, сложившегося, вероятно, еще в IX в. Второй договор, сохранившийся в копии XI в., был заключен уэссекским королем Альфредом Великим с предводителем датчан Гуттрумом в Ведморе в 878 г. Третий договор, между западнофранкским королем Карлом Простоватым и датским (норвежским?) викингом Роллоном (Хрольвом), заключенный в Сен-Клер-сюр-Эпт в 911 г., упоминается в грамоте 918 г. и пересказывается Дудоном Сен-Кантенским в «Деяниях первых герцогов Нормандии», написанных в начале XI в. Хотя договоры заключались в разных условиях и, соответственно, различаются в деталях, в них присутствуют одни и те же основные условия.

Во-первых, они разрешают договаривающейся группировке скандинавов поселиться на некой территории. Область расселения точно определяется в договорах: в русском перечислены «города» (частью не существовавшие в IX в.: очевидно, современными ему городами летописец обозначил соответствующие племенные территории), куда Рюрик посадил своих мужей, т.е. область, на которую распространяется власть скандинавского правителя; в английском подробно перечислены границы расселения скандинавов (по рекам); во французском, видимо, также были перечислены области с центром в Руане, которые отходили Роллону. На всех этих территориях образуются более или менее устойчивые скандинавские

⁵ Мельникова Е.А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 12–26.

политии: в Ладожско-Ильменском регионе, в центральной Англии — Область датского права, в северо-западной Франкии — Нормандия.

Во-вторых, во всех договорах сделана попытка обеспечить быстрое инкорпорирование скандинавов в местное общество. Английский и, вероятно, французский договоры ставили условием принятие христианства новопоселенцами, по меньшей мере их правителями и знатью. Заключение договоров, соответственно, сопровождалось крещением Гутрума и Роллона вместе с их «лучшими людьми». Договор с Рюриком не мог иметь статьи о его крещении — местная знать оставалась еще языческой, но зато в соглашении был включен пункт о его княжении «по ряду, по праву», то есть в соответствии с местными правовыми традициями.

В-третьих, это же условие древнерусского договора регулировало отношения новых правителей с местным населением — в соответствии с принятыми в обществе нормами. Ведморский договор специально оговаривает взаимоотношения данов Области датского права и англоv, живущих вне ее, стараясь свести их к необходимому минимуму — торговле, осуществление которой должно сопровождаться обменом заложниками. В целом же данам запрещалось покидать оговоренную в договоре территорию.

В-четвертых, во всех случаях предполагалось, что расселившиеся скандинавы станут надежной защитой своих территорий от нападений викингов, хотя это условие и не оговаривалось в самом договоре. Это соглашение выполнялось — особенно поначалу — далеко не всегда, но по прошествии времени надежды местных правителей оправдывались.

В целом, последствия договорной практики оказались более или менее схожими на западе и востоке. Скандинавы постепенно интегрировались в местные общества, хотя этот процесс протекал с разной скоростью и интенсивностью, что в значительной степени зависело от конкретных условий. Во Франкии с давно сложившимся государственным устройством Роллон и его викинги были автоматически включены в систему вассалитета. Роллон и его преемники стали вассалами франкских королей и довольно быстро утратили независимость, а христианизация ввела их в культурный мир франков. Ни договор 911 г., ни последующие договоры не предусматривали каких-либо уступок для бывших викингов, и норманны Вильгельма Завоевателя полтора столетия спустя говорили по-французски, усвоили привычки и обычаи франков и разделяли франкские политические концепции.

В Англии ситуация была более сложной. Ведморский договор рассматривал данов как равноправных (хотя и понесших поражение) партнеров, таковыми они оставались и далее, даже когда менее чем

через 50 лет Область датского права была ликвидирована английскими королями. Однако новопоселенцы, даны, а затем норвежцы, которые завоевали Нортумбрию в середине X в. и основали свое собственное королевство с центром в Йорке, сохраняли традиционные для Скандинавии социальные отношения, некоторые институты, а также культурное наследие. В областях плотного расселения скандинавов административно-территориальное деление, политические учреждения, судебная система и законы соединяли англо-саксонские и скандинавские черты. Древнеанглийский язык впитал множество скандинавских слов (до 10% современного словаря). Взаимодействие новопоселенцев и местного населения вылилось в своего рода симбиоз, в котором, однако, доминировала англо-саксонская культура, что в результате привело к ассимиляции скандинавов в первой половине XI в.

Договор с Рюриком институализировал контроль скандинавов над Балтийско-Волжским путем, но не вызвал крестьянскую колонизацию. Скандинавы образовали новую, военную элиту древнерусского общества, но она имела общие интересы с местными элитами — обогащение с помощью торговли с Востоком.

Социальные и политические структуры политии, которая образовалась в Ладожско-Ильменском регионе в середине — второй половине IX в., могут быть частично восстановлены на основе восточных источников X в., которые основывались на информации писателей конца IX в.⁶ Они рисуют общество, жестко разделенное на две страты, которые носят название ар-рус и ас-сакалиба. Второе воспроизводит этноним «славяне», первое скорее является этносоциальным обозначением военной элиты, не владеющей землей, но собирающей дани с ас-сакалиба, грабящей их и захватывающей пленных, чтобы продать их в качестве рабов арабским купцам. Торговля является их основным занятием, и их правитель («царь», «каган») выступает практически как военный вождь и верховный судья.

Ас-сакалиба изображены мирными крестьянами, земледельцами и скотоводами. Хотя это описание, вероятно, испытало влияние интересов арабских писателей, опиравшихся на сообщения купцов, представляется чрезвычайно важным их указание на отсутствие какой-

⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.

либо заинтересованности ар-рус во владении землей и военизированный характер их общества.

Этот тип общественной организации не был типичен для самих Скандинавских стран, где наследственное владение землей (одадем) было обязательно для полноправного члена общества. Возможно, единственным сходством было положение глав этих ранних государств: их доминирующая военная функция и исполнение ими административных функций с помощью профессионального военного слоя — дружин.

Рюрик, однако, был не единственным викинг-предводителем, которому посчастливилось стать правителем раннегосударственного образования в Восточной Европе. На протяжении IX в. был открыт новый международный маршрут — на юг по Днепру в Черное море и Византию. Первое появление групп росов (как их называют византийские писатели) надежно датируется годом или двумя ранее 839 г., когда посольство некоего «кагана» к византийскому императору Феофилу оказалось в Ингельгейме у франкского императора Людовика Благочестивого⁷. Послы назвали себя росами, но было установлено, что они в действительности являются свеонами (жителями Средней Швеции). Примерно в то же время отдельные отряды скандинавов начинают время от времени спускаться по Днепру, нападая на византийские владения, пока в середине IX в. не устанавливают контроль над Киевом, делая его своей военной базой для набегов на Византию и ее черноморские колонии.

Первый мощный набег на Константинополь датирован византийскими писателями 860 г. (в «Повести временных лет» — 866 г.)⁸ (рис. 5). О первых скандинавских правителях Киева ничего не известно, кроме их имен — Аскольд и Дир и того факта, что вскоре после осады Константинополя они приняли христианство. На протяжении второй половины IX в. в Восточную Европу, очевидно, попадало множество отдельных отрядов викингов, которые в поисках наживы иногда грабили, чаще торговали, временами устанавливали контроль над тем или другим торговым центром. Лишь в конце IX в. в Киеве обосновывается новый правитель-скандинав, пришедший с севера, — князь Олег, которому удалось не только закрепиться в этом стратегически важном пункте, но и начать завоевание близлежащих славянских племен.

Олег стал героем обширной эпической традиции, которая была частично пересказана в «Повести временных лет». По летописному

⁷ Бертинские анналы // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2011. Т. IV: Западноевропейские источники / Сост. А.В. Назаренко. С. 17–21.

⁸ Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. М., 2003. С. 5–172.

повествованию, Олег пришел в Киев из Новгорода (вероятнее — из Ладоги, поскольку Новгорода в IX в. еще не существовало) вместе с сыном Рюрика Игорем, объединив тем самым две политики: Ладожско-Ильменскую и Среднеднепровскую, что положило начало Древнерусскому государству.

В соответствии с описанием византийского императора Константина VII Багрянородного в середине X в. скандинавы, которых он называет росами, образовывали военную элиту государства⁹. Они собирали дани с подвластных им славянских объединений («славиний») и отвозили полученное вместе с рабами на рынки Константинополя. Однако договоры, заключенные Олегом и его преемниками на киевском столе с Византийской империей, существенно отличаются от соглашений с викингами: это прежде всего торговые договоры между двумя государствами. Они обнаруживают и первые следы славянизации скандинавской элиты: употребление в ее среде славянских личных имен, проникновение славян и финнов в княжеские дружины.

Важно, что к концу X в. скандинавы, образовавшие в IX–X вв. древнерусскую военную элиту, и новые пришельцы с севера, торговцы и наемные воины, образуют принципиально различные социальные страты, которые летописец четко различает, называя первых русью, вторых варягами¹⁰. Последние для летописца начала XII в. — враждебные и опасные иноземцы, которых можно использовать в качестве наемников, но которым нельзя доверять.

В противоположность земледельческой колонизации Англии, которая оставила множество следов в англо-саксонском социально-политическом устройстве и культуре, скандинавы в Восточной Европе, образовав изолированный военный слой, вынуждены были взаимодействовать с местным обществом и приспособляться к новой культурной среде. Уже в середине X в. «росы» становятся двуязычными, формируется особая «дружинная» культура, в которой сплавлены разноэтничные элементы, в том числе кочевнические, и которая маркирует не этническое происхождение, а социальный статус человека. Окончательная ассимиляция скандинавов в славянской среде заняла длительное время, но уже в XI в. в более мобильном городском окружении они утратили свои изначальные этнокультурные традиции.

Наконец, судьбы викингов во Франкии, Англии и Восточной Европе определили восприятие этих регионов в географических и культурных

⁹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1989. С. 50–51.

¹⁰ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг»* // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. С. 153–171.

представлениях самих скандинавов, что нашло отражение прежде всего в сагах, записанных по преимуществу в XIII в., и скальдической поэзии X—XI вв., но также и в рунических надписях XI в. Удельный вес, который занимали эти регионы в сознании средневековых скандинавов, оказывается существенно различным, хотя все они были достаточно хорошо известны. Франкия и походы викингов на континент ни разу не упомянуты в рунических надписях, почти не отмечаются в королевских и родовых сагах и представлены лишь в немногочисленных сагах о викингах (например, в «Саге о Хрольве Пешеходе») и в географических сочинениях¹¹.

Рис. 5. Осада Константинополя Аскольдом и Диром.
Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV век.

Английские и в меньшей степени ирландские походы упоминаются во многих сагах; служба английским королям — распространенное занятие викингов X в., а некоторые исландские поселенцы прибыли на остров из Ирландии или Англии и имели там родичей. Пребывание в Англии шведов в XI в. отмечено в более чем 30 рунических надписях¹². Тем не менее Англия остается достаточно далекой страной, с которой не связывается непосредственно жизнь скандинавов и сведения о которой общи и не конкретизированы (так, в сагах встречается всего 4—5 английских и ирландских топонимов).

¹¹ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1986.

¹² Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2001.

Другое дело Восточная Европа. Она упоминается в той или иной форме едва ли не в каждой саге, некоторые из них, как, например, «Сага об Эймунде» или «Сага об Ингваре Путешественнике»¹³, полностью посвящены подвигам скандинавов на Руси. Русь (и Византию) упоминают более 120 рунических надписей. Скандинавы, причем не только те, кто сам побывал на Руси, прекрасно знакомы с топографией Восточной Прибалтики (в разных памятниках названо около 25 топонимов и этнонимов), Русского севера (12), Руси и Восточной Европы в целом (55, включая античную географическую номенклатуру)¹⁴.

С Восточной Европой связан целый комплекс культурно-исторических и литературных стереотипов, таких, например, как: Русь (и Византия) — страна, где отважный скандинавский воин завоевывает славу и богатство, где он может стать конунгом; Византия (и Русь) — источник христианской веры для скандинавов, и др. Русь, прежде всего северо-западная, предстает как часть единого со Скандинавией пространства, в котором естественно и свободно перемещается скандинавский воин и торговец. Это восприятие Восточной Европы в Скандинавии XI—XIII вв. — наследие теснейших связей северного и восточнославянского регионов эпохи викингов.

¹³ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2012. С. 290—319; Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2002.

¹⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1999. С. 452—481.

Elena A. Mel'nikova

NORMANNI AND DANI, RUS' AND VARANGIANS

Scandinavians in the West and East of Europe

Scandinavian expansion of the Viking Age (8th to 11th century) spread over major parts of Europe, and their fortunes in the West and in the East were mostly similar though the prerequisites of their initial activities differed significantly. During the first stage of the Viking Age (before the mid-9th century), the West was shaken by Viking predatory raids, whereas in the East, Scandinavians opened the Baltic-Volga route and established trade connections with Volga Bulgaria and Arabic Caliphate. The second stage (before the mid-10th century) was characterized by a gradual reduction of military pressure, which was replaced by agrarian colonization in England and Northern Frankia and later by the emergence of Viking polities (Denlaw and Normandy). In Eastern Europe, the control of the transcontinental route led to the appearance of a polity in the Ladoga-Ilmen' region headed by Rus' princes and later to the spread of Scandinavians' authority over the Middle Dnieper region by force of arms and the formation of a unified Old Russian state. Scandinavian polities did not last long. Denlaw was conquered by English kings in about 50 years and Normandy turned into an integral part of Frankia, while the first Rus' princes of Scandinavian origin as well as their warrior elite rapidly integrated into East-Slavic society and lost their ethnic and cultural uniqueness. It is only the cultural memory of Scandinavian society that preserved the perception of North-West Rus' as a part of the North-Germanic world.

 Мельникова Елена Александровна

доктор исторических наук,
руководитель центра «Восточная Европа в Античности и Средневековье»
Института всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН)

И.Г. Коновалова

«ОСТРОВ РУСОВ» КАК ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

Первым в арабо-персидской литературе связным описанием русов, а также их контактов со славянами и другими народами Восточной Европы является рассказ об «острове русов» арабского ученого Ибн Русте (начало X в.)¹. Различные версии этого рассказа дошли до нас также в составе сочинений целого ряда арабских и персидских авторов X–XVI вв. — Мутаххара ал-Макдиси, Гардизи, ал-Бакри, ал-Марвази, Ахмада Туси, Наджиба Хамадани, Фахр ад-дина Мубаракшаха, Мухаммада Ауфи, Закарийи ал-Казвини, Ибн Са'ида ал-Магриби, Абу-л-Фиды, Шамс ад-дина ад-Димашки, Мирхонда, Ибн Ийаса, а также персидских анонимов, составивших сочинения *Худуд ал-‘алам* («Пределы мира», ок. 982 г.) и *Муджмал ат-таварих* («Собрание историй», 1126 г.). Сопоставление версий рассказа показало, что их первоисточником была так называемая «Анонимная записка», составленная в конце IX в. и характеризующая следующие народы Восточной Европы: печенегов, хазар, буртасов, болгар, венгров, славян, русов, жителей Сарира, аланов².

¹ Bibliotheca geographorum arabicorum. Lugduni Batavorum, 1892. Т. VII. P. 145–147.

В составе рассказа об «острове русов» — если принимать во внимание все его версии — выделяются несколько пластов тематически разнородной информации: это, во-первых, сообщения о географическом положении, размерах, климате, природных богатствах и людских ресурсах земли русов; во-вторых, сведения о происхождении русов и обстоятельствах их появления на «острове»; в-третьих, известия этнографического плана (черты характера, внешность, одежда, обычаи, религия русов); наконец, данные о социальной организации русов и функциях их верховного правителя, а также о сфере деятельности русов и их внешних контактах. Сообщения исламских авторов об «острове русов» неоднократно переводились на русский язык, начиная с XIX в.; в 1965 г. наиболее важные из них были заново переведены и проанализированы А.П. Новосельцевым, а в 2009 г. — Т.М. Калининой³.

Изучение рассказа об «острове русов» и в особенности споры об его местонахождении породили огромную историографию. Большинство востоковедов, начиная с Х.-М. Френа, помещают его в северной части Восточной Европы — в районе Новгорода, Ладоги, Ростова — Ярославля или в Волго-Окском междуречье. В пользу северного положения «острова русов» высказываются также многие историки Древней Руси и археологи, предлагающие и ряд других вариантов его локализации в пределах этого региона — Старую Руссу, острова Сааремаа и Рюген в Балтийском море, Карельский перешеек. Параллельно с точкой зрения о местонахождении «острова русов» на севере в историографии высказываются и предположения о том, что поиски «острова» следует вести в южном направлении — в Киеве, в районе Кубанской дельты и в Приазовье в целом, в Крыму, в Северной Добрудже, на Каспии⁴.

² Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. Т. II. Cz. 2. S. 11–17; Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Hudūd-‘Ālam, al-Bakrī and al-Marwazī). Wiesbaden, 2001.

³ Библиографию и переводы фрагментов см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2009. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. С. 43–64.

⁴ Библиографию см.: Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в Средневековье. М., 2001. С. 169–172. Работы последних лет: Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte. S. 81–86; Большаков О.Г. Некоторые замечания к сведениям арабских авторов о Восточной Европе // Христианский Восток. М., 2009. Вып. 5. С. 306; Крюков В.Г. Таємниця «острова русів» // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2009. № 20 (183). С. 317–322; Шорохов В.А. Остров русов в современной отечественной историографии: географический объект или мнимая реальность? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2009. Вып. 4. С. 63–69.

Практически все исследователи, сформулировавшие те или иные предположения относительно местонахождения «острова русов», исходили и исходят из двух посылок. Во-первых, из представления о том, что «остров русов» — это некое гомогенное «русское» пространство, откуда русы приходят в землю славян и которая является отправной точкой для их заморских походов. Во-вторых, из уверенности в том, что арабо-персидские авторы, повествуя об «острове русов», описывали некий *реальный географический объект* в пределах Восточно-Европейской равнины и омывающих ее морей — будь то остров (или группа островов), полуостров (ибо арабское слово *джазйра* допускает и такой перевод), город с подвластной ему округой или область, расположенная в междуречье крупных рек.

Соответственно, одним из основных направлений исследования стал поиск либо такого объекта, который более или менее отвечал бы имеющимся в мусульманских источниках данным о географическом положении и размерах «острова», его населении, климате, полезных ископаемых и т.п., либо «островного» топонима, вроде древнескандинавского наименования Новгорода *Hólmgarðr*. А поскольку информация об «острове русов» в различных версиях рассказа не лишена противоречий, то аргументация в пользу той или иной интерпретации сообщений арабо-персидских авторов неизбежно опирается лишь на отдельные сведения источников, оставляя без внимания прочие.

Следствием такого подхода является сосуществование в историографии двух прямо противоположных оценок степени достоверности данных об «острове русов». С одной стороны, в рассказах мусульманских авторов находят поддающиеся идентификации сведения, вплоть до «точных топографических деталей», на основе которых даже делаются попытки реконструкции карты «острова»⁵, с другой — обвиняют арабо-персидских ученых в пристрастии к «сказочной экзотике» и желании «поразить читателя курьезами», которые в значительной мере девальвируют приводимую ими информацию и тем самым освобождают исследователя от необходимости искать ей объяснение⁶.

⁵ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 342–358 (на с. 345 помещена карта «острова русов»); Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1980 г. М., 1982. С. 172; Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993. С. 29; Вязинин И.Н. «Русы живут на острове» // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 156.

⁶ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 198–199; Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus. 750–1200. London; New York, 1996. P. 40; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1998. С. 465.

Волок.

Иллюстрация из книги Олая Магнуса «История северных народов». XVI век.

При этом одна и та же признаваемая достоверной деталь описания может с равным успехом использоваться в качестве доказательства при локализации «острова русов» в самых разных концах Восточной Европы. Так, например, указание источников на заболоченную почву и сырой климат «острова» рассматривается как убедительное свидетельство местонахождения этого объекта и в Новгородской земле, и на Тамани, а также в Крыму, Северной Добрудже и на острове Рюген.

История исследования рассказа об «острове русов» показывает, что попытки прямого переноса на карту сведений исламских авторов об этом объекте не дают убедительных результатов. Такая методика не учитывает, что в случае с «островом русов» мы имеем дело не с реальной географией, а с географическим образом. Этот образ формировался с конца IX в. на стыке двух традиций арабо-персидской географии, каждая из которых отражала внешнюю активность русов на разных направлениях — юго-восточном (Нижняя Волга, Каспий, Ближний Восток) и юго-западном (Черное и Средиземное моря)⁷.

Одна традиция представлена рассказами авторов X–XIII вв., живших в Иране и на сопредельных территориях, которые входили в состав государства Саманидов и пришедших им на смену Газневидов, Караханидов

⁷ Об этом подробнее см.: Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов». С. 181–187.

и Сельджукидов, — Ибн Русте, ал-Мақдиси (и пользовавшиеся его материалами Йакут и Закарийа ал-Казвини), анонимного автора *Худūd ал-‘āлам*, Гардизи, ал-Марвази, Мухаммада Ауфи. Источники информации, которыми пользовались эти ученые, принадлежали к сфере торговых и политических контактов восточных провинций халифата с Нижним и Средним Поволжьем.

Другая традиция отражена в сочинениях арабских авторов второй половины XI — первой трети XIV в. — ал-Бакри, Ибн Са‘ида, Абу-л-Фиды и ад-Димашки. Источники информации этих ученых были связаны не с восточными, а с западными, средиземноморскими, областями халифата, что позволило им собрать сведения об «островах русов» в Черном и Азовском морях.

Весьма показательно, что топо- и гидронимика того и другого вариантов рассказа об «острове русов» совершенно различна. Ибн Русте и Гардизи называют лишь два населенных пункта — Хазаран (часть города Итиль) и Булгар на Средней Волге⁸. В *Худūd ал-‘āлам* в качестве южного рубежа земли русов упоминается река *Рӯта* (воплощающая представления персидского анонима сразу о нескольких реках Восточной Европы, точно идентифицировать которые пока не удастся⁹). Ал-Марвази говорит о Хазарском море как об объекте набегов русов¹⁰, а Ибн Ийас (приводящий в своем географическом сочинении сразу две версии рассказа о стране русов) сообщает о торговых контактах с Индией и Китаем, а также о том, что северная часть Руси прилегает к морю Мрака, под которым в исламской традиции подразумевалась северная часть Атлантики и моря Северного Ледовитого океана¹¹. Таким образом, все географические названия, упоминаемые данной группой источников в связи с описанием «острова русов», довольно определенно указывают на северное расположение Руси и на восточное и юго-восточное направление ее внешних связей.

В сообщениях же авторов из средиземноморского региона представлена совсем иная географическая номенклатура: город *Рӯсийā*, моря *Нītас* и *Мāнītас* (Черное и Азовское), *ал-Андалус* (мусульманская часть Испании),

⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. С. 48, 58.

⁹ Там же. С. 55. Среди рек, сведения о которых могли оказать влияние на формирование представления о реке Рута, называют Оку, Дон, Дунай. О различных подходах к трактовке этого гидронима см.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 19–20; Мишин Д.Е. Географический свод «Худуд ал-алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. 2000. № 2. С. 60–61.

¹⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. С. 61.

¹¹ Там же. С. 63–65.

Перенос лодки.
Гравюра. XVI век.

озеро *Тумā*, два рукава реки *Атил*, один из которых течет в Черное море¹², а другой впадает в Каспийское (Хазарское) море. Как видно, сведения этой группы источников отражают другой пространственный ареал внешней активности русов, связанный с бассейном Черного и Средиземного морей.

Таким образом, с точки зрения своего состава рассказ об «острове русов» неоднороден, а сведения о нем, циркулировавшие на востоке и западе исламского мира, помещены в разный географический контекст.

Если обратиться к пространственной структуре самого образа «острова русов», то она двучастна. Для описания русов составитель «Анонимной записки» использовал два масштаба: первый — микромасштаб, обрисовывающий (вплоть до бытовых деталей) устройство общества русов в их локусе власти; второй — куда более крупный региональный масштаб, показывающий место «острова» в системе отношений с другими странами и народами. Мы видим, во-первых, ядро «острова» — локус власти, а во-вторых, ресурсную базу русов — славянскую периферию с размытыми границами. Все остальное — совершенно не в фокусе, в частности, то множество расположенных на «острове» городов, о которых говорит аноним.

Образы, задающие внутренние параметры «острова русов», все до одного безымянные: авторам всех версий рассказа неизвестно наименование

¹² Представление о связи реки Атил с бассейном Черного моря посредством ответвляющегося от нее рукава было широко распространено в средневековой арабо-персидской географии (подробнее см.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 91–96).

хотя бы одного их города¹³, реки или горы; неизвестен язык русов; в среднеазиатской традиции рассказа не указано даже название того моря (или озера), в пределах которого находился «остров русов». Все конкретные данные, сообщаемые о русах, касаются организации их общества и верховной власти или являются сведениями этнографического толка (нравы, обычаи, одежда), которые мусульманские информаторы узнавали либо от самих русов, доходивших с купеческими караванами до ближневосточных городов, либо от своих хазарских и болгарских контрагентов, поддерживавших торговые отношения с областями русов. Даже единственный арабский путешественник по Восточной Европе X в. Ибн Фадлан, видевший русов собственными глазами, встретился с ними в Булгаре, то есть за пределами собственно русской территории. В отличие от сообщений о всех других народах региона, в рассказе о русах в «Анонимной записке» нет указаний на расстояния между землей русов и другими народами.

Можно говорить даже о своего рода экстерриториальности «острова русов»: на политической карте региона страна русов присутствует, но в географическом смысле ее как бы и нет. И дело тут не в недостатке конкретных сведений у арабских географов, а в самой реальности конца IX в., когда составлялась «Анонимная записка».

В литературе уже неоднократно отмечалось, что в рассказе об «острове русов» русы противопоставлены славянам, но при этом не учитывалась природа этого противопоставления. Между тем отграниченность русов от славян — как ее рисуют арабо-персидские авторы — была не пространственно-географической, а социокультурной, экономической и политической¹⁴. Русы противопоставлены славянам прежде всего по своему образу жизни: их единственное занятие — торговля рабами и пушниной, они сами ничего не производят, а все необходимое для жизни берут у славян силой. Мечи русов названы их основным «средством производства», а также единственной вещью, передаваемой по наследству рядовыми русами.

¹³ Топоним *Rūsīyā* как наименование столицы русов (в этом качестве впервые встречающийся только во второй половине XIII в. в сочинении Ибн Са'ида) только подчеркивает эту неосведомленность исламских авторов.

¹⁴ Об этом см.: Коновалова И. Г. Границы Руси IX — середины X в. // Восточная Европа в древности и Средневековье: миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 2012 г. Мат-лы конф. М., 2012. С. 120–126.

По словам Ибн Русте (первого по времени автора, рассказывающего об «острове русов»), русы состоят из отдельных групп (*ṭā'ufa*, букв. «класс», «разряд», «группа», «религиозная община»), которые только перед лицом внешнего врага выступают солидарно, а между собой непрерывно соперничают. Описанный порядок разрешения таких споров позволяет считать, что какую-то роль во внутригрупповой консолидации играли кровнородственные связи: когда конфликтующие были недовольны приговором правителя, их спор разрешался путем поединка, за ходом которого наблюдали родственники (*'ašīra*, букв. «род», «племя», «родня») с обеих сторон. Поэтому большинство переводчиков данного фрагмента передают термин *ṭā'ufa* как «род» или «племя»¹⁵.

Вместе с тем у слова *ṭā'ufa* есть и другие коннотации. Оно происходит от глагола *ṭāfa*, обозначающего такие действия, как «обходить кругом», «совершать обход», а также «плавать», «держаться на воде». Это позволяет

Арабское серебро
из восточноевропейских
кладов.

полагать, что Ибн Русте говорит о русах-дружинниках. О том, что составитель «Анонимной записки» имел в виду именно их, можно заключить по информации более позднего варианта рассказа об «острове русов», сохранившегося в составе персоязычного сочинения конца X в. *Худуд ал-'алам*, где отмечается, что среди русов есть «группа, отличающаяся доблестью и благородством» (перс. *мурува*)¹⁶. В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский и А.П. Новосельцев видели в этом сообщении «Худуд ал-алам» свидетельство о наличии у русов определенной категории воинов-дружинников, основным занятием которых были набеги на соседние народы¹⁷.

¹⁵ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р.Х.). СПб., 1870. С. 268; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 303; Гараева Н.А. Ибн Русте // История татар с древнейших времен: В 7 т. Казань, 2006. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. С. 705; Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. С. 49; ср. однако: Lewicki T. *Żródła arabskie*. Т. II. Cz. 2. S. 41 — *grupa*; Göckenjan H., Zimonyi I. *Orientalische Berichte*. S. 83 — *Verband*.

¹⁶ Новосельцев А.П. Восточные источники. С. 305 — «группа из моровват»; Göckenjan H., Zimonyi I. *Orientalische Berichte* 2001. S. 112 — *eine Gruppe, die Edelmut besitzt*.

¹⁷ Библиографию см.: Новосельцев А.П. Восточные источники. С. 310–311.

Важная деталь рассказа об «острове русов» — это указание на то, что среди русов нет землевладельцев («нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен»), откуда следует, что территориализация власти в обществе русов в конце IX в. еще находилась в зачаточном состоянии, а само их государство в это время фактически являлось самоорганизованной правящей знатью. Об отсутствии какой-либо территории за пределами резиденции правителя, на которую бы распространялась власть русов, говорит и характер описания «острова», в котором не фигурируют названия его городов, рек, гор и других географических объектов или упоминания о внешних границах руси. Вполне вероятно, что отсутствие информации о *политических* границах руси конца IX в. и привело к формированию образа Русской земли как «острова», то есть пространства, отграниченного от остального мира *естественными* границами.

В параллель к данному сообщению можно привести текст договора руси с Византией 911 г., где русские послы, принося клятву, демонстрируют не территориальное, но родовое самосознание («мы от рода рускаго») ¹⁸.

Если выйти за рамки рассказа об «острове русов» и обратиться к упоминаниям о русах в других исламских источниках IX — первой половины X в., то мы увидим, что в них нет никаких сведений о месте обитания русов, зато есть многочисленные указания на теснейшую связь русов со славянской средой.

Ибн Хордадбех — первый арабский автор, упоминающий о купцах-русах, — прямо называет их «видом» славян ¹⁹. Интерпретация сообщения Ибн Хордадбега о русах обычно ведется в контексте нумизматических реконструкций торгового пути от Балтики до Багдада. И, соответственно, основное внимание уделяется самому маршруту русов. А вот откуда приходят русы, как правило, остается вне поля зрения, и понятно почему: Ибн Хордадбех ничего не говорит не только о стране русов, но и хотя бы о каком-либо месте их проживания. Ему известно лишь то, что русы везут свои товары из «самых отдаленных [окраин страны] славян», причем в Хазарию они попадают по «Реке славян», а о том, каким путем они добираются до Черного («Румийского») моря, Ибн Хордадбех не сообщает. То есть на международном рынке русы появляются, можно сказать, из ниоткуда, и единственной частью пространства, маркируемой как «русская», оказывается торговый маршрут, по которому они идут. При этом по мере удаления от Багдада

¹⁸ Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 18.

¹⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. С. 30.

этот путь русов становится все менее и менее отчетливым для их исламских контрагентов, теряясь где-то у «самых отдаленных [окраин страны] славян».

Плотный «славянский» контекст сообщения о русах (везут товары из земли славян, плывут по «Реке славян», говорят по-славянски) не случаен: Ибн Хордадбех описывает русов через знакомый арабам этноним «славяне» (*сақāлиба*) и называет их «видом» (*джинс*) славян, а обрисовывающий сходные торговые маршруты Ибн ал-Факих (начало X в.) вообще не пользуется этнонимом «русы» и приписывает эти торговые маршруты славянам²⁰. Таким образом, до начала X в. внешний наблюдатель с трудом мог отграничить русов от славян. С одной стороны, Ибн Хордадбех подчеркивает особость русов, но с другой — тут же указывает, что это особость в рамках славянской общности («вид славян»), а для Ибн ал-Факиха выделенность русов из массы славян становится уже совсем неразличимой. Очевидно, что Ибн Хордадбех в лице русов описывает новый этносоциальный феномен, который именно в силу его новизны с трудом поддается описанию. О том, что это именно этносоциальный феномен, говорит то, что для описания русов как части славянской общности Ибн Хордадбех использует тот же самый термин *джинс*, что и для обозначения каст в своем рассказе об Индии. В современном Ибн Русте источнике другой языковой традиции, «Раффельштеттенском таможенном уставе» (904/6 г.), также имеется свидетельство тесной связи русов со славянами: согласно этому уставу, купцы-славяне, приходящие в Баварское Подунавье, приходят туда «от руси» (*de Rugis*)²¹.

То есть земля («остров») русов в описании мусульманских авторов предстает не чем-то внешним по отношению к земле славян, а напротив, тем, что бывает трудно отграничить от нее. Поэтому «остров русов» можно определить как часть земли славян, где формируется новая идентичность — русы. И географический образ «острова русов» эту новую идентичность и показывает *in statu nascendi*.

Чуть ли не единственной конкретной подробностью географического плана, относящейся непосредственно к земле русов, является сам термин «остров», поиски которого стали своего рода навязчивой историографической идеей. Арабское слово *джазира* употребляется как физико-географический термин в значении «остров», «полуостров», «большой участок суши, окруженный водой» (например, ал-Джазирой называется область в междуречье

²⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. С. 35.

²¹ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 65.

Тигра и Евфрата). Для наименования водного пространства, окружающего «остров русов», в переводах на русский язык используется слово «море», в то время как арабское *бахр* имеет и другое значение — «большая река» (Нил, к примеру). У некоторых авторов вместо термина *бахр* стоит *бужайра* («озеро»)²², которое морфологически является уменьшительным от слова *бахр*. Учитывая весьма широкий смысловой диапазон всех этих терминов, следует признать, что в действительности под словосочетанием «остров русов» мог подразумеваться любой участок суши, омываемый водой, в том числе речной.

Основными центрами получения информации о русах на востоке и западе мусульманского мира во второй половине IX — начале X в. были не сами русские земли, а Булгар, Итиль, Багдад, каспийские, причерноморские и средиземноморские города, причем во все эти пункты (за исключением Багдада) русы прибывали по воде, создавая у местных жителей стойкое впечатление о том, что способ передвижения на кораблях является единственно возможным в той стране, откуда приезжали русы. Поэтому первоначальное представление о русах как об «островном» народе вряд ли покажется сильно преувеличенным. Характерно, однако, что по мере накопления информации о русах в мусульманских странах термин «остров» совершенно перестает употребляться восточными авторами при характеристике Руси. Уже в рассказе о трех «группах» русов (середина X в.), где приводятся первые в арабо-персидской литературе наименования русских городов, о каком-либо «острове русов» ничего не говорится²³.

Весьма показательно, что поздние арабо-персидские авторы не обращали внимания на географический смысл термина *джазйра* («остров», «полуостров»), а понимали рассказ об «острове русов» как обобщенную информацию о русах и их правителе, в связи с чем пространственная локализация «острова» не представляла для них никакой проблемы: они просто помещали «остров русов» там, где пребывал известный им древнерусский верховный правитель. Например, ряд писателей XII—XVI вв., повествуящих об истории принятия христианства русами, связывали данные об «острове русов» с именем русского князя, при котором христианство стало государственной религией Древней Руси²⁴.

²² Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. С. 51, 63.

²³ Там же. С. 85–86, 94.

²⁴ Подробнее см.: Коновалова И. Г. Избирательность памяти: Рассказ мусульманских авторов «о принятии русами ислама» // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003. С. 321–333.

Irina G. Konovalova

«THE ISLAND OF RUS'» AS A GEOGRAPHICAL CONSTRUCT

The Island of Rus'» was mentioned in messages of Arabic-Persian origin dating from the 10th-16th centuries. «The Island of Rus'» should be perceived not as a real geographical object but as a geographical construct created by two jointing Islamic geographical and scientific traditions from the end of the 9th century, each depicting different directions of the people of Rus' external activity — on the south-east (Lower Volga, Caspian Sea, Middle East), and the south-west (Black and Mediterranean Seas). At the end of the 9th century, the process of state formation and boundary definition of Rus' had just started. Rus' didn't have accurate geographical outlines and thus, in Arabic-Persian sources, its borders were defined by means of natural water boundaries.

 Коновалова Ирина Геннадиевна

доктор исторических наук, заместитель директора Института
всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН).

П.В. Кузенков

ИЗ ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ВИЗАНТИЙСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

радиционно началом Русского государства считается прибытие в Новгород трех братьев во главе с Рюриком, рассказ о призвании которых в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) помещен под 6370 г. от Сотворения мира (862 г. н.э.).

Впрочем, дата эта весьма условна. И дело не только в сомнительной точности хронологии древнейшего пласта русского летописания. Уже в самой ПВЛ рассказ об истории Руси, а равно и последовательный счет лет начинается вовсе не с прибытия Рюрика, Синеуса и Трувора, а на десять лет ранее — с 6360 г. от Сотворения мира. Именно в этом месте летописец записал: «Нача ся прозывати Руская земля... Тѣм же отселе почнем и числа положимъ»². Примерно с того же времени начинает рассказ и другой древнейший летописный источник, «Временник князей и земли Русской» в составе Первой Новгородской летописи младшего извода (далее — Н1А мл.), где «начало земли Руской» датировано 6362 г.³

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-04-00342.

² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 17; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 12.

³ Первая Новгородская летопись младшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 104–105.

Вехой, которая была избрана древними летописцами в качестве начала истории Руси, стал первый поход на Царьград — Константинополь, столицу Восточной Римской (Византийской) империи, славного Греческого царства. Событие это было поистине эпохальным. Русь не только осуществила крупную военную операцию, беспрепятственно осадив огромный мегаполис и вызвав ужас у гордых ромеев, но и заставила говорить о себе по всему миру. Как мы теперь знаем, произошло это в 860 г.

Таким образом, византийско-русские контакты имеют непосредственное отношение к празднуемой в 2012 г. юбилейной годовщине русской государственности. Их значение для раннего этапа отечественной истории трудно переоценить. Не менее важную роль связи с Русью сыграли и в судьбе самой Византийской империи, которая как раз в это время начинает стремительно выходить из полосы затяжного кризиса и в первой половине XI в. достигает пика своего исторического развития. Ниже предпринята попытка проследить основные этапы византийско-русских отношений *sub specie Constantinopoli*, «глядя из Царьграда».

Знакомство империи с Русью

Древнейший период русской истории затерян в тумане. Отсутствие письменных источников (да и самой письменности) у восточных славян до X в. заставляет исследователей опираться на скудные сообщения иноязычных текстов, а также на данные археологии. То и другое свидетельствует, что проникновение славянских племен на земли современных России, Украины и Белоруссии, где впоследствии образуется Русская держава, происходило несколькими волнами на протяжении VII—IX вв. сразу по нескольким направлениям⁴. В результате к началу IX в. славяне расселились широкой полосой от Черного моря до Балтики среди автохтонного населения. В это самое время напряженная обстановка на Ближнем Востоке и в Малой Азии, вызванная затяжным военным противостоянием Византии и арабов, способствовала усилению значения северных маршрутов трансконтинентальной международной торговли, в том числе и речной сети Восточноевропейской равнины. Важнейшими артериями, связывавшими богатый азиатский рынок с Западной Европой и Византией, стали Волга и Днепр.

Из данных письменных и археологических источников известно, что к IX в. восточные славяне вступили в контакт с Хазарским каганатом

⁴ См., напр.: Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.

на юго-востоке и скандинавами на севере. Согласно русскому летописному преданию, именно хазары и варяги разделили между собою политический контроль над племенами Восточной Европы, взимая с них дань и контролируя ключевые пункты на водных артериях. Однако когда именно и при каких обстоятельствах это произошло, остается неясным. Судя по косвенным данным, на раннем этапе большую роль играли не только отдельные славянские, финские и иные племена и их союзы, но и пестрые по своему этническому составу военно-купеческие группировки во главе со своими вождями, одной из которых и стала знаменитая впоследствии *русь*⁵.

Крымский поход Бравлина: первое свидетельство о руси?

На северных берегах Эвксинского Понта (Черного моря) и на полуострове Таврика (Крым) издавна существовали греческие торговые колонии. На рубеже эр они попали под протекторат Римской империи и, пережив смутное время Великого переселения народов, оставались в номинальной зависимости от ее уцелевшей восточной половины — Византии. В VII–X столетиях крымские города оказываются в сфере влияния Хазарского каганата: в письменных источниках этого периода упоминаются хазарские должностные лица от Боспора-Керчи на востоке полуострова до Херсонеса и Готии на западе⁶. Впрочем, археологические материалы не позволяют говорить о значительном присутствии хазар. В настоящее время исследователи склоняются к концепции так называемого византийско-хазарского кондоминиума, то есть совместного протектората двух держав над торговыми городами Таврики⁷.

Именно здесь, в Крыму, на рубеже VIII и IX вв. письменные источники фиксируют появление некой могущественной военной силы. Речь идет о разноязычных версиях «Жития св. Стефана Сурожского», в которых среди прочих посмертных чудес святого упоминается нашествие на крымские города некоего народа, в армянской версии именуемого просто «злым

⁵ Вокруг этого имени ведутся многолетние споры. См., напр: *Максимович К.А.* Происхождение этнонима *русь* в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // *Кавіокиов*: Сб. в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М., 2006. С. 14–56.

⁶ См. перечень таких свидетельств: *Вестберг Ф.* О житии Стефана Сурожского // *Византийский временник*. 1908. Т. 14. С. 227–236.

⁷ *Сорочан С. Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Т. 12. 2002. С. 509–525. *Науменко В. Е.* Византийско-хазарские отношения в середине IX века // *Хазары* / Ред. В. Петрухин, В. Москович и др. Иерусалим; М., 2005. С. 231–244.

и безбожным», а в славяно-русской представленного как «рать велика Русская из Новагорода». Под предводительством своего вождя Бравлина (в армянской версии — Պրավլին, *Правлис/Пролис*) пришельцы прошли огнем и мечом весь полуостров от Керчи до Херсонеса, набрав большую добычу и множество пленников. Подойдя «с многою силою» к городу Сугдайя (греч. Σουδαία, древнерусский Сурож, совр. Судак), находившемуся в то время под хазарским протекторатом, Бравлин захватил его после десятидневной осады и принялся грабить. Однако в местном кафедральном соборе Святой Софии, где недавно был погребен прославившийся борьбой с иконоборцами святой архиепископ Стефан, его постигла кара небесная. Разбитый внезапной болезнью («обратися лице его назад, и лежа, пены точаше»), он в страхе перед чудесной силой приказал вернуть всю награбленную за время похода церковную утварь и отпустил по домам всех пленников из Херсонеса и Керчи. Более того, излечившись по молитвам христианского духовенства, Бравлин уверовал во Христа и принял крещение со своими людьми, после чего ушел, почтив святого и горожан великими дарами⁸. События эти произошли вскоре после кончины св. Стефана, при его ученике и преемнике архиепископе Филарете, то есть в конце VIII или начале IX столетия.

Эпизод с чудесным избавлением Сурожа и крещением «русского князя» Бравлина долгое время вызывал к себе скептическое отношение исследователей. Дело в том, что этот рассказ содержится лишь в позднем (не ранее начала XV в.) русском переводе «Жития св. Стефана», тогда как греческие варианты его «Жития», представляющие сильно сокращенную редакцию, ни о чем подобном не упоминают. Кроме того, приход «русской рати из Новгорода» в начале IX в. вступал в очевидное противоречие с летописной легендой, согласно которой само слово «русь» стало применяться по отношению к новгородцам только после прибытия к ним варяга Рюрика

⁸ Издания: *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. «Жития» св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1882–1884 гг.* СПб., 1893. Цит. по испр. изд.: *Труды В.Г. Васильевского.* Т. III. Пг., 1915 (переизд. с сохранением пагинации: *Васильевский В.Г.* Избранные труды по истории Византии. М., 2010. Кн. 2); *Ivanov S.A.* The Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar* / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 158–163 (новое издание славянского текста с английским переводом); *Vozoyan A.* La Vie arménienne de saint Etienne de Sougdaia // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar* / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 104–107 (армянский текст с французским переводом). См. также анализ: *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. «Жития» св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1882–1884 гг.* СПб., 1893; *Вестберг Ф. О «Житии Стефана Сурожского»* // *Византийский временник.* 1908. Т. 14. С. 227–236.

с братьями, от которых и «прозвася Руская земля»⁹; а по так называемой второй редакции ПВЛ сам Новгород был вообще основан Рюриком¹⁰. Вопросы вызывало и имя Бравлина, которое едва ли могло восходить прямо к греческому оригиналу «Жития» (ввиду отсутствия в греческом языке звука «б»). Наконец, в русском «Житии св. Стефана» имеются параллели из других славянских житийных текстов, в частности из «Жития Петра митрополита», написанного киевским митрополитом Киприаном (ум. 1406)¹¹.

Некоторую ясность внесла публикация в 2006 г. армянской версии «Жития св. Стефана» (XIII в.) по исправной рукописи. Здесь, как и в русском «Житии св. Стефана», присутствуют рассказы о посмертных чудесах святого, в том числе и история о нападении Бравлина/Правлиса. Однако ни о руси, ни о Новгороде армянский текст не упоминает. Впрочем, армянское «Житие» является синаксарным (то есть входит в комплект большого сборника), а потому заметно короче русской версии. Подробности, казавшиеся малоинтересными армянскому переводчику, подвергались сокращению, и изъятие «руси» в армянском тексте не менее вероятно, чем ее добавление в славянском. По крайней мере русский редактор «Жития св. Стефана», не скупящийся на риторику, вовсе никак не обыгрывает сюжет с крещением Бравлина и его народа (как-никак первый в истории пример крещения *руси!*), что косвенным образом говорит против интерполяции. Больше подозрений вызывает упоминание Новгорода. Это название вполне могло появиться в русском «Житии» в результате попытки редактора согласовать его рассказ с летописным преданием, по которому

⁹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 20; Первая Новгородская летопись младшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 106.

¹⁰ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 14. — Автор «Степенной книги царского родословия» (XVI в.) оценил важность сведений «Жития св. Стефана», указывая, что «и прежде Рюрикава пришествія въ Славенскую землю не худа бяше держава Словенскаго языка» (Полное собрание русских летописей. Т. 21. С. 63). Однако поздние русские хронографы помещали рассказ о походе Бравлина после рассказа о Рюрике. См.: *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. «Жития» св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Летопись занятий Археографической комиссии за 1882–1884 гг. СПб., 1893. Цит. по испр. изд.: Труды В.Г. Васильевского. Т. III. Пг., 1915 (переизд. с сохранением пагинации: *Васильевский В.Г.* Избранные труды по истории Византии. М., 2010. Кн. 2). С. СХLII–СХLIII.

¹¹ *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. «Жития» св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Летопись занятий Археографической комиссии за 1882–1884 гг. СПб., 1893. Цит. по испр. изд.: Труды В.Г. Васильевского. Т. III. Пг., 1915 (переизд. с сохранением пагинации: *Васильевский В.Г.* Избранные труды по истории Византии. М., 2010. Кн. 2). С. ССXL–ССLXI.

«русь» в это время могла быть только в Новгороде, но не в Киеве или каком-то другом южном городе¹².

Так или иначе, в настоящее время не подлежит сомнению, что существовало древнее пространное греческое «Житие св. Стефана Сурожского» с посмертными чудесами, многие подробности которого демонстрируют хорошее знакомство его автора с местными реалиями той эпохи. Несомненна и историчность вождя по имени Бравлин/Правлис, достаточно могущественного для того, чтобы во главе своего «народа» (племенного союза?) если не захватить, то по крайней мере разграбить окрестности крупнейших городов Таврики: Херсонеса и Керчи-Боспора. Остаются некоторые сомнения относительно того факта, действительно ли этот народ назывался русью, но и против такой возможности весомых аргументов не существует. Во всяком случае, таким аргументом не может служить летописный рассказ, привязывающий имя «русь» к варягам Рюрика. В нашем распоряжении есть сразу нескольких источников, где данный этноним встречается за много десятилетий до того, как легендарные братья были призваны «наводить наряд» в Новгородской земле.

Следует сказать несколько слов об имени «Бравлин». Та форма, в которой оно присутствует в русском «Житии Стефана Сурожского», едва ли могла быть напрямую заимствована из греческого, где это имя, судя по армянской версии, было записано как *Правлис*. Чтобы дать славянское «Бравлин», греческое имя должно было стоять в косвенном падеже в форме *Правλίν*- (основа на *ν*), но даже в этом случае появление начального «Б» может объясняться только ориентацией на фонетическое звучание. Однако прогрессивная ассимиляция в принципе не свойственна греческому языку: озвончение *π* обычно имеет место лишь после *μ* или *ν* (например, после артикля *τὸν*). При этом для русских переводных текстов характерна

¹² *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. «Жития» св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1882–1884 гг.* СПб., 1893. Цит. по испр. изд.: *Труды В.Г. Васильевского.* Т. III. Пг., 1915 (переизд. с сохранением пагинации: *Васильевский В.Г.* Избранные труды по истории Византии. М., 2010. Кн. 2).

Васильевский В.Г. (op. cit., p. CCLXXXIV) предложил трактовать Новгород как известный в античности Неаполь Скифский, а войско Бравлина — как крымских готы. Но готы были слишком хорошо известны в Крыму, чтобы автор не сказал о них прямо, и слишком слабы, чтобы овладеть Херсонесом и Керчью. О. Прицак считает «русскую рать из Новгорода» выдумкой автора русской версии «Жития св. Стефана», в котором он видит Пахомия Логофета (*Pritsak O.* At the Dawn of Christianity in Rus' // *Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12–13. Proc. of the Intern. Congr. Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine.* Camb. (Mass.), 1990. P. 102–113).

ориентация не на фонетический, а на графический облик греческих слов. И поскольку звук «б» в среднегреческом отсутствует, то он обычно не встречается и в именах, заимствованных в славянские языки из греческого (например, Пров при лат. Probus и т.п.). Тем удивительнее форма «Бравлин», которая предполагает определенную уверенность русского редактора «Жития св. Стефана», который предпочел поставить «Б», а не воспроизвести греческое «П» (как это сделал армянский переводчик). На чем была основана эта уверенность, сказать сложно: не исключено, что на местной устной традиции, которая сохранила исходную форму негреческого имени¹³.

Как заметил уже А.А. Куник¹⁴, имя *Бравлинъ*, само по себе загадочное, имеет близкое сходство с топонимом *Бравалла* (Brávellir, Brávalla) в Эстергётланде (Швеция), где, согласно скандинавским преданиям («Деяния данов» Саксона Грамматика, исландская «Сага о Хервёре»), произошла эпическая битва между конунгом данов и восточных гётов Харальдом по прозвищу Боезуб (Хильдетанд) и его племянником, правителем свеев и западных гётов Сигурдом Кольцо (Хринг). Битву при Бравалле, с которой часто начинают историю независимого Шведского государства, относят приблизительно к 70-м гг. VIII столетия, что хронологически очень близко к событиям, описанным в «Житии Стефана Сурожского». Возникает вполне обоснованная возможность увидеть в вожде напавшей на византийский Крым «русской рати» одного из участников легендарного сражения¹⁵.

Проникновение скандинавов в южном направлении по пути «из варяг в греки», который в скандинавской традиции известен как «Восточный путь» (Austrvegr), не выглядит невероятным. Упоминания о нем в сагах, пусть и легендарные, восходят к VII–VIII вв. В северной оконечности этого пути, Ладоге (др.-сканд. Aldeigjuborg, совр. Старая Ладога), поселение выходцев из Скандинавии археологически фиксируется не позднее 750-х гг. В конце VIII в. здесь

¹³ Подобный феномен засвидетельствован в «Повести временных лет», где скандинавские имена послов Олега и Игоря в русско-византийских договорах X в. воспроизведены более точно, чем это позволяла бы простая транслитерация с греческого подлинника.

¹⁴ *Kunik E.* Die Brawallaschlacht ist der erste sichere Ausgangspunkt für die dänische, schwedische und ostslavische Chronologie // *Mélanges Russes*. Т. 1. СПб., 1851. С. 265–289; ср. *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943. P. 280.

¹⁵ О.Н. Трубочёв считает, что сходство Бравлина и Браваллы «носит совершенно случайный характер», и возводит данное имя (прозвище?) к реконструируемому им индоарийскому реликту *ṛavliṇa- «раздавленный» (*Трубочёв О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 2002. С. 263). При всей оригинальности данной гипотезы она исходит из автохтонности данного персонажа, в то время как в источнике он фигурирует как иноземный захватчик.

уже идет активная торговля с Востоком, и Ладога становится важным транзитным пунктом на пути из бассейна Волги в Балтику. Из археологических материалов VIII—IX вв. Ладога предстает как ремесленный и торговый город со смешанным скандинаво-славяно-финским населением¹⁶, а исландские «саги о древних временах» знают его как политический центр в далекой Гардарике (Руси), в котором в VIII—IX вв. сидят конунги, носящие скандинавские имена и имеющие династические связи со Швецией и Данией¹⁷. Нет никаких оснований считать, что Ладога была единственным центром такого рода. Симбиоз воинственных скандинавов и славянских племен Восточной Европы создавал почву для возникновения мощных полиэтничных военных союзов, которые, опираясь на систему укреплений-«градов» (откуда обычное название Руси в сагах — *Gardar*)¹⁸, могли быстро передвигаться по речным артериям как с целью контроля над торговыми путями, так и в поисках добычи.

Рано или поздно внимание воинов-торговцев должны были привлечь не имевшие надежной защиты торговые города Крыма, где можно было поживиться не только веками копившимися сокровищами христианских храмов, но и большим количеством пленных для последующей продажи или выкупа. Один из таких союзов (последний вполне мог иметь в качестве своего предводителя ветерана Бравальской битвы и даже носить имя «русь») проник по Днепру далеко на юг, к Черному морю. Эта экспедиция, скорее всего, была первой крупной «вылазкой» новых хозяев речной системы Восточноевропейской равнины в цивилизованный мир. Крещение Бравалина и его людей в Сугдае/Суроже, возможно, и было важным этапом на пути знакомства «северных варваров» с православным христианством, но оно не могло возыметь столь сильный эффект, чтобы заставить привыкших к набегам и грабежам искателей добычи отказаться от своего ремесла: до подлинной христианизации *руси* было еще весьма далеко. Но масштабные вторжения в Крым надолго прекратились, так как внимание воинственных искателей богатств переключилось на византийский берег, суливший куда большую добычу.

¹⁶ См. подробнее: Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996; Рябинин Е.А. Предисловие к альбому археологических находок в Старой Ладоге и на Любше // У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб., 2003; Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII — начало XII в.) // Исследования археологических памятников эпохи Средневековья. СПб., 2008. С. 69—94.

¹⁷ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). (По указателю.)

¹⁸ Джексон Т.Н. *Austr í Görðum*: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 49—58.

Нашествие народа «рос» на Южное Причерноморье

Если в истории с Бравлином отождествление опустошавшего Таврику «злого и безбожного народа» с русью остается под вопросом, то в другом подобном нападении, случившемся вскоре после этого на противоположном берегу Черного моря, уже несомненно действует русь. «Житие архиепископа Георгия Амастридского», умершего около 807 г., в числе посмертных чудес святителя описывает чудесное спасение города от нападения «варваров росов, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе ни следа человеколюбия»¹⁹. Именно это упоминание следует признать *древнейшим* дошедшим до нас несомненным упоминанием о руси. Использованная здесь греческая форма οἱ Ῥῶς стала впоследствии традиционной для византийской литературной традиции. «Житие Георгия Амастридского», по мнению исследователей, написано известным агиографом периода второго иконоборчества (815–843), диаконом (впоследствии митрополитом) Игнатием²⁰. Тем важнее для нас убеждение автора в том, что *все* его читатели *знают* не только само это племя, но и его отличительные качества. Таким образом, не позднее начала 40-х гг. IX в. русь уже была достаточно хорошо знакома византийцам.

Не скупясь на устрашающие эпитеты «народа рос», «Житие» называет его «поистине губительным и на деле, и по имени» — очевидно, намекая на ветхозаветное пророчество Иезекииля, где фигурирует некий «Гог в земле Магог, князь Роша, Мешеха и Фувала», которого Бог в последние дни пошлет на Свой возлюбленный народ во главе полчищ «от краев севера», а затем уничтожит (Иез. 38–39; ср. Откр. 20:7–10). Греческое Ῥῶς в Септуагинте²¹ совпало с греческим названием руси — Ῥῶς (а вероятнее всего, само повлияло на это название, которое, строго говоря, должно было бы иметь

¹⁹ Труды В.Г. Васильевского. Т. III. Петроград, 1915 (переизд. с сохранением пагинации: *Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии*. М., 2010. Кн. 2). С. 64–70 (греч. текст и рус. пер.); *Бибиков М.В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси*. Т. II. М., 2009. С. 135–137 (рус. пер.).

²⁰ Труды В.Г. Васильевского. Т. III. Петроград, 1915 (переизд. с сохранением пагинации: *Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии*. М., 2010. Кн. 2). С. III–CXLI; *Ševčenko I. Hagiology of the Iconoclast Period // Iconoclasm / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 113–132. См. также: Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь*. СПб., 2000. С. 24–36.

²¹ Возможно, это не вполне удачный перевод еврейского эпитета שָׂרָא רֹאשׁ, что значит нечто вроде «главного князя» (как это выражения и переведено в английской и немецкой Библии; латинская Септуагинта дает «князь главы»).

форму с огласовкой «у») ²². Библейский топос впоследствии стал популярен в Византии, и долгие века греческое имя руси ассоциировалось с апокалиптическими Гогом и Магогом. В конце X в. историк Лев Диакон, рассказывая о воинственном нраве «росов», недвусмысленно пишет: «Еще божественный Иезекииль, упоминая об этом племени, говорит: *Вот я наведу на тебя Гога и Магога, князя Рос*» ²³.

Помимо библейской аллюзии, в «Житии Георгия Амастридского» также встречается и другая, античная параллель. Совершавшиеся росами массовые убийства уподобляются «возобновлению древнего таврического избиения чужеземцев». Этноним «тавроскифы», встречающийся еще у Плутарха и Клавдия Птолея, в будущем стал типичным «классическим» вариантом названия руси у византийских писателей, любивших заменять современные названия народов античными ²⁴. Подбирая аналоги этнонимов в древней литературе, византийцы называли кочевые народы Северного Причерноморья «скифами», болгар — «мисийцами», а самих себя — «авсонами». За этими параллелями обычно стояло тождество географического ареала обитания народов, и имя «тавроскифов» говорит о том, что для византийцев была несомненна связь руси с Таврикой (это дает дополнительный аргумент в пользу аутентичности названия «русь» в рассказе о Бравлине) ²⁵. При этом нет никакой необходимости усматривать в этом антикизирующем этнониме указание на непосредственно крымское или иное причерноморское обитание руси.

Амастридский эпизод во многом похож на сугдейский, однако имеет и существенные отличия. Жестокие варвары разоряли византийское

²² О том, что такая форма существовала, свидетельствуют афонские акты XI–XII в. (Бибииков М.В. *Byzantinogossica: свод византийских свидетельств о Руси*. Т. I. М., 2004. С. 634–635), а также Лиутпранд Кремонский, который при описании нападения князя Игоря на Византию в 941 г. использует форму Ρούσιοι (Liudprandi episcopi Cremonensis *Antapodosis* // *Die Werke Liudprands von Cremona* / Hrsg. J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915. (MGH SS rer. Germ., [41]). V, 15. P. 137–138). Имея некоторые познания в греческом, но не будучи знаком с ученой литературой, он выводит это имя из прилагательного ρούσιος «рыжий», опираясь, очевидно, на разговорную речь и тем самым как бы подтверждая искусственность книжного термина Ρῶς, навеянного библейскими аллюзиями.

²³ Leonis Diaconi Caloënsis *Historiae libri decem* / Ed. C.V. Hase. Bonn, 1828 // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantine* (далее — CSHB). IX, 6.

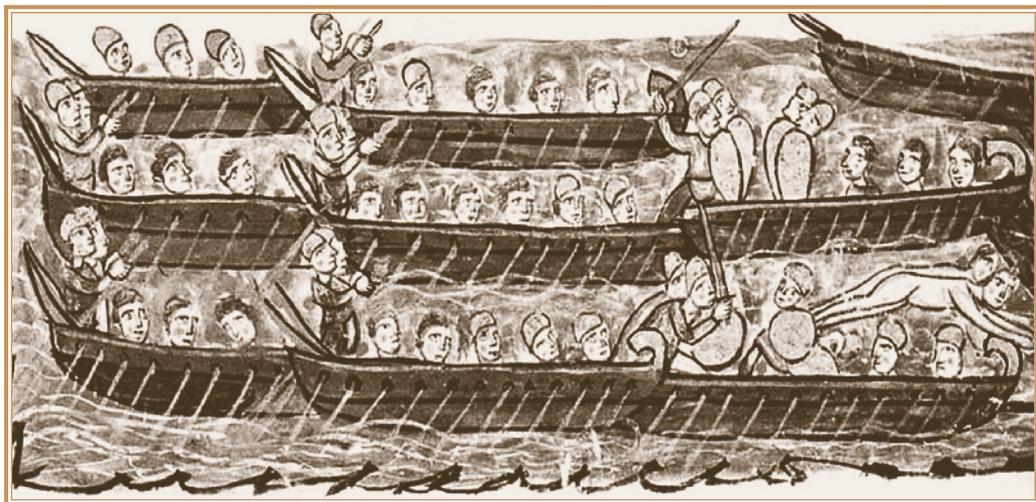
²⁴ Многочисленные примеры собраны в кн.: Бибииков М.В. *Byzantinogossica: свод византийских свидетельств о Руси*. Т. I. М., 2004. С. 713–718.

²⁵ Так, Никита Давид Пафлагонский (нач. X в.) в одном из похвальных слов говорит, что Боспор (Керчь) находится «близ страны тавроскифов» (Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. II: Византийские источники / Сост. М.В. Бибииков. М., 2010. С. 137).

побережье Черного моря, «начав от Пропонтиды» (то есть от черноморских проливов) и дойдя до Амастриды, где нещадно убивали жителей и разрушали храмы. В поисках сокровищ некоторые воины принялись раскапывать гробницу св. Георгия, но были внезапно охвачены параличом. Вождь варваров (который, в отличие от Бравлина, стал лишь свидетелем, а не жертвой кары небесной) призвал одного из пленных, чтобы узнать, что произошло и «какого бога это сила». В результате беседы выяснилось, что гробокопатели наказаны за кошуństwo одним из христианских святых, которые удостоиваются от Единого Бога-Творца чести «творить всё, что ни захотели бы, во имя Его». Проникнувшись уважением к Богу христиан, варвар спешит воздать Ему дары, приказывая освободить всех пленных и прося жителей Амастриды помолиться за него и его людей. В результате парализованные воины освобождаются от божественного гнева, а росы заключают «некоторое перемирие и соглашение с христианами», обязавшись впредь «не оскорблять святых, не попираť алтарей, не отнимать божественных сокровищ и не осквернять храмы кровью». Как видим, результаты чуда в Амастриде оказались скромнее, чем в Сугдае: в отличие от Бравлина, безмянный вождь росов не обращается к вере Христовой и не крестит свой народ, а его уступки византийцам сводятся лишь к иммунитету церковных зданий и имуществ (характерно, что речь не идет о воздержании от грабежей как таковых). Тем самым нет никакой возможности видеть между этими рассказами нечто большее, чем типологическое сходство. Существенные различия в деталях показывают, что грабительские походы руси на византийские торговые города по обоим берегам Эвксинского Понта были в начале IX столетия достаточно распространенным явлением, а массовый увод в плен местных жителей не мог не содействовать знакомству нападавших с христианской верой. В отдельных случаях это знакомство носило экстраординарный характер, и только такие случаи интересовали византийских духовных писателей.

Обращает на себя внимание широкий военный театр, на котором действовали росы: от «Пропонтиды» (в широком смысле этот термин указывает на Мраморное море с примыкающими проливами Босфор и Геллеспонт²⁶) до Пафлагонии. Расстояние от устья Босфора до Амастриды по черноморскому побережью составляет около 300 километров, что предполагает масштабную и продолжительную экспедицию, а не какой-то слу-

²⁶ См.: Труды В.Г. Васильевского. Т. III. Пг., 1915 (переизд. с сохранением пагинации: *Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии.* М., 2010. Кн. 2). С. СХХІХ–СХХХІІ.

Морское сражение русов с византийцами в X веке.
 Миниатюра из Мадридского списка хроники Иоанна Скилицы. XII век.

чайный набег пиратской шайки. Росы двигались от богатых областей близ столицы в сторону более бедных провинциальных городков. Это говорит о том, что либо им не удалось набрать достаточно добычи, либо Амастрида находилась на их обратном пути. В этом случае придется предположить, что русский флот был способен совершать плавание по открытому морю — около 300 км по кратчайшему пути с севера на юг и обратно. Известно, что в начале X в. в Амастриду приходили купцы из Северного Причерноморья²⁷. В заключительных словах «Жития Георгия Амастридского» провозглашается, что слава гроба св. Георгия «достигла пределов океана». Здесь можно увидеть намек на осведомленность автора о месте обитания руси. Согласно географическим представлениям того времени, территория к северу от Черного моря находилась в довольно близком соседстве с северной частью Мирового океана. В то же время из этого вовсе нет необходимости делать вывод о том, что росы отождествлялись со скандинавами (которых византийцы считали жителями «северных островов океана»): географические пространства севера были достаточно обширны.

«Житие Георгия Амастридского» содержит одну любопытную деталь. В центре финального риторического прославления святителя стоит *мощь* его останков (λειψάνων ισχύς). Как представляется, это место дает своего

²⁷ Никита Давид Пафлагонский в «Похвальном слове св. Иакинфу» называет город «общим торговым центром всего Понта», куда «стекаются скифы, населяющие северные берега Понта» (Patrologiae cursus completus. Series graeca / Accurante J.-P. Migne. P., 1857–1866. Т. 105. Col. 421; Бибииков М.В. Byzantinorossica: свод византийских свидетельств о Руси. Т. II. М., 2009. С. 194).

рода ключ к разгадке происхождения слова *мощи*, которое стало специальным термином для обозначения такого рода реликвий на русской почве²⁸. Не удивительно, что именно физическое воздействие со стороны гробниц святых оказывало решающее воздействие на воинственных варваров, заставляя их признать силу и могущество христианского Бога. Эпизоды с Бравлином в Сутдае и безымянным вождем руси в Амастриде прекрасно иллюстрируют этот феномен.

Описанное в «Житии Георгия Амастридского» достаточно масштабное нападение росов/руси на причерноморские провинции в византийской Малой Азии имело место между 815 и 843 гг., во время господства иконоборцев (поскольку в «Житии» характерным образом ни разу не упомянуты иконы). В других источниках мы не находим прямых указаний на это событие. Да это и не случайно: первая половина IX в. отражена в византийских исторических сочинениях настолько смутно, что остаются неясны даты и обстоятельства важнейших событий. Основным источником для хроник, описывавших этот период спустя столетие, служили устные предания, и они часто больше напоминают художественные новеллы, чем сухое и упорядоченное повествование хрониста. В одном из таких сочинений, «Хронографии», написанной в середине X в. по распоряжению императора Константина VII анонимным автором (так называемым продолжателем Феофана), среди рассказов о волхованиях Иоанна Грамматика (одного из лидеров второго иконоборческого периода, в 837–843 гг. бывшего патриархом Константинопольским) рассказано о нападении на землю ромеев некоего «неверного и жестокого» (ἀπίστου τε καὶ σκληροῦ) племени во главе с тремя вождями²⁹. В свое время Ф.И. Успенский предложил видеть в этом сообщении полузабытый эпизод русско-византийских отношений³⁰. Характерно, что правивший в то время император Феофил (829–842), по выражению источника, «пребывал в отчаянии вместе со всеми подданными», и только магические приемы Иоанна позволили инициировать распрю между вождями нападавших, в которой двое из них погибли, а третий, покалеченный, бежал во свояси. Пассивное поведение императора, в общем-то, не отличавшегося

²⁸ См.: Грацианский М.В. О греческих истоках старославянских понятий *мощи* и причащение // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ. Сб. памяти И.С. Чичурова. М., 2012. С. 73–83.

²⁹ Theophanis Continuati Chronographia // Theophanes Continuatus etc. / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 155–156 (кн. IV, гл. 7); рус. пер.: Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Перевод, статьи, комментарии Я.Н. Любарского. СПб., 1992. С. 104–105.

³⁰ Успенский Ф.И. Патриарх Иоанн VII Грамматик и русь-дромиты у Симеона Магистра // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 267. 1890. № 1. Отд. II. С. 1–34.

робостью и бездеятельностью, можно объяснить тем обстоятельством, что вооруженный отпор был затруднителен в силу внезапности и стремительности нападения — чем обычно славились морские походы руси. Поскольку продолжатель Феофана связывает поставление Иоанна Грамматика в патриархи именно с его удачным коловодством, указанные события можно датировать периодом между 829 и 837 гг., что хорошо согласуется с хронологией нашествия «народа рос», описанного в «Житии Георгия Амастридского».

Послы «кагана росов» в столицах обеих империй

После происшествия в Амастриде между «росами» и «христианами» (как называли себя византийцы) были заключены некие мирные соглашения. Это сообщение «Жития Георгия Амастридского» позволяет объяснить появление в Константинополе в 839 г. посольства народа «рос», которое вело с императором Феофилом некие переговоры. Византия переживала тогда непростые времена. В 838 г. огромная арабская армия во главе с самим халифом аль-Мутасимом вторглась в глубь территории империи, разрушила стратегическую крепость Анкиру и овладела Аморием — важнейшим форпостом в Малой Азии и родным городом правящей династии. Феофил, выступивший навстречу врагам, едва сумел спастись и, вернувшись в столицу, начал активную деятельность по поиску внешнеполитических союзников. В 839 г. мы видим его послов в Ингельгейме на Рейне, где доживал свои последние годы франкский император Людовик Благочестивый. Рассказ об этом сохранился во второй части так называемых Бертинских анналов, которая принадлежит перу придворного капеллана Пруденция (впоследствии епископа г. Труа), современника и, по всей вероятности, очевидца описанных событий³¹.

Когда 18 мая Людовик Благочестивый торжественно принял византийских послов во главе с митрополитом Феодосием Халкидонским и спафарием Феофаном, доставивших дары и послание от императора Феофила, оказалось, что с ними прибыли некие люди, которые называли себя, то есть свой народ, *рос* (*Rhos*). Они приезжали в Константинополь «ради дружбы» как послы «их короля, именуемого хаканом», и Феофил просил препроводить их на родину, поскольку путь, по которому они прибыли к нему, пролегал

³¹ Annales de Saint-Bertin / Ed. F. Grat, J. Vieillard, P. Clémencet. Paris, 1964. Sub anno 839. P. 30–31 (текст); Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. II. Византийские источники / Сост. М.В. Бибииков. М., 2010. С. 288–289 (рус. пер. и комм. А.В. Назаренко).

«по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов», и он не желал, чтобы на обратном пути они подверглись опасности. Бдительный Людовик, устроив расследование, выяснил, что «послы хакана» на самом деле происходят «из народа свеонов» (шведов), и заподозрил в них «скорее разведчиков и в той стране, и в нашей, чем послов дружбы». Подозрительность императора не удивительна, поскольку в эти годы вся Западная Европа страдала от постоянных набегов со стороны хищных скандинавов. Впрочем, Людовик Благочестивый постарался дипломатично сгладить происшествие, написав Феофилу, что, несмотря на сомнения в искренности намерений «росов», он «из любви к нему принял их ласково» и отпустит, если они окажутся достойными доверия; если же нет — отправит их назад в Константинополь, чтобы там была решена их судьба.

В этом сообщении, особенно ценном для нас как свидетельство компетентного лица, немало важных деталей. Во-первых, здесь мы встречаем ту самую форму имени руси, которая засвидетельствована в «Житии Георгия Амастридского», — Rhos (точная транслитерация греческого Ῥῶς). Бертинские анналы нередко считают древнейшим источником, упоминающим русь, что не вполне верно, учитывая возможность более раннего создания «Жития Георгия Амастридского». Во всяком случае, несомненным является тот факт, что росы-русь стали известны и в Византии, и в Западной Европе не позднее конца 830-х гг. Это снимает последние сомнения относительно того, мог ли данный термин употребляться в первой половине IX в. Тем самым лишается всякой достоверности «теория» ПВЛ о происхождении имени «русь» от варягов, прибывших вместе с Рюриком, Синеусом и Трувором. Приходится признать, что известное место летописи о «варягах-русси», породившее столько дискуссий, — не более чем попытка жившего спустя несколько веков книжника дать объяснение тому, знание о чем было уже безвозвратно утрачено, попытка, опирающаяся лишь на некие смутные предания и собственные рассуждения летописца.

Другим неожиданным элементом ингельгеймского эпизода является именование правителя руси-росов «хаканом» (*chaganus*). Как известно, титул «хаган/хакан/каган», имеющий монгольско-тюркское происхождение, начиная с III в. использовали многие кочевые народы Центральной Азии: сяньбийцы, жужани, авары, тюркюты, хазары, уйгуры и др., связанные общими этно-культурными и политическими традициями. Труднее объяснить его усвоение русью. Но в самом факте этого усвоения не приходится сомневаться, поскольку оно подтверждается как русскими, так и иностранными свидетельствами: в «Слове о законе и благодати» (1051 г.) киевский митрополит Иларион титулует «каганами» Владимира и Ярослава

Греческий огонь.

Миниатюра из Мадридского списка хроники Иоанна Скилицы. XII век.

ва-Георгия³², некоего «кагана нашего» (Святослав Ярославич?) упоминает граффито в Софии Киевской (XI в.)³³, а «Слово о полку Игореве» (XII в.) называет «коганом» Олега Святославича³⁴; помимо этого, «хакан-рус» фигурирует в качестве официального титула правителя руси в арабской «Анонимной записке о северных народах» (вторая половина IX в.)³⁵; «хаган росов», вероятно, упоминался в послании императора Василия I к франко-итальянскому императору Людовику II (871 г.)³⁶.

³² «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона / Изд. А.М. Молдован. Киев, 1984 (по указателю).

³³ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Т. I. Киев, 1966. С. 49–52 (№ 13).

³⁴ Слово о полку Игореве / Изд. Д.С. Лихачев, под ред. В.П. Адриановой-Перец. М.; Л., 1950. С. 30.

³⁵ «Записка» сохранилась лишь в составе других памятников, в частности: Kitâb al-A'lâq al-Nafisah auctore Abû 'Alî Ahmed ibn Omar Ibn-Rosteh et Kitâb al-Boldân auctore Ahmed Ibn Abi-Jakûb ibn-Wâdhîh al-Kâtib al-Jakûbi / Ed. M. I. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. (BGA, 7). P. 145. См.: *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967. С. 78–81.

³⁶ Сохранился только ответ Людовика, где тот пишет, что, насколько ему известно, «хаканом (chaganus) именуется предводитель аваров, но не хазар (Gazanorum) или норманнов (Nortmannorum)». Chronicon Salernitanum / Ed. U. Westerbergh. Stockholm, 1956. 107. P. 111). В греческом тексте, скорее всего, стояло «χαγάνος τῶν Ρῶς», так как германский термин «норманны», которым латиноязычные авторы обозначали скандинавов, мог обозначать и русь (например, подданных киевского князя Игоря: Liudprandi episcopi Cremonensis Antapodosis // Die Werke Liudprands von Cremona / Hrsg. J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915. I, 11; V, 15. (MGH SS rer. Germ.; [41])).

С точки зрения византийско-русских отношений для нас важно, что послы прибыли в Константинополь «от хакана» (то есть по инициативе правителя руси) и «ради дружбы» (то есть для заключения мирного договора). Это позволяет предполагать, что ранее между русью и византийцами дружбы и мира не было, то есть, по всей видимости, взаимоотношения были враждебными. В эту ситуацию хорошо вписываются сообщения «Жития Георгия Амастридского» и, возможно, продолжателя Феофана. Еще более важно, что заключение договора с «росами» было настолько важно для императора Феофила, что он по собственной инициативе направляет послов в обратный путь по максимально безопасному маршруту, через Западную Европу, и лично ходатайствует за них перед своим западным собратом. Любопытно, что качества варварских народов, перекрывших путь из Константинополя во владения «кагана росов», — чрезвычайная дикость и исключительная свирепость — повторяют те эпитеты, которыми автор «Жития Георгия Амастридского» награждал самих «росов». Однако теперь, когда последние стали — или, во всяком случае, должны были стать — союзниками империи, роль диких варваров перешла к какому-то другому народу.

Большинство ученых видят в этом народе протовенгров³⁷. Именно в это время в Северном Причерноморье появляется угро-тюркский племенной союз, носящий в византийских источниках названия «угров», «уннов» или «турков». Одно из самых ранних их упоминаний в районе Дуная связано с восстанием в Болгарии пленников из Македонии, в ходе которого венгры, призванные на помощь болгарами, безуспешно пытались отобрать имущество у готовившихся отплыть на родину византийцев. Хроника Симеона Логофета, сохранившая до нас довольно смутное воспоминание об этом событии³⁸, относит его ко времени императора Феофила и правителя Болгарии «Валдимера, отца Симеона», в котором следует видеть искаженное имя хана Маламира, правившего в Болгарии приблизительно в 831–836 гг. Таким образом, во время переговоров с послами «кагана росов», то есть в 838–839 гг., венгры кочевали где-то в Северном Причерноморье и при этом, будучи союзниками болгар, на-

³⁷ Предложено также отождествление «русского кагана» с летописным князем Диром, а народа, преградившего путь его послам, — с хазарами: *Войтович Л. В.* Викинги в центрально-восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (I) // Вестник Удмуртского университета. Т. 69. 2011. Серия 5: История и филология. Вып. 3. С. 9.

³⁸ *Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon / Rec. S. Wahlgren.* В.; N.Y., 2006. (СФНБ; 44/1). Р. 236–237 (гл. 131, 10–12).

ходились в откровенно враждебных отношениях с Византией. Особая заинтересованность императора Феофила в благополучном возвращении послов «кагана росов» говорит о том, что он, в полном соответствии с классическими принципами византийской внешней политики, старался использовать союз с этим, очевидно, могущественным правителем в качестве противовеса опасной болгаро-венгерской коалиции. Поскольку такой союз имел тактический и стратегический смысл только при условии возможности реальной помощи со стороны новых друзей империи, можно с известной долей уверенности говорить о том, что владения «кагана росов» находились в непосредственной близости от границ Византии. Каковы были точные границы этих владений и где размещалась ставка «кагана», мы не знаем (и едва ли об этом знал сам Феофил), но речь, по всей видимости, должна идти именно об области в среднем течении Днепра. Именно оттуда «росы» имели возможность как угрожать, так и помогать византийцам. Кроме того, непосредственное соседство и взаимная враждебность венгров-мадьяр (аль-маджгария) и руси (ар-рус) зафиксирована в столь авторитетном памятнике, как «Анонимная записка о северных народах», написанная по-арабски во второй половине IX в.³⁹ Здесь венгры выступают хозяевами всего Северного Причерноморья, кочуя по широкой территории размером в 100 на 100 фарсахов (фарсах около 6 км) между реками Дуна/Рута (Дунай?) и Итиль (Волга?). При этом они регулярно совершают набеги на славян и русов, чья страна расположена от них в 10 днях пути, то есть примерно на расстоянии 300–500 км: именно столько отделяет черноморское побережье от Киева, Чернигова, Переяславля и др. городов, которые впоследствии получили название «Русской земли» в узком смысле слова⁴⁰.

Гипотеза о существовании Русского каганата в среднем Поднепровье в первой половине IX в. удачно вписывается в контекст всех древнейших источников. Противоречит ей только сообщение русских летописей, согласно которому имя Русь появляется в Приднепровье только после захвата Киева князем Олегом, то есть спустя полвека после описываемых событий. Однако ценность этого сообщения — которое само по себе

³⁹ Обобщение сведений о венграх: *Шорохов В.А.* Венгры в северном Причерноморье по данным «Анонимной записки» // Вестник Удмуртского университета. Т. 69. 2011. Серия 5: История и филология. Вып. 3. С. 69–74; ср: *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002. С. 55–57.

⁴⁰ См. карту: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 71.

имеет довольно невнятную форму⁴¹ — не выше, чем истории о приходе варягов-руси в Новгород вместе с Рюриком. Более того, некоторые детали летописного повествования, напротив, вполне согласуются с данной гипотезой. Во-первых, поляне, северяне и вятичи изначально упоминаются как данники Хазарского каганата⁴², а это значит, что именование «каганом» верховного правителя было в IX в. привычно этим племенам. Таким образом, вероятность появления титула «каган руси» для Приднепровья намного выше, чем для бассейна Волхова или верхней Волги⁴³. Основанием для скептицизма в отношении южной локализации Русского каганата является отсутствие археологических свидетельств, которые позволяли бы говорить о значительном присутствии в этих районах скандинавов. Между тем послы «кагана росов» в Ингельгейме были идентифицированы как шведы, что, наряду с применявшимся к руси термином «норманны», говорит о неких тесных скандинавских связях этого народа уже в IX в. На это можно лишь напомнить, что археология далеко не всегда фиксирует эфемерные протогосударства, не имеющие стабильной территории и развитой культуры, хотя из письменных источников бывает известно об их военно-политическом могуществе. Ближайший пример — те же венгры, чье вековое присутствие в Причерноморье не оставило практически никаких следов⁴⁴.

⁴¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 23: «И бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью»; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 17: «И бѣша у него Словѣни и В(а)рязи и прочии прозвашася Русью»; «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 107: «И бѣша у него Варязи мужи Словенѣ, и оттолѣ прочии прозвашася Русью».

⁴² Напр.: Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 12, 15, 17.

⁴³ Предлагались локализации центра каганата в Старой Руссе (*Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, и др.); в районе Ростова (*Pritsak O.* The Origin of Rus'. Vol. I: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. Cambridge (Mass.), 1981. P. 171–173); в Ладоге (*Петрухин В.Я.* Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 60–83; *Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien état Russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Ed. M. Kazanski, A. Necessian, C. Zuckerman. P., 2000. (Réalités byzantines; 7). P. 106–113; *Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 55–77; Дискуссия с участием В.В. Седова, Т.М. Калининой, С.А. Иванова // Славяноведение. 2003. № 8). См. также: *Литабрин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000. С. 37–46.

⁴⁴ *Шорохов В.А.* Венгры в Северном Причерноморье по данным «Анонимной записки» // Вестник Удмуртского университета. Т. 69. 2011. Вып. 3. С. 69. (История и филология).

Где бы ни находился Русский каганат, к середине IX столетия «росы» уже были весьма влиятельной политической силой, и император Феофил имел все основания стремиться к заключению с ними стратегического союза. Мы не знаем, оказалась ли подозрительность Людовика Благочестивого еще более непреодолимым препятствием для послов кагана, чем враждебные венгры, и сумели ли они, доказав свою невиновность, добраться до своего государя. Во всяком случае, император франков едва ли стал вступать в контакт с правителем «росов», поскольку спустя 30 лет его внук и тезка ничего не знал о «хагане норманнов».

Между враждой и дружбой

Осада Константинополя в 860 г.

Был ли заключен византийско-русский союз при Феофиле, нам неизвестно, но дорога руси в Константинополь была, несомненно, проторена. С высокой долей вероятности можно предположить, что служившие в императорском дворце «скифы-гвардейцы из Таврики» (οἱ ἐκ Ταυρικῆς καθ' ἑταιρείαν Σκύθαι), о которых упоминает Генесий в рассказе о событиях 855 г.⁴⁵, были выходцами из того самого народа «рос», который ученые византийцы обычно именовали «тавроскифами». Присутствие руси в Константинополе в качестве наемников и купцов тем более вероятно, что без этого трудно объяснить небывалый успех военной кампании 860 г., когда большим силам руси удалось пробиться на кораблях через Босфор и организовать осаду византийской столицы. Это эпохальное событие стало первым крупным международным предприятием малоизвестного прежде народа, в ходе которого Русь вышла на авансцену всемирной истории — «получила имя», как говорил патриарх Фотий, или «нача ся прозывати», по выражению русского летописца.

О нападении росов на Константинополь в правление Михаила III общаются многочисленные источники⁴⁶. Оно отмечено почти во всех византийских исторических сочинениях, из которых самые близкие к нему

⁴⁵ Iosephi Genesisii Regum libri quattuor / Rec. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. В.; N.Y., 1978. P. 63 (кн. IV, гл. 10).

⁴⁶ Подборка текстов и переводов с комментариями: Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Восточной Европы: 2000 г. М., 2003. С. 3–172. См. также: Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000. С. 47–60.

по времени — «Хронография» продолжателя Феофана и группа хроник, восходящих к Симеону Логофету (в том числе хроника псевдо-Симеона) — описывают это событие кратко и сухо. Более поздние источники восходят к одному из этих описаний: древнерусские летописи берут за основу древний славянский перевод («Временник») хроники Георгия Монаха (Амартола), включавшей продолжение по Симеону Логофету, а византийские историки XII—XIV вв. (Иоанн Скилица, Иоанн Зонара, Михаил Глика, Ефрем) опираются в основном на продолжателя Феофана. Точную дату нападения на Константинополь — 18 июня 860 г. — содержит так называемая Брюссельская краткая хроника, изданная Ф. Кюмоном в 1894 г.⁴⁷ До этого дата первого похода руси на Византию бралась большинством исследователей из ПВЛ — 6374 г. от с.м. = 865/866 г. н.э., хотя уже давно было замечено, что эта дата не укладывается в хронологический контекст греческих источников, прежде всего «Жития патриарха Игнатия»⁴⁸. Открытие Брюссельской хроники поставило точку в этом вопросе, хотя датировки 865 и 866 гг. до сих пор еще можно встретить в популярной литературе⁴⁹.

По счастливому стечению обстоятельств до нас дошло свидетельство современника и свидетеля нападения «росов» на Константинополь: две гомилии «На нашествие росов» патриарха Фотия, активного участника обороны византийской столицы⁵⁰. Фотий, дважды занимавший Константинопольский патриарший престол (858–867, 877–886), считается одним из наиболее видных церковно-политических деятелей в истории Византии. Его фигура стоит в центре конфликта между Константинополем и Римом, разгоревшегося из-за насильственного низложения светской властью его предшественника, патриарха Игнатия. Он, в ответ на непримиримую позицию папы Николая I, категорически отказавшегося признать его патриархом, впервые в истории осмелился бросить открытый вызов римскому епископу и соборно низложить его за канонические правонарушения, а заодно и подверг жестокой критике западные церковные обычаи, в осо-

⁴⁷ Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Восточной Европы: 2000 г. М., 2003. С. 155–157.

⁴⁸ Там же. С. 102–107.

⁴⁹ В качестве «реликтов» этой традиции можно указать статьи, представленные на сайте «Хронос» (http://hrono.ru/biograf/bio_a/askold.php, обращение 01.10.2012).

⁵⁰ Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Восточной Европы: 2000 г. М., 2003. С. 17–69.

Карта Константинополя.
Христофор Буондельмонте. Флоренция. 1442 г.

бенности включение в древний Никео-Константинопольский символ веры слова «Filioque» (что означало исхождение Святого Духа не только от Отца, но и от Сына). Среди других судьбоносных деяний Фотия можно назвать активное участие в возрождении научной традиции, а также решительную миссионерскую деятельность, важнейшими этапами которой стали крещение болгарского князя Бориса-Михаила и прибытие в Моравию «просветителей славян» Константина-Кирилла и его брата Мефодия.

Ко времени нашествия росов Фотий находился на патриаршестве чуть более года и при этом был в эпицентре противостояния между сторонниками бывшего патриарха Игнатия (уже подавшими жалобу в Рим) и главой правительства Вардой, который «убрал» Игнатия из-за личного конфликта и продвинул на престол ученого мирянина Фотия (вопреки его желанию). Нападение грозных варваров на беззащитную столицу, жителям которой оставалось лишь уповать на прочность древних стен, стало для Фотия крупным испытанием. По традиции, именно патриарх должен был взять на себя роль ходатая за столицу христианской ойкумены, судьба которой решалась не на земле, а на небесах.

В своих проповедях (гомилиях), произнесенных во время и сразу после нашествия, Фотий предстает как прекрасный оратор и тонкий психолог, умеющий придать уверенность отчаявшемуся народу в минуту опасности и напомнить о необходимости покаяния и благодарности Богу после того, как угроза миновала. К сожалению для нас, византийский риторический стиль построен на абстрактном морализаторстве, тонких аллюзиях и ссылках на Священное Писание и старается избегать всего преходящего и случайного. Гомилии Фотия далеки от документального описания, но и в них при внимательном чтении можно найти немало ценных деталей.

Попробуем восстановить картину событий, проанализировав всю совокупность доступных текстов.

Весной 860 г. молодой император Михаил III (840–867) в сопровождении своего дяди и фактического правителя государства Варды отправился в очередной поход против арабов, собираясь развить успех прошлогодней экспедиции. Византийская армия того времени состояла из провинциального ополчения фем и гвардейских полков кавалерии (тагм и схол), которые были расквартированы в столице и оперативно выдвигались в заданный район боевых действий. Во время крупных экспедиций тагмы и схолы, составлявшие главную ударную силу армии, покидали Константинополь, охрану которого несли незначительные силы городской стражи, подчинявшейся эпарху. Аналогичным образом были организованы и военно-морские силы, делившиеся на фемный флот Кивирреотов и императорскую

флотилию во главе с друнгарием, которая также участвовала во всех крупных походах. Морские коммуникации охранялись небольшими флотилиями, располагавшимися на таможенных пунктах у входов в проливы: в Авидосе на Геллеспонте (Дарданеллах) и в Иероне на Босфоре.

Летом 860 г. Константинополь оказался лишен основных сухопутных и морских сил. И когда охранявший столицу эпарх Никита Оорифа узнал, что крупный флот (численностью от 200 до 360 судов) «росов» прорвался через Иерон и направляется к городу, ему ничего не оставалось делать, как эвакуировать пригороды, крепко запереть стены и срочно известить о нападении императора. Когда до Михаила дошло сообщение эпарха, его армии уже находились довольно далеко, в районе Мавропотама (Черной реки; по всей видимости, соответствует современной речке Карасу, впадающей в Кызыл-ырмак в Каппадокии)⁵¹. От столицы его отделяло более 500 километров, и даже при спешной езде на обратный путь требовалось около недели.

Бой русов с византийцами.
Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV век.

Тем временем нападавшие подвергли разграблению богатые окрестности столицы и приступили к регулярной осаде города, окружив его с моря и суши (Фотий упоминает термин τὸ χαρακωμα — вал с частоколом, которым обычно укреплялся военный лагерь)⁵². Вторжение оказалось совершенно неожиданным. Об осаждавших было мало что известно; даже столь ученый человек, как Фотий, едва ли знал в то время их самоназвание (слово Ῥῶς встречается только в заголовках его проповедей, при этом патриарх, обильно цитируя Библию, не вспоминает о «Росе» из пророчества Иезекииля). Он называет нападавших

⁵¹ Vasiliev A.A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946. (The Medieval Academy of America; 46). P. 195–196.

⁵² Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Восточной Европы: 2000 г. М., 2003. С. 50.

«скифским народом», прибывшим с далекого севера («гиперборейская гроза»), который прежде не пользовался никакой славой и считался ничтожным и малозначительным. Главным оружием варваров была дерзкая ярость. Ничего конкретного об их предводителе (или предводителях) Фотий не сообщает, да и едва ли он мог получить в то время более полную информацию.

Нападавшие действовали с невиданной жестокостью, не щадя мирных жителей и проходя огнем и мечом все окрестности столицы. Их главной целью были сокровища, в поисках которых они не знали жалости: только на Принцевых островах они изрубили топорами двадцать два человека из челяди ссыльного патриарха Игнатия. Упомянутая экзекуция была проведена «на одном из трохантиров суда»⁵³, из чего становится понятным, что суда «росов» не походили на примитивные «однодеревки», на которых в 941 г. к Константинополю попытается прорваться князь Игорь. Скорее это были морские парусные суда, имевшие нечто вроде лебедек («трохантиры») и вмещавшие, наподобие больших кораблей викингов, от 40 до 100 человек. Тем самым численность всех росов можно оценить не менее чем в 8000 воинов, что для Средневековья представляется довольно крупной армией.

При таких обстоятельствах не столь удивительно, что осаждавшие вели себя самоуверенно и, возможно, даже выдвинули какие-то условия, о чем можно заключить из намеков Фотия во второй гомилии («спасение города висело на кончиках пальцев врагов», «затяжка времени превозносила человеколюбие противников... присоединяя к страданию позор снисхождения»)⁵⁴. Константинопольцы пребывали в состоянии отчаяния и ужаса, и в какой-то момент по городу прошел панический слух о проникновении варваров внутрь стен. Чтобы понять всю опасность сложившегося положения, достаточно вспомнить, что в 1204 г. гораздо более подготовленный к обороне Константинополь был взят после прорыва через стены всего нескольких рыцарей.

В определенных ситуациях многотысячное мирное население обороняемого города оказывается опаснее вражеской армии, поскольку в случае распространения паники никакими силами невозможно сдержать ищущую спасения обезумевшую толпу. Здесь на высоте оказался патриарх, организовавший величественный крестный ход с обнесением вокруг стен столицы мафория (риз) Богородицы и молитвами к небесной заступнице Константинополья. Вскоре после этого осаждавшие неожиданно сняли осаду и отступили.

⁵³ Там же. С. 105.

⁵⁴ Там же. С. 58-59.

Преследование отступающей русской армии византийцами.
 Миниатюра из Мадридского списка хроники Иоанна Скилицы. XII век.

Патриарх приписывает это чудесному заступничеству Божией Матери, а продолжатель Феофана кратко сообщает, что Фотий «умилостивил Божество».

Император Михаил не упоминается в проповедях Фотия, хотя вторая из них была произнесена уже после снятия осады. Такое пренебрежение к императору было бы немислимо, если бы он в это время уже находился в столице. Однако хроника Симеона Логофета говорит о том, что Михаил все же успел вернуться до отхода варваров («едва сумел переправиться») и вместе с Фотием молился в храме Богородицы во Влахернах. Возможно, что император застал варваров уже в момент их отступления, которое, по всей видимости, и было вызвано слухами о его возвращении. Так или иначе, одним отступлением дело не ограничилось. Недалеко от Константинополя флот «росов» попал в бурю, и переполненные награбленными богатствами корабли стали легкой добычей волн. У византийских хронистов не возникло никакого сомнения в том, что варваров постиг Божий гнев, так что немногие из них сумели убраться восвояси.

Западные источники — «Хроникон венетов» Иоанна Диякона (начало XI в.) и послание папы Николая I (865 г.) — не сообщают ничего принципиально нового, за исключением того, что считают нападение на Константинополь закончившимся триумфом варваров. То обстоятельство, что венецианец Иоанн называет нападавших «норманнами», не должно нас удивлять ввиду приводившихся выше аналогичных примеров употребления этого этнонима к руси у Людовика II и Литутпранда (см. сн. 32).

Особняком стоит сообщение о походе в ПВЛ, которая не довольствуется пересказом переводной греческой хроники (как это делает, к примеру, Н1А мл.), но вписывает его в свой внутренний контекст, делая вождями

похода на Царьград полулегендарных князей Аскольда и Дира⁵⁵. Вопрос о личности и самом существовании этих персонажей весьма запутан ввиду скудости источников. Согласно Н1Л мл., Аскольд и Дир были варягами, которые пришли в Киев и назвались там князьями после того, как по смерти Кия и его братьев поляне попали под власть хазар. При этом данное событие помещено между рассказами о походе на Константинополь и о призвании варягов Рюрика в Новгород. В ПВЛ Аскольд и Дир предстают в качестве людей Рюрика («и бяста у него два мужа не племени его, но боярина»)⁵⁶, которые «испросистася к Царюгороду с родом своим», но по дороге оседают в Киеве и, собрав много варягов, начинают владеть полянами. Затем идет рассказ о походе на Константинополь, взятый из переводной хроники Георгия Амартола, куда вместо слова «русь» механически вставлено «Аскольд и Дир» (с сохранением глагола в единственном числе вместо двойственного). Несложно предположить, что превращение Аскольда и Дира в «мужей Рюрика», не принадлежавших при этом к его «племени», призвано было придать легитимность последующему их убийству Олегом, действовавшим от имени сына Рюрика Игоря. Тем самым мы вынуждены признать, что редактор ПВЛ не имел никакого определенного понятия об Аскольде и Дире и его попытка связать с ними поход на Царьград — не более чем желание найти хоть какую-то связь между столь важным событием, освещенным в византийской хронике, и теми скудными обрывками из далекого прошлого руси, которые сохранились сквозь толщу времен до русских летописцев XI в.⁵⁷

⁵⁵ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 17–22; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 15–16. Ср.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 103–105.

⁵⁶ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 15. Ср.: Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 20: «...не племени его, ни боярина».

⁵⁷ В так называемой Иоакимовской летописи, которую с энтузиазмом цитирует В.Н. Татищев, действует только один князь — Оскольд; он прибывает в Киев, присланный Рюриком по просьбе «полян и горян»; победив хазар, отправляется на Царьград; а после того, как его флот терпит крушение в бурю, направляет послов к императору (Кузнецов П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Вост. Европы: 2000 г. М., 2003. С. 29–30). Последняя деталь неизвестна другим летописям, но соответствует сообщению продолжателя Феофана. Однако Иоакимовская летопись — источник весьма сомнительный и во всяком случае довольно поздний (см.: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 196–245).

Любопытно, что составитель ПВЛ отправляет русь в Константинополь именно из Киева — вопреки своей собственной теории, согласно которой само имя «русь», непосредственно связанное с «племенем» Рюрика, в Киеве появляется только с приходом туда Олега и Игоря. Для нас же лишний раз становится ясно, что легендарный Рюрик⁵⁸ очевидным образом не может претендовать ни на роль первого правителя руси как народа, ни на статус основателя Руси как государства. Единственное, что заставило последующих историописателей сделать из него ключевую фигуру, — это смутные династические предания XI в., считавшие русских князей потомками варяга Рюрика⁵⁹.

Крещение Руси при Фотии и Игнатии

В непосредственной связи с походом 860 г. стоит так называемое первое крещение Руси, о котором сообщают византийские источники. Собственно, для византийцев это крещение руси как народа было не только первым, но и единственным: крещение Руси при св. Владимире спустя столетие византийские историки даже не заметили. Противоположная ситуация сложилась в русской летописной традиции, где жертвой забвения стало как раз крещение после первого похода на Царьград: ведь о нем не упоминалось в той единственной переводной греческой хронике, из которой наши ученые черпали сведения о своей древнейшей истории. Действительно, хроника Георгия Амартола (точнее, хроника Симеона Логофета, по которой составлено ее продолжение после 843 г.) по каким-то причинам не упоминает о крещении росов вскоре после их нападения на Константинополь. Но о нем рассказывает «Хронография» продолжателя Феофана и тесно примыкающее к ней «Жизнеописание Василия Македонянина», автором которого считается император Константин VII. А поскольку именно на данные источники опирались последующие византийские историки, как раз об этом крещении росов стало впоследствии широко известно в Византии⁶⁰.

⁵⁸ О спорах вокруг его идентификации см., напр.: *Войтович Л.В.* Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре: Сб. ст. к 70-летию профессора И.Я. Фроянова. М., 2006. С. 111–121.

⁵⁹ Да и то не всегда. Показательно отсутствие Рюрика в числе предков Владимира, упоминаемых в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона.

⁶⁰ См. подборку текстов: *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Восточной Европы: 2000 г. М., 2003. С. 122–149.

Собственно, речь в наших источниках идет не о единовременной акции, а о нескольких этапах крещения руси. Первый из них отражен в «Окружном послании» патриарха Фотия, который в начале 867 г., приглашая восточных патриархов на собор в Константинополь (тот самый, где будет осужден папа римский), рассказывает им о своих миссионерских трудах. Большая часть послания посвящена Болгарии и тем проблемам, которые вызвало появление в этой новообращенной стране латинских епископов. И уже в самом конце патриарх радостно сообщает о том, что даже «всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности, тот самый так называемый [народ] Рос» (здесь мы уже встречаем ту аллюзию на библейское пророчество Иезекииля, которую ожидали увидеть еще в гомилиях Фотия), который дерзнул поднять руку на державу ромеев, переменял языческую веру на религию христиан и благосклонно принял епископа⁶¹.

Любопытно, что в «Окружном послании» Фотий предстает уже гораздо лучше осведомленным об истории «росов», поскольку объясняет их недавнее нападение на империю тем, что они сумели «поработить всех окрестных и оттого чрезмерно возгордились». Таким образом, патриарх сообщает нам важную информацию — несомненно, полученную им из достоверных источников (ведь его епископ находился среди самих росов), — согласно которой поход 860 г. стал возможен именно вследствие возникновения некоего мощного племенного союза во главе с русью, типологически сходного с теми коалициями подвластных племен, которые поведут на Константинополь в X в. русские князья Олег и Игорь.

В этом же контексте, с нашей точки зрения, следует понимать и ту загадочную фразу о происхождении «народа рос», которая была вставлена из какого-то ономастикона в одну из редакций хроники Симеона Логофета и дошла до нас в компиляции псевдо-Симеона⁶². В прежних переводах глагольная форма *διαδραμόντες* понималась как «избежавшие» (неких пророчеств); однако глагол *διατρέχω*, от которого происходит это активное аористное причастие, означает нечто иное: «пробегать, распространяться, проноситься», что хорошо согласуется по смыслу как с зависящим от него существительным *ἀπλήματα* (мн. ч. от «эхо, отголосок, отзвук»), так и с идущим далее толкованием прозвища «дромиты» — «быстро бегающие».

⁶¹ Там же. С. 74–75.

⁶² [Pseudo] Symeoni Magistri Chronographia // Theophanes Continuatus etc. / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838 P. 707. Наш перевод: Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. 2011. С. 18.

Крещение Руси при византийском императоре Василии I.
Миниатюра из Мадридского списка хроники Иоанна Скилицы. XII век.

Уже в 867 г. после свержения императора Михаила III его соправителем Василием I патриарх Фотий был низложен и сослан. Следующий этап «первого крещения руси» разворачивался уже при возвращенном на престол Игнатии и проходил под непосредственным попечением нового императора. Согласно панегирически окрашенному «Жизнеописанию Василия Македонянина», миссионерская деятельность вообще была одним из излюбленных направлений его внешней и внутренней политики. Он обращает в христианство иудеев, крестит балканские народы, а также укрепляет в вере болгар, направив к ним архиепископа со множеством епископов и монахов (предоставив Болгарской церкви права самой широкой автономии, византийцам удалось удержать ее в орбите греко-православной традиции и не допустить подчинения Риму). Аналогичным образом Василий действует и в отношении Руси. Мы узнаем, что император богатыми дарами склонил «неодолинейший и безбожнейший народ росов» к мирному соглашению и убедил «приобщиться к спасительному крещению и принять архиепископа, получившего рукоположение от патриарха Игнатия».

В этом рассказе многое озадачивает. С одной стороны, патриарх Фотий в «Окружном послании» говорит о том, что росы «сами себя поставили в ряд подчиняющихся и гостеприимцев» (ὕπηκόων καὶ προξένων); это подтверждает и продолжатель Феофана, сообщая, что это сами росы, направив «в царственный град» посольство, «умоляли сделать их сопричастными к божественному крещению — что и случилось». С другой — остается неясным, что же произошло с епископом, который сообщал о своих успехах Фотию. Предлагались разные решения — одни видели в обоих рассказах искаженные отголоски об одном и том же событии; другие подозревали

Фотия в стремлении задним числом приписать себе крещение Руси; третьи (и таковых большинство) обвиняли царственного автора «Жизнеописания» в попытке отнести к деяниям своего деда Василия I то, что было сделано во время его соправительства с Михаилом III⁶³. Мы же, присоединяясь к мнению Карамзина, считаем возможным видеть здесь два этапа миссии.

Вероятно, дворцовый переворот 867 г. и низложение Фотия (вслед за которым были низложены и все поставленные им епископы) оказали неблагоприятное впечатление на Русь, и Василию потребовалось заново уговаривать ее вождей соблюдать мирные соглашения и продолжать ту благосклонную к христианству политику, которая начала проводиться еще при Фотии. Особое внимание следует обратить на то, что Василий направил к росам не простого епископа, а архиепископа, то есть возвел Русскую церковь на тот же уровень, которого с таким трудом добились для себя болгары. С большой долей вероятности можно предположить, что болгарский пример послужил поводом для Руси требовать себе при крещении аналогичных условий.

Центральным эпизодом рассказа о крещении Руси в «Жизнеописании Василия» является рассказ о чуде с не сгоревшим в огне Евангелием, которое продемонстрировал явившийся к росам архиепископ. Оставляя в стороне мистическую сторону этого происшествия, обратим внимание на некоторые детали, которые вполне могут отражать реальную картину.

Русь предстает в качестве племени, во главе которого стоит архонт (именно этим термином византийцы обычно переводили славянское *князь*), окруженный советом старейшин. Последние предстают главными противниками новой веры, поскольку «из-за долгой привычки более других преданы суеверию». Для принятия важного решения созывается всеобщий сход (σύλλογος), на котором росы требуют от архиепископа продемонстрировать чудо, причем конкретное: подобное тому, что случилось с тремя ветхозаветными отроками в печи огненной (Дан. 3:13). Разводится костер (из чего можно заключить, что сход происходит под открытым небом) и в него кладется Евангелие, у которого, по молитве архиепископа, остаются не тронутыми огнем «даже кисти на запорах». Только после этого варвары приступают к крещению.

Хронологический контекст этого рассказа соответствует 70-м гг. IX в. Архиепископ в Болгарию был отправлен в 870 г., и эта дата может служить в качестве *terminus post quem*. В одной из греческих рукописей XV в. (Paris.

⁶³ Обзор мнений см.: Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Восточной Европы: 2000 г. М., 2003. С. 128.

гг. 2303) сохранилась заметка⁶⁴, согласно которой «народ росов» был крещен в царствование Василия Македонянина, около 6390 г., что соответствует 881/882 г. н.э. Учитывая округленный характер даты, можно говорить о том, что она соответствует хронологии «Жизнеописания Василия». Таким образом, первый этап крещения следует отнести к 861–867 гг., а второй — к 870–885 гг.

У нас нет веских оснований отвергать достоверность сообщений о крещении Руси при Фотии и Игнатии. Даже легендарный сюжет «чуда с несгоревшим Евангелием» наложен на вполне достоверный, хотя и обобщенный, фон. Совет старейшин и характер схода-веча под открытым небом, равно как и неспособность архонта-князя единолично решать вопросы, связанные с религиозными традициями, представляются типичными чертами общества, находящегося на ранней стадии разложения родоплеменной организации. Из рассказа можно заключить, что главным лицом, поддерживающим миссию, является архонт (последний только что заключил союз с Византией); именно он созывает сход, чтобы преодолеть сопротивление старейшин. Ясно и то, что такого рода «крещение» могло привести лишь к самой поверхностной христианизации и при первой же возможности (например, после смены князя) неизбежно должно было смениться языческой реакцией.

Судя по всему, так и случилось. Во всяком случае, на русской почве от «первого крещения Руси» не осталось почти никаких следов. Многие исследователи видят воспоминание о христианстве в Киеве до прихода Олега в сообщении летописей о том, что на могиле Аскольда некто Олма поставил церковь Св. Николая, а могила Диры — «за святою Ориною»⁶⁵. Однако сами летописи ничего ясного об этом не знают: складывается впечатление, что сами имена Аскольда и Диры известны летописцу только из киевской топонимики, по могилам на Угорской горе. Как бы то ни было, новый хозяин Киева, князь Олег, определенно был убежденным язычником.

Удача «вещего» Олега и союз Византии с Русью

Знаменитый поход князя Олега на Константинополь во главе большой коалиции подчиненных ему племен ознаменовал новую веху в истории отношений между Русью — отныне уже вполне полноценным

⁶⁴ Там же. С. 157–158.

⁶⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 107; Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 23; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 17.

государством — и Византией. Удачное стечение обстоятельств позволило русскому князю навязать империи весьма выгодные условия мира: главные русские города, где сидели подчиненные Олегу князья, стали получать от империи регулярные выплаты («уклады»); русские купцы получали право беспошлинно торговать на рынках Константинополя; византийская сторона обязывалась содержать за свой счет послов и купцов из Руси и снабжать их всем необходимым для обратного пути. Но и византийцы сумели извлечь пользу из дружбы с воинственным северным народом. Отсылая читателя за подробностями к специальной работе, посвященной этому походу⁶⁶, подведем основные выводы и добавим некоторые важные уточнения.

Поход Олега, в отличие от всех других крупных военных акций Руси, направленных против Константинополя, не нашел никакого отражения в византийских исторических сочинениях. Это обстоятельство даже вынуждало исследователей ставить под вопрос сам факт этого события, однако все сомнения исчезают ввиду наличия в ПВА ценнейших документов — переводов двух русско-византийских договоров, заключенных Олегом с правительством Византийской империи: краткого перемирия сразу после похода и подробного соглашения «о дружбе и взаимопомощи», подписанного в 911 г.⁶⁷

Помимо этих памятников, русские летописи сообщают о походе Олега достаточно кратко, но с некоторыми детальными подробностями (например, о размере дани и вместимости кораблей), а также приводят несколько любопытных зарисовок-притч с диалогами, происхождение которых довольно загадочно. Одна из них, повествуя о неудавшейся попытке греков отравить князя во время переговоров, приписывает византийцам фразу: «Нѣсть се Олегъ, нѣ святыи Дмитрии посланъ от Бога на ны»⁶⁸. Другой рассказ, повествующий о том, как на обратном пути ветер разодрал вытребованные Олегом у византийцев «кропинныя» (то есть шелковые, от церков-

⁶⁶ Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. 2011. С. 7–35.

⁶⁷ О русско-византийских договорах см.: Малинзуди Я. Русско-византийские связи (договоры) в X в. с точки зрения дипломатики // Византийский временник. 1995. Т. 56. С. 68–91; 1997. Т. 57. С. 58–87; Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000. С. 61–153.

⁶⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 108; ср.: Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 30; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 21.

нослав. *коприна* ‘шелк’) паруса славян, приводит их слова: «Имемъся своимъ тольстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ кропинныя»⁶⁹.

Обе притчи свидетельствуют о наличии некоего устного предания о походе, которое, с одной стороны, демонстрирует хорошее знакомство с христианскими греческими реалиями (отражая или моделируя типичную для византийцев реакцию на неудачу как на вмешательство святого великомученика), а с другой — сообщает такие маловажные подробности (порванные паруса), которые могли запасть в душу только непосредственному участнику похода. При этом сохранено архаичное слово *прѣ* ‘паруса’ (из финск.-карельск. *purje(h)*), которое восходит к литовск. *bùrė* ‘парус’) ⁷⁰ — один из немногих связанных с морским делом терминов северного происхождения. Возможно автор этих преданий был одним из тех росов-христиан, которые проживали в начале X в. в Византии; использование редкого севернорусского слова не дает возможности видеть в информаторе иностранца (например, болгарина).

В целом, несмотря на свой эпический характер, летописная информация об обстоятельствах похода Олега заслуживает всяческого доверия. Это, разумеется, не касается датировки в ПВЛ, которая, как и почти все ранние даты русских летописей, не имеет исторической ценности и должна быть изменена на 904 г.⁷¹ Однако другие детали — перекрытие «Суда» (Босфора) греками; удачный сухопутный маневр русского войска («корабли на колесах»); переговоры с византийскими послами и заключение выгодного мира — подтверждаются не только самим фактом наличия русско-греческих договоров, но и рядом косвенных свидетельств. Более того, сопоставление данных о походе Олега с более подробно документированным походом князя Игоря в 941 г. позволяет предположить между ними определенное сходство как с точки зрения тактики, так и в отношении географии ведения военных действий. Стремясь повторить успех Олега, Игорь и его полководцы неизбежно должны были использовать его опыт, тем более что условия рельефа и береговой линии в районе Босфора не позволяют значительное варьирование в местах высадки и маршрутах движения к Константинополю. Подробнее об этом пойдет речь в следующем разделе, посвященном походу 941 г.

⁶⁹ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 23; ср.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 109; Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 32.

⁷⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. III. С. 356.

⁷¹ См.: Кузенков П.В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. 2011. С. 7–35.

Перенесение даты похода Олега на 904 г. позволяет предположить, что уже тогда между Русью и Византией был заключен договор «о дружбе и взаимопомощи». Именно он, по всей видимости, имеется в виду, когда в преамбуле договора 911 г. говорится о намерении сторон заключить соглашение «на удержание и извещение от многих лет межи христианы и Русью бывшую любовь»⁷². Таким образом, появление на византийской службе крупного русского корпуса следует отнести уже к 904–905 г. Это помогает объяснить, каким образом императорскому флоту под предводительством адмирала Имерия удалось добиться решительного перелома в борьбе с арабскими пиратами, до тех пор безнаказанно хозяйничавшими в Эгейском море (достаточно вспомнить ужасную трагедию Фессалоники 904 г.). Флот Имерия нанес арабам сокрушительное поражение 6 октября 906 г., уничтожив до 18 тысяч врагов⁷³. Этому не смогло помешать даже неповиновение верховного стратига Андроника Дука, под всяческими предлогами уклонявшегося от погрузки сухопутных войск на корабли из-за интриг министра Самоны, араба-рenegата. Дука был настолько уверен в неминуемом поражении Имерия, что после его неожиданной победы в страхе поднял открытый мятеж против императора, а затем бежал к арабам. Возникает закономерный вопрос: каким же образом удалось византийским морякам, лишенным поддержки армии, одолеть непобедимых дотоле пиратов?

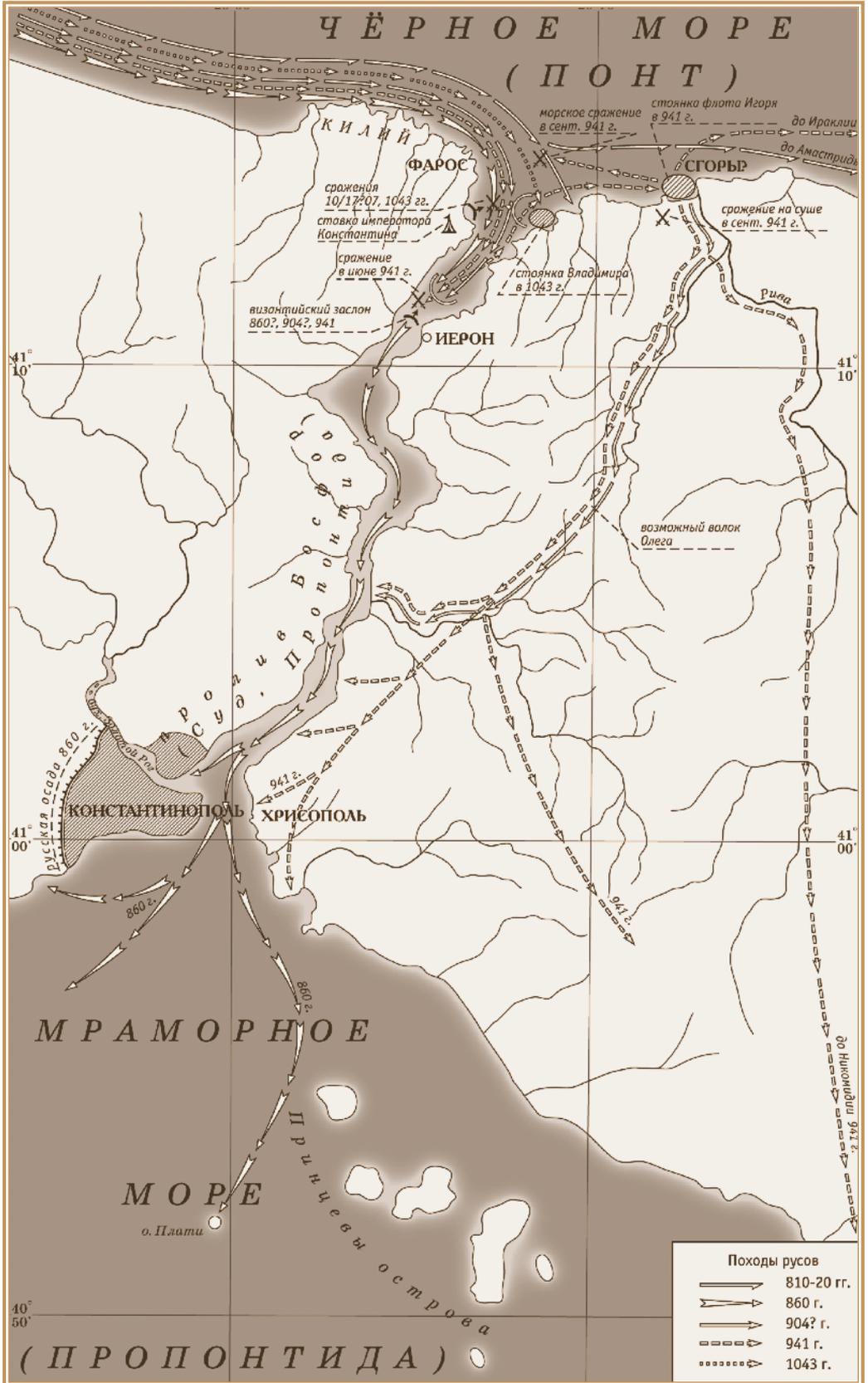
Ответ на этот вопрос дает случайно сохранившееся в составе трактата «О церемониях» Константина Багрянородного описание одной из следующих экспедиций того же патрикия Имерия, состоявшейся в 910 г. против критских и сицилийских арабов. Подробно перечисляя все подразделения и их довольствие, документ сообщает: «Итого всех по императорскому флоту и по фемам: 112 драмонов, 75 памфилов, 34 000 гребцов и 7340 бойцов, 700 росов и 5087 мардаитов... Армия с офицерами: 12 502; рога: 15 кентинариев 90 литр 10 [номисм]. Резерв: 1000 по 5 номисм, итого 69 литр 32 номисмы. Росы: 700; рога: 1 кентинарий. Итого рога по флоту и росам: 17 кентинариев 59 литр 42 [номисмы]»⁷⁴.

Мы видим, что в многотысячной армии особо отмечен небольшой отряд из 700 *росов*. От общей численности участников экспедиции, составлявшей

⁷² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 33; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 24.

⁷³ Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon / Rec. S. Wahlgren. В; N.Y., 2006. (CFHB; 44/1). P. 273 (§ 133. 52–53); Theophanis Continuati Chronographia // Theophanes Continuatus etc. / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 372. О годе см.: Васильев А. А. Византия и арабы. Ч. 2. СПб., 1900. С. 156–157, 160.

⁷⁴ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libriduo / Ed. I. I. Reiske. Bonnae, 1830. II, 44. P. 651.

47 127 человек, это число составляет всего 1,5%. Однако жалование (рога), выделенное росам, составляет уже 3,4% от общей суммы (7200 номисм из 209 802). Таким образом, оплата русского наемника почти в 2,5 раза превышает средневзвешенный показатель по византийскому флоту, участвовавшему в походе на Крит. Рога на одного роса составляет по 10 1/3 номисмы (на 1 номисму можно было купить 150 кг зерна, пару овец или участок в 10 соток).

Расходы на небольшой русский отряд были не столь уж велики, но эффективность от его применения должна была быть достаточно высокой, раз уж правительственный чиновник постоянно упоминает его как особую боевую единицу. Немногим далее в том же трактате описана итальянская экспедиция протоспафария Епифания, отправленная в 934–935 гг. в Лонгивардию (как назывались византийские владения в Южной Италии). Среди ее участников перечислены 415 росов на 7 кораблях.

Не приходится сомневаться в том, что отныне росы участвовали во всех более или менее крупных военных акциях Византии. Этот новый фактор сыграл важную роль в длившемся многие века противостоянии византийцев и арабов на море. Однако польза от союза с Русью вовсе не ограничивалась службой русских наемников в византийской армии. Едва ли не более важной для константинопольского правительства была возможность использовать Русь в качестве противовеса в напряженных отношениях с другими державами Причерноморья, прежде всего с Болгарией.

Когда в 923–924 гг. до предела накалились отношения Византии с Симеоном Болгарским, который всерьез претендовал на императорский титул и овладение Константинополем, патриарх Николай I направил «возлюбленному сыну» увещательное послание, призывающее его прекратить братоубийственную войну между христианами. Как тонкий дипломат, патриарх сообщает Симеону, что его сердечную муку усугубляет известие о том, что император Роман I Лакапин (919–944) подготовил «сильнейшее движение против вашей власти и твоего народа со стороны росов и пачинакитов, а также алан и западных турков, которые все согласились начать против тебя войну». Сообщив болгарину, что его уговоры «не направлять безбожных варваров на христианский народ» не возымели успеха, Николай вновь предупреждает: «Знай, что нет такого народа, который не был бы подвигнут на вашу погибель: и турки, и аланы, и пачинакиты, и росы, и все скифские племена, пока не истребят до конца болгарский народ»⁷⁵.

⁷⁵ Nicolas I, patriarch of Constantinople. Letters / Ed. R. Jenkins, L.G. Westerink. Washington, 1973. P. 158, 160.

Итак, росы, хотя и «безбожные», стали важными тактическими союзниками Византии, и императоры были заинтересованы в том, чтобы поддерживать с ними дружеские отношения. За это они готовы были платить «уклады» русским городам, снабжать всем необходимым русских купцов и даже — неслыханная для империи привилегия — предоставить им право беспошлинной торговли (обычно таможенные сборы составляли 10%). Впрочем, аппетиты русских князей росли, и Константинополю предстояло выдержать «третий вал» русского нашествия.

Катастрофа Игоря

11 июня 941 г. у берегов Византии появилась огромная флотилия руси (ее размер современники оценивают неслыханными числами — от тысячи до 10 тысяч судов; по самым скромным подсчетам, речь идет об армии в несколько десятков тысяч человек), направлявшаяся к Константинополю. Подойдя к Босфору, росы решились атаковать византийский заслон у Иерона. Возможно, к этому их подвигла мизерность византийской флотилии, которая состояла из полутора десятков ветхих посудин, наспех снаряженных по приказу Романа I Лакапина⁷⁶. Однако протовестиарий (начальник царского гардероба) Феофан, призванный императором к командованию этими скромными силами, оказался не просто верным министром, но и хитроумным стратегом. Он приказал оснастить свои корабли по всем бортам орудиями для метания самовоспламеняющейся смеси на основе нефти и селитры, которая была известна как «мидийский огонь». Флотилия Феофана из 15 хеландиев заняла позиции в районе Иерона. Здесь и состоялось первое известное нам крупное русско-византийское морское сражение. Дождавшись, когда русские суда заполнят всё пространство сужающегося Босфора, Феофан перешел в атаку, прорезал на своем огненосном хеландии ряды противника и смешал строй русских судов. Уповая на численное преимущество, русские решили захватить флагманский хеландий и окружили его, но были буквально залиты горящей даже в воде огненной лавой. В это время остальные византийские корабли также перешли в наступление; штиль способствовал их четким тактическим действиям, что и решило судьбу сражения. Численное превосходство руси сыграло роковую роль: тяжелые византийские «крейсера» (имевшие по 120–150 гребцов) давили на всем ходу скучившиеся русские ладьи, заливая их жидким огнем. В рядах руси возникла сумятица,

⁷⁶ Лиутпранд Кременский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / Изд. подг. И.В. Дьяконов. М., 2006. С. 97.

началось отступление. Впрочем, потери руси не могли быть особенно велики: речь шла лишь о неудачной атаке, но не о разгроме.

Силы «росов» отошли на мелководье в районе реки Рива, впадающей в Черное море примерно в 3 км к востоку от устья Босфора. Византийские хроники называют эту местность Сгоры (τὰ Σῦρα, τὰ Σύορα, у псевдо-Симеона — Ῥόυαι). Тут находилась мелководная бухта, непроходимая для больших военных кораблей с низкой осадкой. Здесь русский флот получил своего рода базу, неприступную ни для морских, ни для сухопутных атак византийцев. Поскольку флот руси отступил как бы на заранее предусмотренные позиции, можно предположить, что такой маневр был уже отработан во время предыдущего похода Олега. Летописи сообщают, что тогда греки «замкнули Суд», после чего Олег высадился на берег и приказал вытащить на сушу корабли.

Если мы посмотрим на географию окрестностей устья Босфора, мы обнаружим, что его европейский (фракийский) берег на много километров к западу и югу представляет собой неприступные скалы, непригодные для высадки флота. Гораздо удобнее для этого азиатский берег, где в районе устья Ривы образуется обширная бухта, удобная как для стоянки большого числа мелких ладей, так и для «десантирования» на сушу. Последнее можно было осуществить и из фарватера самой Ривы, текущей с юга в Черное море. Один из ее мелких притоков течет с горного массива, с противоположной стороны которого вытекает другая речка, впадающая в Босфор южнее Иерона. Как известно, русские купцы умели пользоваться водными артериями, организуя в нужных местах волоки. Поэтому летописный эпизод о том, как Олег поставил корабли «на колеса» и под парусами подошел к Царьграду, с географической точки зрения можно трактовать как попытку провести корабли в обход Иерона — опорной базы византийского флота. (См. карту.)

В сентябре 2011 г. автору этих строк удалось побывать в районе высадки войск Игоря (а возможно, и Олега). Наши предположения, сделанные на основе анализа письменных текстов, нашли блестящее подтверждение. Река Рива — достаточно широкая и по сей день — впадает в Черное море в просторной мелководной бухте, окруженной широким и протяженным песчаным берегом. В настоящее время его восточная часть используется как общественный пляж, а на западной расположена турецкая военная база. Это место, со всех сторон окруженное горами, идеально подходит для размещения достаточно большого лагеря и многочисленных судов, пригодных для плавания по мелководью. В лагуне находится несколько небольших островков, с которых прекрасно просматривается окружающее море вплоть до устья Босфора. (См. карту и фото.)

Устье Ривы, место высадки войск Игоря (и Олега?).
 Фото автора.

Опираясь на базу в лагуне у устья Ривы, русские отряды принялись совершать грабительские рейды по всему пространству прилегающей территории. Вдоль черноморского побережья они добирались до Пафлагонии, на сотни километров к востоку. Но наиболее богатую добычу представляли берега Босфора, усеянные богатыми вилами и монастырями. Согласно хронике Симеона Логофета, варвары с изощренной жестокостью пытали священнослужителей и уничтожали христианские храмы и монастыри⁷⁷. Впрочем, такое ожесточение против церковных людей и зданий плохо вяжется с наличием в войске Игоря многочисленных христиан, которые впоследствии, при заключении мирного договора, приносили особую клятву. Любопытно, что такой сугубо нравоучительный текст, как «Житие Василия Нового», из которого мы узнаем много важных подробностей нашествия «росов»⁷⁸, не упоминает о пытках священников — хотя это, казалось бы, давало хороший повод для морализаторства на тему безбожия «бесстыжих псов».

⁷⁷ Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon / Rec. S. Wahlgren. В.; N.Y., 2006. (CFHB; 44/1). P. 313 (§ 136.72); Theophanis Continuati Chronographia // Theophanes Continuatus etc. / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 423–426 (Кн. VI, ч. 4, гл. 39); *Истрин В.М.* «Книги временья и образныя Георгия Мниха»: хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I. Пг., 1920. С. 567; Т. II. Пг., 1922. С. 61.

⁷⁸ *Веселовский А.Н.* Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 261. 1889. Январь. С. 83–86 (греч. текст); *Вилинский С.Г.* «Житие св. Василия Нового» в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2. С. 455–459 (слав. версия).

Некоторое время русь действовала в обширном районе азиатского берега Босфора практически безнаказанно, так как ее силы намного превосходили возможности местных сил обороны⁷⁹, а византийская регулярная армия находилась на восточной границе. Но вот на защиту разоряемых областей перебрасывается македонская кавалерия патрикия Варды Фоки, которая встречает и уничтожает крупный русский отряд, добывавший провиант в Вифинии. Вместе с Фоккой действует армия фракийцев во главе со стратигом Феодором Спонгарием. Наконец, в район боевых действий подходит 40-тысячная армия во главе с самим главнокомандующим, магистром Иоанном Куркуасом — верным соратником императора Романа I (через два года он вызовет из сарацинского плена знаменитый нерукотворный образ Христа, Святой Убрус). В ходе «зачистки» территории византийскими войсками было уничтожено и захвачено в плен много мелких отрядов. Русь укрепилась на кораблях, не рискуя более совершать вылазки. Однако силы «росов» всё еще столь значительны, что византийцы, стянув против них едва ли не половину всех вооруженных сил империи, не идут в наступление, ограничиваясь блокадой с суши и моря.

С наступлением осени положение русского войска, заблокированного на мелководье, ухудшается; усиливается волнение на море, ощущается нехватка продовольствия. Решившись на прорыв блокады, «росы» дали византийцам бой на суше, но были разбиты в упорном сражении. Укрывшиеся на судах остатки русского войска решились под покровом ночи пересечь устье Босфора и уйти вдоль фракийского берега на родину. Но движение русских судов было замечено дозорными, и флотилия Феофана, стоявшая на рейде у Иерона, бросилась в погоню. К этому времени значительная часть русских судов уже успела уйти, однако арьергард подвергся истреблению «мидийским огнем»; лишь отдельные суда с наступлением ночи ушли от преследования за Килийский мыс. Множество «росов» попало в плен, и все они были казнены по приказу императора Романа в присутствии посла его нового соседа, короля Италии Гуго⁸⁰. На обратном пути в русском войске началась эпидемия, усугубившая людские потери. Вернувшиеся на родину с ужа-

⁷⁹ Согласно написанному как раз в эти годы трактату Константина Багрянородного «О фемах» (Costantino Porfirogenito. De thematibus / A cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952. P. 69–70) фема Оптиматов, где развернулись боевые действия в 941 г., не имела собственных воинских контингентов и целиком специализировалась на сопровождении гвардейских полков (схол и тагм).

⁸⁰ Этим послом был отчим Лиутпранда (Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / Изд. подг. И.В. Дьяконов. М., 2006. С. 97).

сом рассказывали о чудесном молниевидном огне, которым жгли их греки⁸¹. Похоже, что русским воинам действительно впервые пришлось столкнуться с этим страшным оружием византийцев. Во всяком случае, при описании более ранних походов источники о «греческом огне» не упоминают.

Согласно ПВЛ, во главе злосчастного похода 941 г. на Константинополь стоял князь Игорь, правивший уже 28 лет после смерти «Вещего» Олега (датированной 6421 = 912/913 г.)⁸². Однако в Н1Л мл. этот поход (датированный 6428=920 г.) происходит при жизни Олега, который действует как воевода сына Рюрика. Сам Игорь, как кажется, в походе участия не принимает: во всяком случае, вместо традиционного «иде на Грѣкы» летопись использует выражение «посла князь Игорь на Грѣкы вои Русь»⁸³. Впрочем, общая канва событий в Н1Л мл. не внушает доверия: победоносный поход Олега здесь описан как состоявшийся на третий год *после* этого неудачного похода, и Игорь выступает его организатором. Однако более веские аргументы против версии ПВЛ дает найденное в каирской генизе письмо неизвестного хазарского иудея испанскому сановнику Хасдаю ибн Шафруту (так называемый «Текст Шехтера»).

Согласно его рассказу, между Хазарией и Византией разгорелся конфликт из-за преследования «злодеем Романусом» иудеев в империи⁸⁴. Хазарский каган в ответ начал гонения на христиан в своем государстве. Тогда Роман привлек в качестве союзника «царя Руси» (מלך רוסיא), послав ему богатые дары и направив его на хазар. Имя этого «царя», записываемое еврейским консонантным письмом как הלגו (HLGW), тождественно скандинавскому *Helgi*, которое, в свою очередь, соответствует древнерусскому *Ольгѣ* (точно так же, как *Helga* дает греческое Ἐλγα и русское *Ольга*). В качестве союзника Византии Олег захватил и разграбил хазарский город סמכריו / סמכריו (видимо,

⁸¹ Красноречивые слова: «Якоже мольнья, иже на небесехъ, Гръци имуть у себе, и се пушающе же жагаху нас. Сего ради не одоলেখомъ им», которые ПВЛ влагает в уста вернувшихся в Киев участников похода Игоря, как ни странно, дословно заимствованы из «Жития Василия Нового (Вилинский С.Г. «Житие св. Василия Нового» в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2. С. 459). В известном нам (по изданию А.Н. Веселовского) греческом тексте «Жития» этой фразы нет, но нет там и многих других деталей, сохранившихся в славянской версии; так что нельзя с уверенностью сказать, сочинил ее греческий автор или же добавил переводчик.

⁸² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 42; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 31.

⁸³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 107.

⁸⁴ О массовом крещении иудеев в правление Романа I около 932 г. сообщают и другие независимые источники, напр.: *Dümmler E. Gesta Berengarii Imperatoris: Beiträge zur Geschichte Italiens im Anfänge des zehnten Jahrhunderts. Halle, 1871. S. 158.*

испорченное סמכרץ — Самкерц, то есть Керчь или Тмутаракань). Но после этого хазары перешли в контрастную ситуацию: некто Песах, наместник (*балыкчи*) в Самкерце, нанес поражение византийцам под Херсонесом, а затем в ходе четырехмесячной кампании разбил Олега, вынудив его разорвать союз с императором Романом и объявить ему войну. Олег четыре месяца воевал на море против Константинополя, но «македоняне» победили его «благодаря огню». Устыдившись возвращаться домой, Олег бежал морем в פרס (PRS/FRS), где сгинул вместе со всем своим войском. Русь же подчинилась власти хазар⁸⁵.

Описанные обстоятельства войны «царя Руси Хельгу» с Византией в точности соответствуют тому, что мы знаем из византийских источников о походе Игоря, включая продолжительность боевых действий — с июня по сентябрь. Всё это дало основание предположить новую хронологию событий, согласно которой Игорь княжил не как в ПВЛ, эпические «тридцать лет и три года» (ровно столько же, сколько и «Вещий» Олег), а всего три с половиной, начиная с разгрома руси под Константинополем летом 941 г. до убийства князя древлянами в начале 945 г.⁸⁶

Однако в том, что поход 941 г. возглавлялся именно Игорем, не позволяют сомневаться надежные источники. Во-первых, о том, что «короля русиев», напавшего на Константинополь, звали *Ингер*, сообщает хорошо осведомленный Лиутпранд Кремонский, чей отчим был свидетелем этих событий⁸⁷. Во вторых, именно разгром отца Святослава *Ингора*, чей флот был сожжен под Константинополем «мидийским огнем», упоминает Лев Диакон⁸⁸. Таким образом, если Олег и принимал участие в походе 941 г., то только в качестве полководца князя Игоря.

В том, что корреспондент Хасдая мог считать «царем Руси» именно Олега, нет ничего удивительного: и в русско-византийских договорах, и в самой ПВЛ он действует как вполне самостоятельный правитель до самой своей кончины, пока Игорь «хожаше по Олзе и слушаша его». Точные обстоятельства и даже место кончины Олега были, похоже, неизвестны русским летописцам: если НІЛ мл. говорит о его кончине в Ладого (где была его могила) или «за морем» от укуса змеи,

⁸⁵ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. / Пер. с англ. под ред. В.Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1996. С. 137 (текст), 142 (перевод).

⁸⁶ Zuckerman S. On the Date of the Khazar's Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus' Oleg and Igor // *Revue des Études Byzantines*. Т. 53. 1995. P. 257–268.

⁸⁷ *Liudprandiepiscope Cremonensis Antapodosis* // *Die Werke Liudprands von Cremona* / Hrsg. J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915. (MGH SS rer. Germ.; [41]). V, 15. P. 137–138; *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / Изд. подг. И.В. Дьяконов. М., 2006. С. 97.

⁸⁸ *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem* / Ed. C.V. Hase. Bonn, 1828. P. 106, 144.

то ПВЛ, подробно рассказывая известную историю о коне Олега и прорицании кудесников, хоронит его на киевской горе Щековица, где «есть могила его и до сего дни»⁸⁹. Это повышает степень доверия к информации анонима Шехтера.

Согласно другой гипотезе, под Хельгу следует понимать одного из членов княжеского дома, чьи владения соседствовали с Хазарией, который мог даже считаться соправителем Игоря (как впоследствии Мстислав при Ярославе)⁹⁰. Это помогает примирить утверждение анонима Шехтера, что после гибели Хельгу «рус» подчинились власти хазар, с тем фактом, что в 944 г. Игорь заключил договор с Византией как суверенный правитель. Речь в этом случае может идти о землях северян и радимичей, совсем недавно переподчиненных Олегом от хазар к руси⁹¹. Показательно, что среди ополчения, которое, согласно ПВЛ, Игорь вскоре собрал для нового похода на Константинополь, ни северяне, ни радимичи не упомянуты, хотя в походе Олега они участвовали⁹².

Топоним Ф-р-с, где погибли Хельгу и его люди при отступлении, можно сопоставить с греческим названием Фарос: именно здесь, в районе маяка на входе в Босфор, произошла вторая морская битва, в которой осенью был разгромлен арьергард русского флота⁹³. Другая трактовка предполагает, что Хельгу отступил на восток, напав на южное побережье Каспия, где и погиб⁹⁴.

⁸⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 109. Ср.: Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 39; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 29.

⁹⁰ Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. I: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. Cambridge (Mass.), 1981. P. 142–153. Ср.: Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. М., 2000. С. 132, 252.

⁹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 24.

⁹² Там же. Т. 1. Стб. 45, ср. стб. 29.

⁹³ П.К. Коковцов, переводя PRS еврейского текста как «Персия», не исключал, что это слово могло быть искаженным библейским топонимом Tiras, который в талмудической эзегезе толковался как Фракия (Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 120).

⁹⁴ См.: *Bártová Kv.* Igorova výprava na Carigrad r. 941 // *Byzantinoslavica*. 1939–1940. Т. 8. P. 87–108; *Половой Н.Я.* Две ошибки древнейшего русского хрониста // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. 1958. С. 139–142; *Он же.* Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков // Там же. Т. 16. 1960. С. 105–111; *Он же.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии // Византийский временник. Т. 18. 1961. С. 85–104; *Zuckerman C.* On the Date of the Khazar's Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus' Oleg and Igor // *Revue des Études Byzantines*. Т. 53. 1995. P. 266–267; *Якубовский А.Ю.* Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. = 943/44 г. // Византийский временник. Т. 24. 1923–26 [1926]. С. 87–89; *Цукерман К.* Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6: Греческий и славянский мир в Средние века и раннее новое время. М., 1996. С. 75–77.

Однако «марш-бросок» разбитого флота в осенне-зимний сезон вдоль берегов Малой Азии и Кавказа, а затем по тысячекилометровому маршруту через Дон и Волгу, мимо столицы хазар, на Каспий представляется совершенно неправдоподобным. Поход руси на Бердаа, который восточные источники относят к 944–945 гг., был хорошо подготовленной и масштабной экспедицией, и нет никаких оснований связывать его с событиями 941 г.

Оба морских сражения 941 г. — при Иероне 8 июля и при Фаросе в сентябре/октябре — стали ярким примером торжества военного искусства византийцев, сумевших одержать верх, несмотря на подавляющий численный перевес врагов. Но размер потерь, понесенных русью, не следует преувеличивать. Гораздо большим был психологический эффект от применения византийцами жидкой горючей смеси, которая с этого времени прочно вошла в русскую традицию под названием «греческого огня»⁹⁵. Не случайно впоследствии, заключив с Византией договор, русские неоднократно просили союзников «поделиться» секретом этого грозного оружия, о чем с негодованием пишет Константин Багрянородный⁹⁶.

Таким образом, разгром 941 г. не привел ни к заметному ослаблению Русского государства, ни к существенным сдвигам в международных отношениях. Более того, согласно ПВЛ, жаждавший реванша Игорь оказался в состоянии уже через пару лет подготовить новую масштабную экспедицию против Константинополя, планируя задействовать конницу и грозных союзников — печенегов, с недавних пор ставших одной из главных военно-политических сил в Северном Причерноморье. У нас нет веских оснований сомневаться в реальности этого сообщения, поскольку иначе трудно объяснить вполне благоприятные для Руси условия договора 944 г.: обе стороны заявляют в нем о желании «обновить ветхий мир» и «утвердить любовь межю Греки и Русью», нарушенную по наущению «ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола». Едва ли византийцы, недавно справлявшие триумф над разбитыми росами, продлили бы беспрецедентные льготы русским купцам без веских на то оснований.

⁹⁵ Его рецепт до сих пор служит предметом научных споров. См.: *Partington J.R. A History of Greek Fire and Gunpowder. Cambridge, 1960.*

⁹⁶ *Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. Гл. 13.*

Pavel V. Kuzenkov

THE EARLY STAGE OF RELATIONS BETWEEN BYZANTIUM AND RUSSIA

(historiographical analysis)

The article highlights the early period of relations between Byzantium and Russia in the 9th and the first half of the 10th centuries. It is based on the following sources: «Life of St. George of Amastris» and «Life of St. Stephan of Sugdaea» (which contain as the Annales Bertiniani the most ancient notes about the Rus' people), messages about the Russian invasion of Constantinople in 860 and the beginning of the Christianization of the Russian lands, and messages about Igor's and Oleg's attack on Tsargrad in the first half of the 10th century. Materials mentioned above make it possible to conclude that the political formation of Rus' and the establishment of steady relations between Russia and Byzantium began before Rurik came to East Europe.

 Кузенков Павел Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Церкви
исторического факультета Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова (МГУ).

П.В. Лукин

НОВГОРОДСКОЕ ВЕЧЕ:

старые концепции и новые данные¹

одайте ж мне чару большую мою,
Ту чару, добытую в сече,
Добытую с ханом хозарским в бою, —
За русский обычай до дна ее пью,
За древнее русское вече!
За вольный, за честный славянский народ!
За колокол пью Новаграда!
И если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Эти слова, обращенные к «азиату» Змею Тугарину, вложил в уста князя Владимира Красное Солнышко в своей балладе замечательный русский поэт граф Алексей Константинович Толстой. Написана она была в 1867 г. В том

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00099а.

же году была опубликована монография выдающегося историка права В.И. Сергеевича «Вече и князь»², на долгие годы определившая научные и не только научные представления о древнерусском вече. Конечно, это совпадение не случайно. 60-е гг. XIX в. в Российской империи — это эпоха Великих реформ Александра II, в числе которых были реформы земская и городская, создавшие систему местного выборного самоуправления и пробудившие большой интерес к истории самоуправления в России. Кроме того, сам дух этого времени способствовал поискам истоков демократических начал на Руси. Немалую роль сыграло и знакомство крупнейших русских ученых того времени с современными им тенденциями научного поиска в Западной Европе, особенно в Германии. В.И. Сергеевич, например, вдохновлялся трудами таких видных немецких ученых того времени, как Якоб Гримм (составитель вместе со своим братом Вильгельмом знаменитого сборника народных сказок), Г. Вайтц, В.Э. Вильда³. Немецкая же наука того времени руководствовалась идеей об изначальной германской демократии и народном собрании как ее основе.

Немалую роль в формировании подобных концепций сыграло и происходившее в середине XIX в. «открытие» русской крестьянской общины с ее самоуправлением. Публицисты-славянофилы рассматривали общину как исконную основу русской жизни, а близкий к славянофилам историк И.Д. Беляев писал о том, что у славян издревле, еще до Рюрика, существовало «общинное вечевое устройство»⁴.

В.И. Сергеевич и его последователи (М.Ф. Владимирский-Буданов, М.А. Дьяконов и др.) разработали так называемую земско-вечевую теорию, согласно которой древняя Русь состояла из множества небольших государств — волостей, главным органом власти в которых было вече, собрание всех свободных и полноправных жителей волости мужского пола. Вече на Руси существовало с «незапамятных времен» (В.И. Сергеевич находил его следы даже в русско-византийских договорах X в.) и постепенно сошло на нет после монголо-татарского нашествия и связанного с ним усиления княжеской власти. В Новгороде же и в некоторых других землях вече сохранилось дольше и исчезло только после их присоединения к Москве.

По множеству отдельных вопросов шли дискуссии, иногда весьма острые (кто конкретно мог участвовать и фактически участвовал в вече,

² Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки. М., 1867.

³ См.: Он же. Древности русского права. Т. II: Вече и князь. Советники князя. М., 2006 (здесь и в ряде случаев ниже указываются годы переизданий). С. 92–104.

⁴ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 5.

были ли законные и незаконные вечевые собрания, существовало ли вече только в «старых» городах или возникало также во вновь основанных и т.д.), но этот главный тезис разделялся всеми.

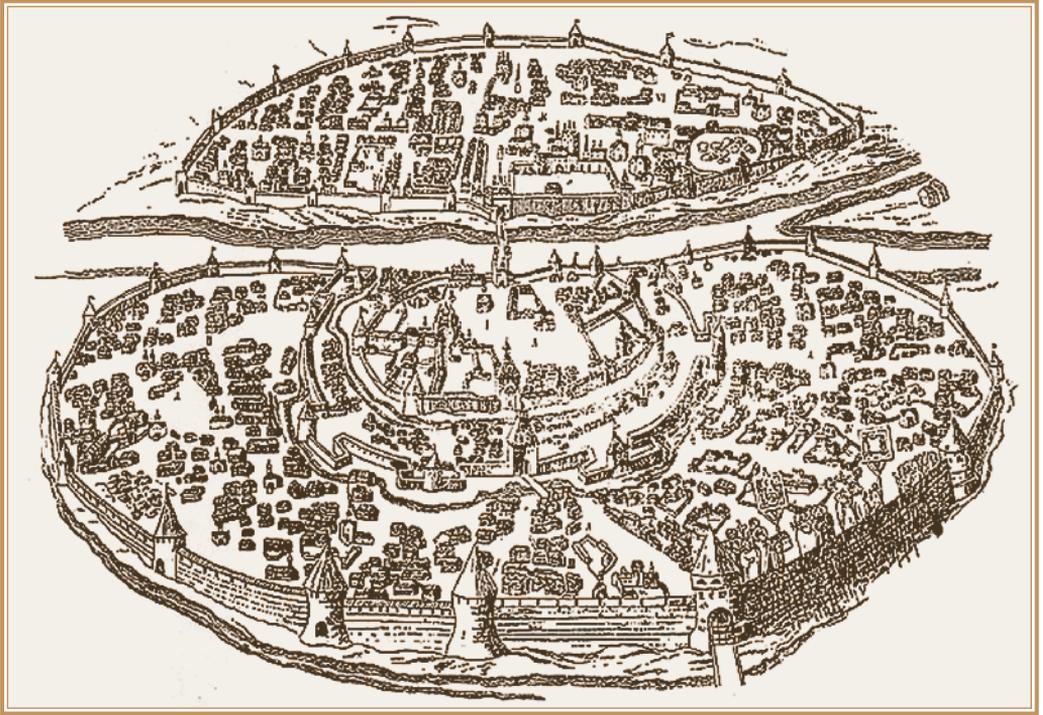
Разумеется, это не означает, что вече в русской истории «заметили» только во второй половине XIX в. Так или иначе его упоминали все историки, писавшие о политическом строе древней Руси и тем более о Новгороде (и Н.М. Карамзин, и С.М. Соловьев и другие). Но в центре научного внимания вече оказалось именно во второй половине XIX в.

Вплоть до начала XX в. земско-вечевая теория пользовалась почти полным признанием. Только в начале нового столетия в науке появились некоторые новые тенденции. Накопление фактических данных и знакомство с новыми достижениями европейской исторической науки заставило исследователей пересмотреть некоторые устоявшиеся представления. В.О. Ключевский, видевший специфику Киевской Руси в ее торговом, городском характере, связал историю веча с историей города и поставил под вопрос идею об «изначальности» веча. А.Е. Пресняков, не отрицая, в принципе, земско-вечевую теорию, подчеркивал ведущее значение в древнерусском политическом строе князя и дружины. Н.П. Павлов-Сильванский, признавая существование «общинно-вечевого строя» в раннее время, доказывал, что в позднейшее, «удельное», время складываются феодальные отношения⁵.

Естественное развитие русской исторической науки было прервано в 1917 г. Место серьезных научных концепций надолго заняли искусственные идеологические схемы (вроде пресловутой теории М.Н. Покровского о «торговом капитализме»), пронизанные марксистской фразеологией. Лишь в середине 30-х гг. XX в., когда стоявшие у власти большевики в условиях осложнявшейся международной обстановки озаботились «патриотическим» воспитанием, появилась необходимость сформулировать новую концепцию истории России. В ее основу было положено марксистское учение в его сталинской интерпретации — теория «общественно-экономических формаций».

После ожесточенной и носившей по большей части схоластический характер дискуссии было решено, во-первых, что таких «формаций» было пять; во-вторых, что древняя Русь на протяжении всей своей истории находилась на стадии «феодализма». Под «феодализмом», в отличие

⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Он же. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. I. С. 200–201; Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 399–404; Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.

План Великого Новгорода.
Фрагмент иконы. XVI век.

от наиболее распространенных в западной и дореволюционной русской науке представлений, теперь понималась «общественно-экономическая формация», а не политико-юридическая система. На практике «феодализм» отождествлялся с сеньориальным (вотчинным) строем и связывался с господством крупных земельных собственников над непосредственными производителями (крестьянами)⁶. Перед советскими историками 30–40-х гг., большинство из которых либо начало свою научную карьеру еще до революции, либо получило тогда образование, встала задача приспособить эту идеологическую конструкцию к имеющимся фактам (игнорировать их или сознательно исказить они не могли). Получалось это с переменным успехом, но вече вписывалось в схему плохо.

Постепенно сформировалось два способа интерпретации веча. Один, оставшийся в то время маргинальным, был предложен С.В. Юшковым. Он считал, что веча были собраниями «основных феодальных групп»⁷.

⁶ Отсюда, в частности, весьма экзотические на фоне мировой исторической науки рассуждения советских ученых о «феодализме» даже в XVIII в. Ср. критику отождествления сеньориального строя и феодализма: Блок М. Феодальное общество / Пер. с франц. М.Ю. Кожевниковой и Е.М. Лысенко. М., 2003. С. 429–430.

⁷ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 195–197.

Второй был предложен Б.Д. Грековым⁸ и наиболее основательно разработан М.Н. Тихомировым в его монографии о древнерусских городах⁹. Вслед за В.О. Ключевским М.Н. Тихомиров рассматривал вече как городское собрание, но связывал его не со специфическим торговым и городским характером Древней Руси, а с типичными для многих регионов средневековой Западной Европы городскими коммунальными движениями.

Вече в этой интерпретации становилось представительным органом городской коммуны. Сама идея сравнительного исследования политических институтов Новгорода, других древнерусских городов с западноевропейскими коммунальными институтами была вполне плодотворной. Главным недостатком, однако, этого направления была тенденция почти автоматически переносить сложившиеся в науке XIX — начала XX вв. представления о политическом строе западноевропейских городов на древнюю Русь. В результате в русских городах искали цехи, гильдии, развитое городское право и т.д. С другой стороны, не получали удовлетворительной интерпретации явные факты политического значения веча, так сказать, общегосударственного масштаба, в частности, приглашение вечем или изгнание им князя, что приводило к смене власти не только в городе, но во всей земле (волости).

Противоречия советских интерпретаций веча были подмечены в опубликованной в 1967 г. монографии немецкого историка Клауса Цернака о славянских «городских народных собраниях»¹⁰, в которой он решительно выступил против сформировавшихся еще в XIX в. в историографиях славянских стран представлений о вече и прямо писал, что его целью является не только решение узкоспециальных научных задач, но и борьба с господствовавшими в них славянофильскими стереотипами, проникшими, по его мнению, и в официальную марксистскую доктрину — в частности, с представлением об исконном славянском народовластии.

Средневековый Новгород немецкий историк считал «городом-государством» со специфическим устройством, формирование которого было связано с особыми условиями развития, прежде всего с отсутствием собственной княжеской династии. В то же время немецкий ученый находился под несомненным влиянием выводов В.О. Ключевского, которые в свою очередь основывались на представлении о специфическом, особом

⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 491—494.

⁹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 185—213; 217—225.

¹⁰ Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven.

Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 33).

характере развития Руси, только понимаемом не так, как его понимали сторонники земско-вечевой теории. Книга К. Цернака подверглась предсказуемо жесткой критике со стороны историков «социалистического лагеря», а рецензия советского ученого В.Т. Пашуто называлась вполне определенно — «В ущерб истине»¹¹. В то же время критика носила не только идеологический характер, были отмечены и вполне реальные недостатки исследования.

Попытки выйти из противоречий и объяснить вече в рамках советско-марксистской догматики стали предприниматься в 1970-е гг. Это не случайно. Господствующей концепцией в то время становится теория так называемого государственного феодализма, предложенная еще в начале 50-х гг. Л.В. Черепниным. Эта теория была призвана примирить выявившееся в ходе исследований отсутствие реальных доказательств существования крупного землевладения, по крайней мере до XII в., а тем более на феодальном праве, с необходимостью считать древнюю Русь феодальной. Из арсенала дореволюционной «государственной школы» был извлечен тезис об особой роли государства на Руси, но теперь оно считалось феодальным, а дани и прочие повинности, которыми облагалось население, — феодальными. Применительно к вечу сам Л.В. Черепнин придерживался традиционной точки зрения (Грекова-Тихомирова)¹², но в следующем поколении советских историков появились новации.

В 1970-е гг. в СССР появляются две новые, взаимоисключающие, концепции веча. Одну из них можно назвать «феодальной». Уже в 1960-е гг. некоторые ее элементы заметны в работах В.Т. Пашуто, который, не отрицая роль веча как коммунального органа, подчеркивал ведущее значение «феодальных» элементов в вечевых собраниях¹³. Однако в законченном виде применительно к Новгороду ее сформулировал В.А. Янин¹⁴ — ученый, создавший принципиально новую парадигму «новгородоведения», от которой будут еще очень долгое время отталкиваться все последующие

¹¹ Пашуто В.Т. В ущерб истине (по поводу книги о русском вече) // История СССР. 1968. № 5.

¹² См.: Черепнин Л.В. Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974. С. 32—35.

¹³ Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 24—34.

¹⁴ Янин В.А. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1.

исследователи. Похожие взгляды на киевское вече развивает П.П. Толочко¹⁵, а на вечевые собрания в Киевской Руси — М.Б. Свердлов¹⁶. Согласно этой теории, в вечевых собраниях участвовали только феодалы как таковые, которыми эти авторы считают боярско-дружинную верхушку. Представители более широких слоев населения если и участвовали иногда в вече, то лишь в роли «массовки»¹⁷. Преимуществом этой концепции было то, что она в рамках марксистского взгляда на исторический процесс позволяла фактически избавиться от «неудобной» проблемы веча, не прибегая к модернизации и «вестернизации» древнерусского городского строя. Вече оказывалось одним из «феодалных» политических институтов. В то же время возникали очень серьезные сложности и противоречия — примечательно, например, что в рамках «феодалной» концепции так и не было создано целостного исследования веча.

С другой стороны, ленинградский ученый И.Я. Фроянов на базе возвращения к дореволюционной земско-вечевой теории и некоторых неклассических марксистских концепций (например, о дофеодалном периоде) выдвинул тезис о вече как о высшем демократическом органе власти в древнерусских волостях, носителе народовластия, которое, по его мнению, существовало на Руси до монголо-татарского нашествия¹⁸. В последнее время он развивает идеи о том, что в позднее Средневековье на смену вечевому народовластию пришла столь же самобытная «народная монархия», поскольку единовластие было необходимо России для противостояния всяческим угрозам, прежде всего с Запада. Наконец, продолжением «народной монархии» на новом этапе стал сталинский режим в СССР. Сильной стороной работ И.Я. Фроянова и его учеников можно считать иногда очень удачную критику других марксистских интерпретаций веча, но собственные их построения, основанные в большей степени на теоретических предпосылках о «полисном» строе древнерусских волостей, чем на непредвзятом и полном анализе источников, — часто уязвимы для критики.

¹⁵ Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 224–230.

¹⁶ Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 49–56.

¹⁷ Толочко П.П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. СПб., 2011. С. 154–155.

¹⁸ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 150–184.

В самое последнее, уже постсоветское время появилась новая интерпретация веча, которую можно назвать ревизионистской. В умеренной форме она представлена исследованием шведского ученого Ю. Гранберга о новгородском вече, в котором он объявляет вече на всех этапах его истории обычной сходкой, толпой, а не политическим институтом¹⁹. В более радикальной — сочинениями украинской исследовательницы Т.А. Вилкул²⁰ и американского историка Э. Кинана²¹, которые фактически ставят под вопрос реальность веча, в том числе и новгородского, как политического института.

Попытка авторов, работающих в «ревизионистском» русле, поставить вопрос о степени достоверности повествовательных источников о вече, в том числе новгородском, и акцентирование ими специфики летописных рассказов о вече как текстов литературных можно признать явлениями в целом полезными. С позитивной частью исследований дело обстоит хуже. Не случайно, видимо, что указанные авторы не дают ясного ответа на вопрос, чем, по их мнению, было вече, в том числе новгородское. Больше внимание уделяется демонстрации «новых подходов», которые состоят главным образом не в привлечении новых источников или поиске новой информации в уже известных, а в их дискредитации.

Итак, в настоящее время в науке безраздельно господствуют три концепции веча, в частности новгородского: «феодалная», «полисная» и «ревизионистская». Будучи абсолютно несовместимыми друг с другом, они довольно убедительно иллюстрируются одними и теми же источниками — в основном летописными. Отрывочные и не всегда поддающиеся однозначному истолкованию данные повествовательных источников дают широкие возможности для конструирования самых разных интерпретаций, в том числе взаимоисключающих.

В качестве примера можно привести классический «вечевой» фрагмент Лаврентьевской летописи под 1176 г.: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, [и Полочане], и вся власти якоже на дому (вариант: на думу) на вѣча

¹⁹ Granberg J. Veche in the Chronicles of Medieval Rus. A Study of Functions and Terminology. Göteborg, 2004 (Dissertations from the Department of History. Vol. 39); сокращенный и видоизмененный русский вариант: Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004: Политические институты Древней Руси. М., 2006.

²⁰ Вилкул Т.А. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI—XIII вв. М., 2009.

²¹ Keenan E.L. Вече // Russian History/Histoire Russe. 2007. Vol. 34. № 1—4.

сходятся, на что же старѣишии сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть»²². Историки толковали его, как правило, в зависимости от своих априорных взглядов на вече. В рамках земско-вечевой теории это место считалось доказательством того, что вече было «думой волости», собиралось во всех волостях и существовало всегда. С.В. Юшков предложил понимать «вся власти» не как «все волости» (территориальные единицы), а как «власти» в современном значении, и у него получалось, что на вече сходились только представители властей²³. Б.Д. Греков и В.Т. Пашуто считали, что акцент в этой фразе сделан не на вече, а на правах старших и младших городов (пригородов). И.Я. Фроянов утверждал, что «изначала» здесь относится не к незапамятным временам, а к прокламируемой им эпохе смены «племенных княжений» «волостным бытом», которая, по его мнению, имела место в середине XI в. М.Б. Свердлов относил это известие к средневековой публицистике, которая характеризует не реальность, а притязания бояр Ростова и Суздаля. Ю. Гранберг предпочитает чтению «якоже на думу» чтение «якоже на дому» и, естественно, приходит к выводу о невозможности в таком случае понять, что означает здесь «вече». Т.Л. Вилкул, наоборот, убеждена в том, что «вече»²⁴ здесь выступает синонимом слова «дума», что, в свою очередь, говорит о том, что летописец имел в виду значение, близкое к слову «совет»²⁵.

Конечно, эти интерпретации не равноценны, среди них есть и откровенно экстравагантные (например, вече «на дому»), и внимательный анализ этого и других летописных известий в их контексте позволяет прийти к определенным выводам. И все же многое, в силу самого литературного характера летописи как источника, неизбежно остается спорным и неоднозначным. Поэтому необходим поиск источников иного типа, в которых содержалась бы информация о реальном функционировании политических институтов, в частности веча. К сожалению, на Руси не сохранилось городских архивов, поэтому историки лишены возможности познакомиться с вечевыми протоколами, если таковые вообще составлялись. Тем не менее весьма важные сведения о новгородском внутриполитическом устройстве могут предоставить документы XIII–XV вв., связанные с деятельностью немецких купцов в Новгороде.

Иноземные торговые дворы — сначала Готский (названный так по о. Готланд в Балтийском море), потом Немецкий или Петров (по церкви

²² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). М., 1997. Т. I. Лаврентьевская летопись. Стб. 377–378.

²³ Юшков С.В. Очерки по истории. С. 198–199.

²⁴ Granberg J. Veche in the Chronicles. P. 93, 94.

²⁵ Вилкул Т.Л. Люди и князь. С. 25.

Новгородское вече.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век.

Св. Петра, находившейся на нем) — возникли, очевидно, в XII в., еще до окончательного оформления Ганзейского союза немецких городов, которое относится только к XIV в. С этих пор немецкие купцы, для которых Новгород был важнейшим торговым партнером (из Новгорода импортировали ценнейшие пушнину, воск, мед), почти постоянно присутствовали там вплоть до падения новгородской независимости (двор Св. Петра был закрыт Иваном III в 1494 г., история Готского двора была более сложной)²⁶. В лучшие годы в Новгороде могло одновременно находиться полторы сотни или даже больше немцев.

Пребывание немцев в Новгороде сопровождалось неизбежными конфликтами на почве торговых споров или просто ссорами бытового характера. Немецкие купцы в таких случаях вынуждены были обращаться к новгородским властям, судиться со своими обидчиками, а о ходе и результатах разбирательств — сообщать в ганзейские города, которые отвечали за новгородское направление торговли. Эти послания в дальнейшем обсуждались на съездах ганзейских городов, а решения тщательно протоколировались и записывались. В свою очередь, власти ганзейских городов для решения тех или иных вопросов часто писали новгородским властям или немецким купцам, там находившимся.

Эти документы, основная часть которых была опубликована еще в XIX — начале XX в. в ряде многотомных серий, вызывали интерес главным образом у специалистов по истории торговых связей. Между тем там содержится ценнейшая, уникальная информация о внутритропитическом устройстве Новгорода, которой уделялось до сих пор очень мало внимания. Довольно активно ее использовал в XIX в. А.И. Никитский²⁷, но он имел возможность познакомиться только с частью документов. В советское время ряд очень важных статей на эту тему, в том числе о новгородском вече в первой четверти XV в. по данным ганзейских документов, написал И.Э. Клейнберг²⁸. Были и некоторые другие ученые, которые эпизодически

²⁶ См. об этом: Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009.

²⁷ См.: Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXLV; 1870. Август. Ч. CXLX.

²⁸ Клейнберг И.Э. Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках // История СССР. 1978. № 6; Клейнберг И.Э., Севастьянова А.А. Уличане на страже своей территории (по материалам ганзейской переписки XV в.) // Новгородский исторический сборник (далее — НИС). Л., 1984. № 2 (12); Клейнберг И.Э. «Частные войны» отдельных новгородских купцов с Ганзой и Ливонией в XV в. // НИС. Л., 1989. № 3 (13).

привлекали отдельные ганзейские документы. Остальные исследователи Новгорода, в том числе самые авторитетные, авторы глобальных концепций новгородского социально-политического строя, либо вообще их игнорировали, либо пользовались информацией о них из вторых рук, что приводило, как правило, к ошибкам и неверным интерпретациям.

Причина недостаточного внимания к ганзейским документам проста. Часть из них (самая древняя) написана на латыни, но подавляющее большинство — на средненижненемецком языке, на котором в XIV–XV вв. говорили на севере Германии. Историков, умевших читать на этом языке, тем более не повествовательные тексты, а специфическую торговую делопроизводственную документацию, всегда было мало, тем более в СССР, где, в отличие от классических гимназий Российской империи, преподавание иностранных языков стояло на весьма низком уровне.

Что же дают для изучения новгородского веча ганзейские документы? Дают они очень многое. Приведу конкретные примеры.

Прежде всего, было ли новгородское вече политическим институтом, органом власти? Или, как пишет Ю. Гранберг, словом «вече» обозначалось просто собравшееся и активно действовавшее население? Или даже, как утверждает Э. Кинан, так называлась «буйствующая толпа»? В 1407 г. немецкие купцы сообщали в Ревель, что по интересующему их делу «они [русские].. составили грамоту на вече (in deme dinge) и скрепили печатями совместно»²⁹. Другой документ, 1441 г., свидетельствует о том, что в вече участвовали посадник и тысяцкий — высшие должностные лица Новгородской республики³⁰. В документе 1406 г. говорится о том, что на вече было принято решение об отправке «великих послов» к орденским властям³¹. Несомненно, собрание, на котором составляют официальные документы и скрепляют их печатями, принимают важнейшие политические решения, в котором участвуют высшие должностные лица, не может считаться лишь сходкой «активно действовавшего населения» и тем более «буйствующей толпой».

Другие документы ясно показывают, какое место занимало вече в ряду новгородских политических институтов.

В послании немецких купцов в Ревель от 28 мая 1409 г. рассказывается о новгородском посольстве в Швецию. Вернувшись новгородскими послами был «дан ответ перед господами» (vor den heren), однако

²⁹ Hansisches Urkundenbuch (далее — HUB). Leipzig, 1899. Bd. V. S. 415.

³⁰ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch (далее — LECUB). Riga; Moskau, 1889. Bd. IX. S. 511.

³¹ HUB. Bd. V. S. 413.

окончательный отчет послы дали на вече: «..на общем вече на это был такой дан ответ...» (in den ghemenen dinghe is et aldus up antwordet)³². «Господá» — это коллегиальный орган, состоявший из высших новгородских сановников, который обычно в историографии называется «совет господ». Именно «господа» предварительно обсуждали вопрос и «готовили» его для принятия решения на вече. Тем не менее не только формально, но и фактически вече было высшим по отношению к «господам» органом.

Такую же роль — высшей инстанции — вече играло и по отношению к отдельным должностным лицам. В декабре 1406 г. тысяцкий заявил новгородским купцам, что по поводу их дела «он не будет говорить один от имени Великого Новгорода; на это должна быть воля Божья и Великого Новгорода» (he en reide allene vor Grote Nougarde nicht, it wer Godes wille und Grote Nougarden)³³. Формально вече (ding) здесь не упомянуто, но назван политический субъект, который принимает решения на вече, — «Великий Новгород», новгородцы. О том, что это именно так, есть множество свидетельств. Например, в том же 1406 г. по поводу очередного спорного вопроса немецкие купцы обратились к тысяцкому. Тот же заявил, что, прежде чем дать ответ, «он посоветуется с Великим Новгородом на общем вече» (myt Groten Naugarden in deme ghemeynen dinge)³⁴.

Как сами немцы воспринимали политический строй Новгорода и положение в нем веча? Никакой исключительной специфики они в нем, судя по всему, не усматривали. Коллектив полноправных новгородцев они называли «de gemeynheit van Naugarden», «dat gemene van Groten Naugarden», то есть «общиной, общностью (Великого) Новгорода». Между прочим, совершенно аналогично (только по-французски) охарактеризовал Новгород бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа, побывавший там зимой 1413 г.: «вольный город и владение общины» (ville franche et seigneurie de commune)³⁵. Эти понятия — *gemene*, *gemeynheit*, *commune* — применялись и к политической организации западноевропейских городов того времени (Любек могли называть, например, «eyne gancze gemene edder eyn commun»³⁶).

Собрания новгородцев нередко вызывали, однако, у их немецких партнеров определенные опасения. Складывается впечатление, что по возможности они старались избегать прямого контакта с вечем. В то же

³² НУВ. Bd. V. S. 464.

³³ НУВ. Bd. V. S. 394.

³⁴ НУВ. Bd. V. S. 364.

³⁵ Œuvres de Ghillebert de Lannoy voyageur, diplomate et moraliste. Louvain, 1878. P. 33.

³⁶ Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Neumünster, 2004. Bd. II. T. 1. Sp. 64.

время они отмечали и такие особенности новгородских вечевых собраний, как стихийность, непредсказуемость. В 1436 г. немцы жаловались тысяцкому на псковичей, которые захватили их на обратном пути из Новгорода вместе с их товаром. Посадник заявил, что он готов поставить «об этом в известность Новгород, чтобы Новгород посовещался бы об этом». Немцам такая перспектива не очень понравилась. Они предпочитали, чтобы новгородцы выделили четырех представителей, которые вместе с немцами уладили бы дело, «так как перед общиной [*vor der meynheit*] это все же нельзя уладить»³⁷. Основания для опасений у немцев были.

В 1331 г. разгорелся один из самых острых конфликтов между новгородцами и немецкими купцами за всю историю новгородо-немецких отношений. Все началось с бытового инцидента. Когда немцы, находившиеся на Готском дворе, отправили своих слуг на двор Св. Петра для варки пива, на обратном пути на них напали какие-то русские, в результате чего завязалась массовая драка, были раненые и один русский был убит. На следующее утро «русские созвали вече и принесли мертвого русского на это вече». Согласно посланию немцев в Ригу, «пришли все новгородцы все вместе, вооружившись, и с развернутыми знаменами на вече на княжеский двор» (*weren de meynen Naugarder komen alto male wapent, vnn mit vp ghe recheden banyren in dat dinc vppe des konighes houe*). У немцев вечники потребовали выдачи «виновных» под угрозой того, что в противном случае все они (а не только виновные) будут убиты. Никакие апелляции к грамотам или крестному целованию не действовали; новгородцы кричали немцам: «Вы все будете мертвы». Когда опасавшиеся расправы немцы заперли двор, «пришли русские с веча с оружием и знаменами, и рубили ограду и ворота». Над немцами нависла серьезная опасность, и спасло их только вмешательство некоего представителя князя, который в документе назван «судьей» (*des koniges rechter*). Дело впоследствии удалось решить относительно мирно (в частности, помогли взятки, которые были даны немцами новгородским должностным лицам), но от веча ничего хорошего ждать им не приходилось³⁸. Это не было движением исключительно социальных низов, поскольку одной из целей новгородцев, осадивших двор, была месть за убитого двумя годами ранее в Дерпте боярина Ивана Сыпа, который был мужем сестры тогдашнего посадника Варфоломея

³⁷ Hanserecesse von 1431–1476. Leipzig, 1876. Bd. I. S. 512.

³⁸ Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским (=Russisch-Livländische Urkunden gesammelt von K.E. Napiersky). СПб., 1868 (далее — РЛА). S. 56–57.

Юрьевича — одного из видных членов знаменитого боярского клана Мишиничей-Онцифоровичей³⁹.

Новгородцы между тем не рассматривали свои действия как беззаконие. Они, как это следует из предъявленных впоследствии немцам обвинений, считали, что те совершили нечто, подобное известному по пространной редакции «Правды Русской» (XII в.) «разбою без всякой свады», то есть беспричинному убийству в разбое. За это преступление, согласно «Правде Русской», полагался «поток и разграбление»⁴⁰ — архаическое наказание, представлявшее собой объявление преступника вне закона и предусматривавшее коллективную расправу с ним, а также уничтожение и разграбление его имущества. Именно этим, очевидно, и собирались заняться в 1331 г. новгородцы, ломавшие немецкий двор.

В ганзейских документах пока не удалось обнаружить прямых данных о социальном составе новгородского веча, но по косвенным данным примерный круг его участников реконструировать можно. Во-первых, не подтверждается гипотеза о «сидении» на вече. Есть прямое свидетельство ганзейского документа 1425 г. о том, что на вече новгородцы *стояли*⁴¹. Это обстоятельство подрывает известный тезис В.Л. Янина об узком, чисто боярском составе веча. На вечевой площади, даже если принимать самые скромные оценки ее площади (ее точное местонахождение вообще неизвестно, археологам обнаружить ее до сих пор не удалось), могло разместиться никак не менее 3000 человек. Во-вторых, не подтверждается другая интерпретация В.Л. Янина — о том, что «300 золотых поясов», упомянутые в ганзейском документе 1331 г., — синоним вечников⁴². В-третьих, новгородцами, громившими немецкий двор, хотя и руководили, по-видимому, бояре, ясно, что среди них были *не только* бояре. Когда новгородские власти (уже после вечевых собраний) вели переговоры с немцами, они заявили, что набег на немецкий двор устроил «безрассудный русский народ... без новгородского слова» (*dorichteghes volkes van Ruscen ... sunder der Nogarder wort*)⁴³. В действительности все обстояло, как мы знаем, несколько иначе, но понятно, что новгородская верхушка, практически сплошь состоявшая из бояр, имела возможность дистанцироваться от погрома и перенести ответственность на более низкие в социальном отношении группы новгородцев. Этот вывод хорошо сочетается с прямыми

³⁹ См. о нем: Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 7–37.

⁴⁰ Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 104–105.

⁴¹ ЛЕСУВ. Riga; Moskau, 1881. Bd. VII. S. 221.

⁴² Янин В.Л. Проблемы социальной организации. С. 48–51.

⁴³ РЛА. S. 60.

Благодарный
князь
Всеволод
Мстиславович.
Икона. Конец XVI в.
Псков.

летописными свидетельствами участия в новгородском вече свободных горожан разного статуса, например, с упоминанием в статье Устюжского летописного свода под 1477/78 г. (по мнению современного исследователя, это «последняя запись последнего летописца Новгородской республики»⁴⁴) о «брани» на вече между боярами и «чернью», причем представители «черни» выступали на вече, и их речи зафиксированы⁴⁵.

Значит ли это, что Новгород представлял собой нечто вроде большой крестьянской общины и, как думают сторонники «полисной» теории, там царило «народовластие»? Ганзейские источники говорят о совершенно другом. Бесспорные лидирующие позиции в новгородском обществе, в том числе и на вече, занимали бояре. В 1337 г. немецкие послы были приглашены на вече, «к мудрейшим» (*worden geladen vor de wisesten in dat dinc*)⁴⁶. «Мудрейшими» (*de wisesten*) в самой немецкой конторе в Новгороде назывались четыре опытных советника старосты, которые помогали ему

⁴⁴ Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 239–240.

⁴⁵ ПСРА. Л., 1982. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. С. 94.

⁴⁶ LECUB. Bd. VI. Sp. 113.

в управлении и суде⁴⁷. Каких именно вечников могли так назвать немцы? Точно это неизвестно, но, вероятно, каких-то представителей новгородской элиты. Вероятнее всего, «мудрейшие» документа 1337 г. — то же или примерно то же, что «300 золотых поясов» документа 1331 г. Выше уже говорилось, что это были не *все* вечники, но что их высший, элитарный элемент — очень вероятно. Скорее же всего, это было общее наименование новгородской знати, боярства.

Известно, что у новгородских купцов были серебряные пояса, следовательно, золотые должны были считаться атрибутом лиц более высокого социального статуса (в Московском великом княжестве XIV—XV вв. золотые пояса передавали по наследству в княжеской семье). В Новгороде лицами такого — высшего — статуса были бояре. Значение боярства в Новгороде было настолько хорошо известно иностранным партнерам, что они в своих посланиях иногда обращались не к Великому Новгороду в целом, а только к боярам. Магистр Тевтонского ордена Хайнрих фон Плауэн обращался, например, к «уважаемому отцу (архиепископу. — П.Л.), и возлюбленным господам, и возлюбленным избранным друзьям, и всем боярам в Великом Новгороде (*gemeynen beyaren czu Grote Naugarden*)»⁴⁸.

С другой стороны, немецкие документы (впрочем, в полном соответствии с единодушными показаниями русских источников) не дают никаких оснований предполагать участие в новгородском вече сельского населения. Наоборот, те конкретные описания вечевых собраний, которые содержатся в ряде посланий немецких купцов, как представляется, полностью его исключают. В 1425 г. немецкие купцы жаловались, что в ходе одного из конфликтов новгородцы «целых пять дней каждый день проводили... одно вече или два... так что иногда стояли вплоть до послеобеденного времени, и прибегали на двор... если одни хотели нас сварить, то другие — поджарить»⁴⁹. Если вечевые собрания проводились в течение пяти дней ежедневно, по утрам, и в течение этого времени могло проводиться даже два собрания, ясно, что люди, сходявшиеся на них, должны были жить недалеко от их обычного места проведения — Ярославова (княжеского) двора на Торговой стороне. Это самый центр Новгорода, и люди из сел, хотя бы и находившихся в непосредственной близости от города, просто не успевали бы прийти.

⁴⁷ Gurland M. Der St. Peterhof zu Nowgorod (1361—1494). Innere Hofverhältnisse. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde genehmigt von der Philosophischen Fakultät der Georg-August-Universität zu Göttingen. Göttingen, 1913. S. 19.

⁴⁸ НУВ. Bd. V. S. 542—543.

⁴⁹ ЛЕСУВ. Bd. VII. S. 221.

Данные же русских источников убеждают нас в том, что о селянах не просто забыли. Дело было в их социальном неполноправии по сравнению с горожанами. Согласно новгородской обработке Церковного устава Ярослава Мудрого (первая половина XV в.), компенсация за оскорбление горожанки была выше, чем за такое же оскорбление селянки, в несколько раз⁵⁰. В 1534 г., уже через несколько десятилетий после присоединения Новгорода к Русскому государству, распорядившиеся там московские дьяки Яков Шишкин и Фуник Курцов «повелѣша град ставити всѣмъ» и привлекли к этому делу горожан. Возмущенный летописец заметил: «...А доселе того не бывало при старых великих князех: ставили город доселе всѣми новгородцкими волостями, а городовые люди нарядчики были»⁵¹.

Это означает, что раньше, когда Новгород был независим, повинности по возведению и ремонту городских укреплений были уделом только сельского, «волостного» населения, новгородцы же только руководили строительством. Так что «Господин Великий Новгород» не может считаться гражданской общиной полисного типа, он был значительно больше похож на средневековые городские республики, где город выступал в качестве коллективного сюзерена по отношению к подчиненной периферии.

Только что было употреблено слово «республика». Но сами новгородцы себя так не называли. Оправданно ли применение этого понятия к новгородской политической организации и если да, то с какого времени позволительно говорить о Новгородской республике?

Традиционный ответ на этот вопрос датирует начало новгородской независимости 1136 г. — изгнанием новгородцами князя Всеволода Мстиславича. Много поправок в традиционную схему было внесено работами В.А. Янина, но принципиально и он не отрицает республиканского характера новгородской государственности и зарождения его еще в домонгольское время. В последнее время, однако, — в рамках «ревизионистской» теории — появилась тенденция ставить под вопрос независимость Новгорода и республиканские особенности его политического строя по сравнению с другими русскими землями, по крайней мере в раннее время. Сторонники таких взглядов пишут, например, что «летописцы зачастую старались умалить степень

⁵⁰ Древнерусские княжеские уставы XIV–XV вв. М., 1976. С. 96.

⁵¹ ПСРЛ. М., 2004. Т. XLIII: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. С. 234.

влияния князей на новгородские дела и представить горожан более самостоятельными, чем это было на самом деле»⁵².

Такого рода построения облегчаются тем обстоятельством, что для раннего времени у нас нет практически никаких источников, которые могли бы предоставить какие-то конкретные сведения о реальных механизмах внутривластной жизни в Новгороде, за исключением тех же летописей. Вот почему имеет смысл временно оставить в стороне летописи и посмотреть на самые ранние источники ненарративного характера.

Одним из таких источников вновь оказывается ганзейский документ, написанный, правда, не на средненижненемецком языке, а на латыни, и датирующийся 26 марта 1292 г.⁵³ Это отчет представителей ганзейских городов об их миссии в Новгород в связи со спорами вокруг имущества, в захвате которого немцы обвиняли русскую сторону.

От имени новгородцев дал ответ староста Семен: «Новгородцы собрались (*Nogardenses convenerant*) и по очереди изложили ваши дела, и стало им ясно, что ваши жалобы не имеют никакой силы». Не ожидав такого ответа, немецкие послы обратились через переводчика уже непосредственно к посаднику и тысяцкому. Последний ответил еще резче, заявив: «Я бы хотел, чтобы вы вернулись домой». Возвращаясь, немецкие послы встретили людей князя, которые разъяснили им всю сложность ситуации. Оказывается, «они шесть раз были от имени князя у новгородцев и просили дать нам ответ, да и князь лично их молил, и князь очень страдал, что они не хотят отвечать, хотя они должны по праву на это ответить, так как дело зависит от тех, кто владеет имуществом».

Когда немецкие послы уже отъехали на 8 миль, их догнал один из княжеских людей и сказал: «Я должен сообщить секретную информацию от имени князя, которую я скажу без переводчика. Господин князь передает вам, что то, что вы возвратились из Новгорода без ответа, не его вина». Именно новгородцы не хотят отдать захваченное ими имущество, князь же верен крестному целованию с немцами и передает им следующее:

⁵² Вилкул Т.А. Новгородцы и русские князья в летописании XII в. // *Russia mediaevalis*. 2002. Т. X, 1. С. 35. См. также: Толочко П.П. Киев и Новгород в XII–XIII вв. в новгородском летописании // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.А. Янина. М., 1999; Paul M.C. Was The Prince of Novgorod a “Third-Rate Bureaucrat” after 1136? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N.F. 2008. Bd. 56. Heft 1.

⁵³ ЛЕСУВ. Reval, 1853. Bd. I. Sp. 682–685. Ср. русский (не всегда точный) перевод в работе: Бассальго Л.А. Новгородские тысяцкие. Ч. I // НИС. СПб., 2008. № 11 (21). С. 65–67 (перевод Г. Дашевского).

«Если вы мужи, воздайте им самим то, что они вам сделали, и оплатите им тем же, насколько сможете».

В этом документе как бы запечатлелась реальная ткань социально-политических отношений в Новгороде XIII века и взаимоотношения между Новгородом и князем — не такие, какими они *должны* быть, а такие, какими они *были* в действительности.

Формально Новгород вроде бы подчиняется князю, фактически же все решения принимаются на собрании новгородцев (оно прямо вечем не названо, но словосочетание *Nogardenses convenerant*, бесспорно, говорит именно о нем). Князь же, с одной стороны, официально держит хорошую мину при плохой игре — он ведь сюзерен Новгорода, с другой — тайно дает понять немцам, что *de facto* его юрисдикция на Новгород не распространяется.

Новгородская специфика, республиканский строй, автономия Новгорода по отношению к князьям, даже его фактическая независимость — все это не выдумки составителей нарративов, а вполне реальное положение дел. Конечно, на это может быть сказано, что эта ситуация могла сложиться поздно, а, например, в XII в. князья могли оказывать большее влияние на Новгород; кроме того, в 1292 г. Новгород мог выйти из-под контроля из-за ожесточенной борьбы между князьями Дмитрием и Андреем Александровичами, сыновьями Александра Невского, которая разворачивалась тогда.

Однако уже в домонгольское время сложилось представление о Новгороде как об особой русской земле, где у князей нет той власти, которой они обладали повсюду. Так думали сами новгородцы, о чем свидетельствуют упоминания в новгородском и, что самое главное, не только в новгородском летописании, и они подтверждают, что новгородская «вольность», которая нашла отражение в документе 1292 г., начала складываться гораздо раньше⁵⁴.

Обращение к ганзейским документам, текстам, которые писались по сиюминутным поводам, а не на века, как летописи, и которые вследствие этого не имеют столь ярко выраженного идеологического наполнения, показывает прежде всего неадекватность априорного подхода к изучению политического строя Новгорода. Выясняется, что сторонники почти всех «больших» концепций новгородской государственности и новгородского веча в частности одновременно и правы, и не правы.

Новгородская «вольность» не является мифом, и летописные данные о ней домонгольского времени следует признать в целом достоверными,

⁵⁴ См. об этом подробнее: Лукин П.В. Новгородская вольность: к вопросу об эволюции политического строя средневековой республики // Восточная Европа в древности и Средневековье. XXIII чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 173–180.

хотя, конечно, конкретные пути и направления ее развития, ее конкретное содержание в раннее время четко определить очень сложно. Вече действительно было высшим органом власти Новгородской республики, хотя при этом оно находилось в сложной системе взаимоотношений с другими политическими институтами, и в конкретной ситуации его наивысшие полномочия могли оказаться формальными, а важнейшие решения — быть принятыми в обход него. Вече было городским институтом, но в его деятельности проявлялись некоторые архаические политико-правовые традиции. Новгород не был демократическим полисом, единой гражданской общиной, а в вече участвовали только свободные горожане. По отношению к сельской периферии Новгород выступал в роли сюзерена, а сельское население было зависимо от него и в политическом отношении неполноправно. С другой стороны, называть Новгород *боярской* республикой также представляется не вполне верным. Бояре, несомненно, были высшей социальной группой, принимавшей наибольшее участие во власти, тем не менее власть не принадлежала им безраздельно. Определенный доступ к ней — прежде всего через вече — имели и другие группы свободных горожан.

Начав статью фрагментом баллады А.К. Толстого, можно закончить цитатой из его письма Б.М. Маркевичу (1868 г.): «Новгород был республикой в высшей степени *аристократической*». Акцент тут сделан на слове «аристократический», но надо подчеркнуть, что А.К. Толстой одновременно всячески высмеивал представления о якобы извечности российского деспотизма, выражающиеся, в частности, в воздыханиях: «Божья воля!.. Несть батогов, аще не от Бога» (письмо Маркевичу 1870 г.)⁵⁵.

Конечно, исторические представления поэта основывались не на научных исследованиях, а на романтических впечатлениях, полученных от чтения главным образом «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, также не чуждого романтизма. Общие интуиции, однако, вели А.К. Толстого, по-видимому, в верном направлении (в отличие от многих ученых, которые руководствовались зачастую не столько данными источников, сколько идеологией): Новгород был европейской средневековой республикой и в этом качестве является интереснейшим и до сих пор не до конца в достаточной мере оцененным явлением русской истории.

⁵⁵ Цит. по: Ямпольский И.Г. А.К. Толстой // Толстой А.К. Сочинения. М., 1981. Т. I. С. 10–11.

Pavel V. Lukin

NOVGOROD VECHE:

old concepts and new facts

The article focuses on debatable aspects of Novgorod Veche. Based on a critical historiographical analysis and examination of new or unrenowned in terms of these problematic sources, particularly the ones connected to German Traders' activity in Novgorod, the article highlights the following issues:

1. Whether Veche was a chaotic gathering or an organized political institution, and if it was, in what form.
2. The position of Veche among other Novgorod political institutions.
3. Social portrait of Veche.

At the end of the article, the author comes to the conclusion that Novgorod had a Republican system of government, at least in the 14-15th centuries. The Republic of Novgorod was a typical medieval state where citizens led by nobility ruled over large rural areas. Veche was the key political institution of the Republic of Novgorod with some archaic traditions in its powers and actions.

 Лукин Павел Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН).

В.А. Кучкин

О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

(историография вопроса)

Первым, кто коснулся вопроса о продолжительности существования Древнерусского государства, был основоположник русской исторической науки В.Н. Татищев. Разделенный на периоды правления различных князей и погодное изложение событий в эти периоды, татищевский рассказ о древней русской истории тем не менее был не лишен маркирующих отметок, показывающих, как В.Н. Татищев оценивал те или иные этапы развития России в ее далеком прошлом. Так, после рассказа о победе Владимира над старшим братом Ярополком в 978 г. В.Н. Татищев указал, что «по убиении Ярополка бысть Владимир князь всяя Руси»¹. Сообщив о смерти 20 февраля 1054 г. Ярослава Мудрого и о его завещании, В.Н. Татищев начал раздел о княжении в Киеве старшего сына Ярослава Мудрого Изяслава замечанием о том, что «Изяслав седе в Киеве, Святослав в Чернигове, Всеволод в Переяславли, Игорь в Володимире, Вячеслав в Смоленцы»²,

¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.; Л., 1964. С. 132.

² Там же. С. 152.

ясно показывая, что после смерти Ярослава князя «всея Руси» на Руси уже не было.

Другой историк XVIII в. М.М. Щербатов также расценивал смерть Ярослава Мудрого как крупную веху в истории России. Завещанием этого князя и его кончиной он заканчивал первый том своей «Истории Российской от древнейших времен». Ярослав, констатировал М.М. Щербатов, «определил киевский престол старшему своему сыну Изяславу; у которого другим повелел быть в послушании; Чернигов дал Святославу; Всеволоду — Переяславль; Игорю — Владимир; а Вячеславу — Смоленск; дав сверх того Изяславу завещание, дабы наблюдал, чтобы никто из его братьев друг друга не обидел и не захватывал удела другого; в противном случае повелевая ему обиженного защищать. Тщетные повеления, яко и сам Ярослав по себе испытал, что ни братство, ни дружба не может остановить быстрый поток честолюбия»³. Последняя фраза свидетельствует о том, что историк вполне осознавал иной характер княжеского правления на Руси после смерти Ярослава, повлекшей за собой ликвидацию монархии и возникновение многовластия. Помещенный на боковом поле страницы 325 первого издания его труда заголовок: «Ярослав разделяет Россию между сыновей своих и его смерть», совершенно определенно говорит об этом. И второй том своего труда М.М. Щербатов открывал фразой: «По смерти великаго князя Ярослава Владимировича, сыновы его Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь и Вячеслав Россию разделили, и последуя завещанию отца своего оставили главную власть с двумя княжениями Киевским и Новгородским старшему своему брату Изяславу»⁴.

Из приведенных выдержек следует, что М.М. Щербатов не только оценивал 1054 год как рубежный и переломный, но и пытался охарактеризовать возникшие после Ярослава междукняжеские отношения: выделение старшего князя с передачей ему в правление более обширной и более значимой территории (двух княжеств, а не одного, как у остальных братьев), соперничество и столкновения князей за расширение своих владений, присвоение старшему князю роли арбитра в конфликтных ситуациях, подкрепленной военным превосходством этого князя. Дальнейшие уточнения и углубление сделанные М.М. Щербатовым характеристики получили уже в историографии XIX в.

³ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. I. СПб., 1770. С. 324.

⁴ Щербатов М.М. Указ. соч. Т. II. СПб., 1770. С. 1–2.

Важные оценки развития Руси после смерти Ярослава были сделаны Н.М. Карамзиным, хотя и в присущем ему пафосном стиле: «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области. Владимир исправил ошибку Святослава, Ярослав — Владимирову; наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить части в целое, и государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет»⁵.

С современной точки зрения эти оценки далеко не во всем были справедливы. Самостоятельность отдельных княжеств ускорила их внутреннее развитие, привела к расширению территории, где новые земли превращались в пахотные поля и в пастбища, возникали новые города, пролагались новые торговые пути. Минусом стало не столько политическое дробление, сколько разъединение военных сил, повысившее опасность ограбления и даже завоевания древнерусских земель внешними врагами. Однако смена единовластия в государстве многовластием после 1054 г. была подмечена Н.М. Карамзиным совершенно верно. Историограф подчеркивал, что по смерти Ярослава вместо одного «Россия имела тогда шесть юных государств»⁶. Именно шесть, а не пять, как писали историки XVIII в. Помимо пятерых сыновей Ярослава был еще князь Всеслав Брючиславич, двоюродный племянник Ярославичей, княживший в Полоцке. Его забыли упомянуть В.Н. Татищев и М.М. Щербатов, но Н.М. Карамзин в своем заключении проявил и внимательность, и точность.

В главе VII, характеризовавшей состояние России с XI до XIII в., Н.М. Карамзин вновь вернулся к характеристике политических изменений в Руси, последовавших за смертью Ярослава Мудрого: «Ярослав, могущественный и самодержавный, подобно св. Владимиру, разделив Россию на княжения, хотел, чтобы старший сын его, называясь великим князем, был главою отечества и меньших братьев, и чтобы удельные князья, оставляя право наследования детям, всегда зависели от Киевского как присяжники и знаменитые слуги его. Отдав ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россию и Новгород, он думал, что Изяслав и наследники его, сильнейшие других князей, могут удерживать их в границах нужного повиновения и наказы-

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II—III. М.: Наука, 1991. С. 44.

⁶ Там же. С. 45. Ошибки Святослава и Владимира состояли в том, что Святослав разделил Русь между своими тремя сыновьями, Владимир — между несколькими.

вать ослушников. Ярослав не предвидел, что самое великое княжение раздробится, ослабеет и что удельные владетели, чрез союзы между собою или с иными народами, будут иногда предписывать законы мнимому своему государю. Уже Всеволод I долженствовал воевать с частным князем его собственной области, а Святополк II — отвечать как подсудимый на запросы князей удельных»⁷. Насколько доказательны были исторические примеры, приведенные историографом XIX в.?

Говоря о Всеволоде и Святополке, Н.М. Карамзин имел в виду два эпизода древнерусских междукняжеских отношений, имевших место в по-

Ярослав
Владимирович
Мудрый.
*Миниатюра
из царского
титулярника.
XVII век.*

следней четверти XI в. В 1078 г. Всеволод Ярославич, заняв киевский стол, выделил своему старшему племяннику Ярополку Изяславичу Владимир Волынский, придав к последнему киевский Туров⁸. Столь щедрое наделение Ярополка преследовало цели союза с ним и отказа Ярополка от притязаний на киевский стол, который до Всеволода занимал отец Ярополка Изяслав. Но в 1085 г. Ярополк начал борьбу с киевским князем. Всеволод вынужден был прибегнуть к военной силе, чтобы усмирить Ярополка⁹.

Другой эпизод относится ко времени правления в Киеве брата Ярополка Святополка Изяславича. В 1097 г. при участии киевского князя

⁷ Там же. С. 463.

⁸ ПСРА. Т. I. А., 1926–1928. Стб. 204.

⁹ Там же. Стб. 205.

владими́ро-волы́нским князем Давы́дом Игоре́вичем был вероломно схвачен и без вины ослеплен теребовльскый князь Васи́лько Ростисла́вич¹⁰. Это вызвало страх и возмущение Владимира Мономаха, который, объединившись с черниговскими князьями Олегом и Давы́дом Святосла́вичами, направил войска на Киев. Святополку Изясла́вичу был предъявлен ультиматум: наказать виновников злодеяния. Киевский князь, старший среди Рюриковичей, вынужден был давать оправдательные объяснения: «Неволя ми своее головы блюсти, и не язъ его слѣпиль, но Давы́дъ и вель и к собѣ»¹¹ — и в итоге подчиниться ультиматуму обвинявших его младших князей. Данные эпизоды действительно ясно и определенно указывали на отсутствие единой централизующей власти в русских землях в 70–90-е гг. XI в. И хотя Н.М. Карамзин, став сторонником монархической власти, искал ее в разных княжествах домонгольской Руси, он вынужден был признать, что она проявлялась редко и корней не имела. «Россия, — писал историк, — по кончине Всеволода Георгиевича (Большое Гнездо; в 1212 г. — В.К.) осиротела без главы, и сыновья его совсем не думали быть монархами»¹².

Возникшим после смерти Ярослава Мудрого отношениям между его наследниками посвятил целую главу в своей «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев. Первая глава II тома его труда так и называлась: «О княжеских отношениях вообще». В отличие от В.Н. Татищева, М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина, рассматривавших Древнерусское государство как нечто похожее на Российскую империю XVIII–XIX вв. — с единым правителем, его наместниками в главных городах страны, централизованными податной и судебной системами, профессор Московского университета имел иной взгляд на русское прошлое. Исходя из того несомненного факта, что правителями Древнерусского государства и более поздних русских княжеств в русских летописях были представлены князья — наследники и потомки скандинавского князя Рюрика, С.М. Соловьев предложил видеть в Рюриковичах единый княжеский род, который имел исключительное право на управление Русью. В таком случае переход на Руси от единовластия к многовластию, который предшественники С.М. Соловьева связывали со смертью Ярослава Мудрого и признавали кардинальным, оказывался не столь существенным. Власть все равно оставалась за Рюриковичами. Тем не менее вопрос о том, на каких основаниях строили свои отношения

¹⁰ ПСРЛ. Т. I. А., 1926–1928. Стб. 261.

¹¹ Там же. Стб. 263.

¹² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II–III. С. 463.

потомки Рюрика, требовал разрешения. И С.М. Соловьев попытался на него ответить. Посетовав, что у славянских народов не сохранилось памятника, «в котором бы изложены были все права и обязанности князей между собой и к главному князю», С.М. Соловьев обратился к русским летописям в надежде найти, «нет ли там каких-нибудь указаний на эти права и обязанности князей; послушать, не скажут ли нам чего-нибудь сами князья о тех правах, которыми они руководились в своих отношениях»¹³.

Внимательно ознакомившись с Ипатьевской летописью, впервые опубликованной в 1843 г., С.М. Соловьев выписал оттуда примерно два десятка примеров, раскрывавших, по его мнению, отношения старших князей к младшим, а младших — к старшим. Эти отношения он представил как нормы, издавна существовавшие и развивавшиеся в патриархальном княжеском роде Рюриковичей. Историк только не обратил внимания на то, что почти все его примеры, почерпнутые из летописи, связаны с военными или предвоенными действиями Рюриковичей.

Так, характеризуя родовые отношения старшего и младшего князей, С.М. Соловьев привел фразу из статьи 1117 г. Ипатьевской летописи: Владимир Мономах «наказал» владимиро-волынскому князю Ярославу Святополковичу, «веля ему к собѣ приходити, когда тя позову»¹⁴. Однако такой «наказ» киевский князь смог дать лишь после того, как два месяца вместе со своими союзниками осаждал Ярослава Святополковича во Владимире Волынском и добился его капитуляции. «Наказ» Владимира Мономаха оказывается не нормой, сложившейся внутри рода Рюриковичей, а требованием князя-победителя, обусловленным конкретными обстоятельствами.

Другой пример, приведенный С.М. Соловьевым, долженствовал показать отношения младших князей к старшим. В начале 1153 г. галицкий князь Ярослав Осмомысл обращался к киевскому князю Изяславу Мстиславичу: «Нынѣ, отче, кланяю ти ся. Прими мя, яко сына своего Мьстислава, тако же и мене; ать ездить Мьстиславъ подлѣ твои стремень по одинои сторонѣ тебе, а я по другои сторонѣ подлѣ твои стремень ѣждю всими своими полкы»¹⁵. С.М. Соловьев не отметил, что свое предложение Ярослав Осмомысл сделал у гроба отца, Владимира Галицкого, неожиданно скончавшегося от разрыва сердца. Владимир люто враждовал с Изяславом Мстиславичем, и никакие родовые отношения прекратить вражду им не помогали.

¹³ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. М., 1988. С. 333.

¹⁴ Там же. С. 668. См. также: ПСРА. Т. II. Стб. 285.

¹⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. С. 668. См. также: ПСРА. Т. II. Стб. 465.

Предложение юного галичского князя киевскому также не являлось давней нормой таких отношений. Это было предложение нового военно-политического союза, направленного прежде всего на то, чтобы предотвратить ожидаемый при смене правителей военный удар Киева по Галичу.

По утверждению С.М. Соловьева, «младшие князья обязаны были оказывать старшему глубокое уважение и покорность, иметь его себе отцом в правду и ходить в его послушаньи»¹⁶. Такое заключение историк сделал на основании изложения в летописи событий 1158 г. В том году владимирово-волинский князь Мстислав Изяславич и его союзники дорогобужский и пересопницкий князь Владимир Андреевич и уже известный нам галичский князь Ярослав Владимирович Осмомысл сумели изгнать из Киева правившего там черниговского князя Изяслава Давыдовича. 22 декабря 1158 г. победители вошли в Киев. Не надеясь удержать город за собой, три князя предложили занять киевский стол Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, дяде Мстислава. В Смоленск было отправлено посольство. В ответ в Киев приехали представители князя Ростислава Мстиславича. Дядя заявлял племяннику и его союзникам: «Оже мя въ правду зовете с любовию, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имѣте мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити. А се вы являю: не хочю Клима оу митропольи видити...»¹⁷

Выясняется, что нормы поведения приглашенного старшего князя (Ростислав Мстиславич был старше приглашавших его князей по возрасту, а не по степени происхождения; он был внуком Владимира Мономаха, но таким же внуком был и дорогобужский князь Владимир Андреевич) определялись не правилами родового быта, а желанием (волей) приглашенного. И как только смоленский князь потребовал смещения митрополита Клима, возник крупный конфликт. Приглашавшие Рюриковичи вовсе не собирались реально следовать «правде» Ростислава и ходить в его «послушаньи». Они потребовали оставления на митрополичьей кафедре Клима. Конфликт длился несколько месяцев, он кончился компромиссом (на кафедру договорились поставить нового митрополита из Византии), и только 12 апреля 1159 г. Ростислав Мстиславич смог занять киевский стол¹⁸.

Отношения князей внутри Рюрикова дома, вопреки выводам С.М. Соловьева, регулировались не патриархальными родовыми нормами, а военной мощью, политической целесообразностью и договорным правом. Поэ-

¹⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. С. 335.

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 503.

¹⁸ Там же. Стб. 503–504. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 171.

тому отрицание С.М. Соловьевым принципиальной разницы между периодом правления Ярослава Мудрого и периодом, последовавшим за его смертью, оказывается необоснованным. Впрочем, историк все равно вынужден был признать, что в 1054 г. в политическом развитии Руси произошли серьезные изменения. Вторая глава II тома «Истории России с древнейших времен» начиналась с утверждения: «По смерти Ярослава I княжение целым родом надолго утвердилось в Руси»¹⁹. Даже в понимании С.М. Соловьева правление в Руси одного лица после 1054 г. сменилось правлением многих лиц, хотя и родственных.

Преемник С.М. Соловьева на кафедре русской истории Историко-филологического факультета Московского университета В.О. Ключевский и воспринимал, и отрицал теорию своего учителя о коллективном правлении на Руси Рюриковичей. Но воспринимал не целиком и отрицал не все. Изложив в своем «Курсе русской истории» концепцию С.М. Соловьева

Сребреник Ярослава Мудрого.
Протись А.Г. Силаева.

о лестничном (со ступени на ступень, в порядке особой очередности) восхождении в древности князей на старший стол, В.О. Ключевский вынужден был заметить: «Если я не ошибаюсь, нигде более в истории мы не имеем возможности наблюдать столь своеобразный политический порядок»²⁰. Тем не менее, даже не находя параллелей во всемирной истории объяснениям С.М. Соловьева, В.О. Ключевский упорно отстаивал соловьевские идеи об отсутствии у Рюриковичей отдельных княжений-отчин, утверждая, что отчина в древности — это место князя в общем генеалогическом ряду Рюриковичей, которое и определяло могущие меняться владения князей²¹.

¹⁹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. С. 340.

²⁰ Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 176.

²¹ Там же. С. 183.

К теории С.М. Соловьева В.О. Ключевский подключил и свою, согласно которой начало Русского государства было связано не с возникновением княжеской власти, а с более ранними явлениями, как полагал исследователь, экономического порядка — появлением городов на крупных путях мировой торговли, шедших через Русь в соседние страны²². В итоге вопрос о системе правления на Руси в ранний период ее существования осложнялся. Во внимание приходилось принимать не только общие права на владение Рюриковичей, не только честолюбивые стремления отдельных представителей этого княжеского рода, но и позицию старинных городов.

Понятно, что при таком детальном изучении проблем власти в Древней Руси значимость целого ряда показательных исторических фактов снижалась, они становились в ряд с другими, менее важными, не сигнализирующими о крупных исторических изменениях. Тем не менее разница между эпохой Ярослава Мудрого и временем его сыновей даже при таком подходе к свидетельствам источников не оставалась незамеченной ученым. Описав в своих лекциях «состояние Русской земли около половины XI в.», то есть времени смерти Ярослава Мудрого, В.О. Ключевский дал оценку последующему этапу русской истории: «С этого времени до исхода XII в., то есть до конца первого периода нашей истории, политический и гражданский порядок, основания которого были положены старыми волостными городами и потом первыми русскими князьями, получает дальнейшее развитие»²³. Эти изменения в политическом и общественном устройстве русских земель второй половины XI—XII вв. были изложены В.О. Ключевским в XI лекции своего «Курса».

И здесь рубеж между временами Ярослава Мудрого и его потомков был обозначен В.О. Ключевским совершенно отчетливо. «По смерти Ярослава, — писал историк, — власть над Русской землей не сосредоточивается более в одном лице: единовластие, случавшееся иногда до Ярослава, не повторяется; никто из потомков Ярослава не принимает, по выражению летописи, “власть русскую всю”, не становится “самовластцем Русстей земли”»²⁴. Описав характер владений и власти сыновей Ярослава, В.О. Ключевский заключал: «Такой своеобразный порядок княжеского владения устанавливается на Руси по смерти Ярослава»²⁵. Приведенные высказывания В.О. Ключевского без всяких сомнений свидетельствуют о том, что в его понимании

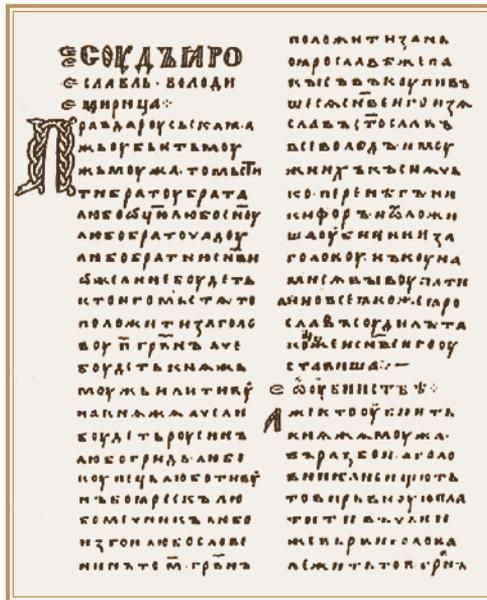
²² Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 127–128.

²³ Там же. С. 168.

²⁴ Там же. С. 170.

²⁵ Там же. С. 175.

с кончиной Ярослава Мудрого был связан важный этап в развитии Древнерусского государства. Единовластие кончилось, следовательно, единое Древнерусское государство прекратило свое существование. На смену пришло дробление власти и территории. И хотя ученые второй половины XIX в. говорили о коллективной власти Рюриковичей над Русью, эта власть с раннего времени и вплоть до XV в., во-первых, ограничивалась в тех местах, где проживали отдельные славянские и неславянские племена, слабо подчинявшиеся русским князьям — потомкам Рюрика (например, вятичи на юге, с которыми черниговские князья договаривались в 1146 г. о совмест-

Страница
«Русской
Правды».
XIII век.

ных военных действиях²⁶; корела, водь и ижора, с которыми соседствовали новгородцы), и, во-вторых, все сильнее разрушалась под влиянием борьбы за земли и дани формировавшихся местных династий Рюриковичей. «Курс русской истории» В.О. Ключевского был подготовлен им в 80-е гг. XIX в., но свет увидел впервые только в 1903 г.²⁷

Со ставшими широко известными взглядами В.О. Ключевского в горячую полемику вступил молодой исследователь А.Е. Пресняков. В своей книге «Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий», опубликованной в 1909 г., он подверг острой критике концепцию В.О. Ключевского

²⁶ ПСРА. Т. II. Стб. 338.

²⁷ Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. С. 7, 11.

и его учителя С.М. Соловьева «о «нераздельно-поочередном» княжком владении» в Древней Руси²⁸. Более внимательно изучив первоисточники, А.Е. Пресняков показал, что князья-правители Руси и до середины XI в. сталкивались с проблемами наделения своих сыновей владениями (Святослав, Владимир), то есть при таком наделении им необходимо было продумывать последствия вероятного распада государства Русь на отдельные части, но такие «особные» после смерти отцов владения братьев в результате стечения случайных обстоятельств оказывались недолговечными.

После междоусобной борьбы или кончины князя-владельца власть в государстве оказывалась в руках лишь одного князя, и только после смерти Ярослава Мудрого распад государства на отдельные княжения-отчины стал необратимым. Сама архитектура исследования А.Е. Преснякова (глава III «Ряд Ярославль» первого очерка его монографии и глава IV «Борьба за отчины во второй половине XI в.») указывала на то, что смерть Ярослава Мудрого ученый, который прямо даты прекращения существования Древнерусского государства не называл, расценивал как рубеж в истории развития средневековой Руси, как конец единовластия и наступление эпохи многовластия, то есть дробление прежде единого государства.

Таким образом, до начала XX в. включительно в русской исторической науке считалось, что Древнерусское государство перестало существовать со смертью Ярослава Мудрого в 1054 г.

В советский период определение времени прекращения существования Древнерусского государства долгое время не интересовало историков. Они продолжали заниматься тем, что открыла для себя русская историческая наука после реформ 1861 г.: социальными отношениями и экономическим развитием страны в период Средних веков. Социологические разработки, на создание которых требовалось меньше знаний, сил и времени, стали преобладать над конкретно-историческими. И изучение политической истории начало отходить на второй план.

Первым к исследованию такой истории вернулся Б.Д. Греков. В 1936 г. он выпустил две книги под одинаковым названием «Феодалные отношения в Киевском государстве». В одной, повторявшей издание 1934 г.²⁹, рассматривались только социальные отношения в древнерусском обществе. В другой, под влиянием известных замечаний И.С. Сталина, А.А. Жданова и

²⁸ Здесь и далее цитаты из работы А.Е. Преснякова приводятся по ее переизданию: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 4.

²⁹ Греков Б.Д. Феодалные отношения в Киевском государстве // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 72. М.; Л., 1934.

С.М. Кирова об учебниках по новой истории³⁰ и принятом на основании этих замечаний постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от мая 1934 г., к обзору социальных отношений было дано приложение, содержавшее краткий очерк политической истории Киевского государства. В нем Б.Д. Греков писал, что, победив своих соперников, «Ярослав стал «самовластцем». Дорого обошлось Ярославу это «самовластие». А для его сыновей оно стало и совсем недоступным»³¹. Эту мысль, заимствованную из «Курса русской истории» В.О. Ключевского, ученый продолжил и далее: «По смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) мы видим явные признаки распада этой скороспелой державы (Киевского государства. — В.К.)»³².

Время сыновей Ярослава Мудрого, когда «самовластца» на Руси уже не было, Б.Д. Греков описывал в следующих чертах: «После смерти отца они (киевский князь Изяслав, черниговский князь Святослав, переяславский князь Всеволод. — В.К.) сообща вносят существенные изменения в «Русскую Правду», между прочим, отменяют окончательно месть и заменяют ее денежным штрафом. Втроем они распоряжаются судьбами отдельных княжений, земли одних князей они передают по своему усмотрению другим, некоторые особенно ценные оставляют за собой в общем владении»³³.

Законодательная деятельность триумвирата Ярославичей в первые годы его существования, хотя и отмечавшаяся в свое время А.Е. Пресняковым, характеризуется здесь Б.Д. Грековым более конкретно и более подробно, а внутривластная — по А.Е. Преснякову, причем единичные акции Ярославичей подаются Б.Д. Грековым как многократные действия³⁴, а «особенно ценные» земли «в общем владении» старших сыновей Ярослава Мудрого точно не указываются, очевидно, потому, что таковых просто не существовало. Касаясь позднейшей деятельности трех Ярославичей, Б.Д. Греков отмечал, что «следующие по старшинству братья Изяслава оказались во главе достаточно сильных княжеств, чтобы не считаться со старшим своим братом»³⁵. Здесь историк имел в виду события 1073 г., когда Святослав и Всеволод Ярославичи изгнали Изяслава из русских пределов и 22 марта 1073 г. заняли Киев³⁶.

³⁰ К изучению истории. М., 1946. С. 21; *Сталин И.В.* Сочинения. Т. XIV. М., 1997. С. 43–45.

³¹ *Греков Б.Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1936. С. 180.

³² Там же.

³³ Там же. С. 180–181.

³⁴ Ср.: *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 42–43.

³⁵ *Греков Б.Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. С. 180–181.

³⁶ ПСРА. Т. I. Стб. 182.

Новые явления во владельческо-административном и политическом развитии русских земель, подчеркнутые Б.Д. Грековым и обоснованные им фактами, лишней раз свидетельствуют о том, что в 1936 г. этот историк распад Древнерусского государства связывал со смертью Ярослава Мудрого в 1054 г.

Однако в вышедших в 1953 г. обобщающих «Очерках по истории СССР» Б.Д. Греков растягивал период существования Древнерусского государства до XII в. включительно. Время после кончины Всеволода (1093 г.), последнего сына Ярослава Мудрого, характеризовалось ученым следующим образом: «Борьба (наследников Ярослава. — В. К.) велась за создание и укрепление обособленных от Киева вотчин-княжений; в этой борьбе Киев отстаивал свое старое положение главы государства, «матери городов русских», и был побежден. Отдельные феодальные княжества настолько усилились, что управлять ими из Киева было уже невозможно. Феодальная знать в отдельных землях создавала собственный государственный аппарат, способный обеспечить ее власть над крестьянством. На смену относительному единству древнерусского государства приходит самостоятельность княжений-«отчин» и как неизбежное следствие ее — феодальные войны. Русь, потерявшая недавнее, хотя и относительное, единство, вступила в полосу борьбы феодальных владетелей-князей за княжения, за укрепление своего аппарата власти и независимое от киевской знати развитие феодального хозяйства на местах. Время напряженных феодальных войн завершилось в XII в. феодальным раздроблением Руси. Этот переход от «единовластия» киевских князей к самостоятельному существованию отдельных княжений был весьма сложным этапом в истории Руси, когда потрясали ее крестьянские восстания и феодальные войны»³⁷. За 17 лет в воззрениях Б.Д. Грекова произошли заметные изменения. Древнерусское государство уже не характеризовалось им как «скороспелое». Оно оценивалось как относительно единое, то есть так, как в свое время его оценивал в своих лекциях В.О. Ключевский.

Окончание времени этого единства с 1054 г. переносилось на 90-е гг. XI в. и даже на более поздний срок — XII столетие, когда наступило «феодальное раздробление Руси». Если в 1936 г. братья киевского князя к 1073 г. стояли «во главе достаточно сильных княжеств», что позволило им отнять Киев у старшего брата, то в 1953 г. «отдельные феодальные княжества настолько усилились» лишь после 1093 г. Однако никакими конкретными

³⁷ Очерки истории СССР. Ч. I. М., 1953. С. 187.

Битва Ярослава со Святополком.
 Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV век.

фактами второй половины XI–XII вв. эти новации не подтверждались. Дело, по-видимому, заключалось в том, что после победы Советского Союза над Германией в войне 1941–1945 гг. официальная идеология предложила смотреть на Древнерусское государство как на прообраз СССР, рисуя его большим, единым и долголетним. Отсюда выводилась историческая закономерность: Россия представлялась как некий государственный монолит, не подвластный никаким разрушающим силам ни в Средневековье, ни в новое и новейшее время, ни в будущем. И академическая наука покорно отыскивала подтверждения такой закономерности, только по настоящему отыскать не могла, доказательных фактов не было.

В 60-е гг. XX в. в другом обобщающем труде по истории СССР, созданном под эгидой ЦК КПСС, написанном уже в послесталинскую эпоху и отвергавшем концепции советской исторической науки сталинских времен, Б.А. Рыбаков оспорил эти новые утверждения Б.Д. Грекова: «Со смертью Ярослава юридически перестала существовать единая держава Русь, так как русские области оказались разделенными между сыновьями и племянниками Ярослава»³⁸. Скрытая полемика получилась краткой, оставлявшей без пояснений, что такое юридическое и реальное существование единой Руси, в чем отличия одного от другого, к тому же неточной фактически: все племянники

³⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1966. С. 522.

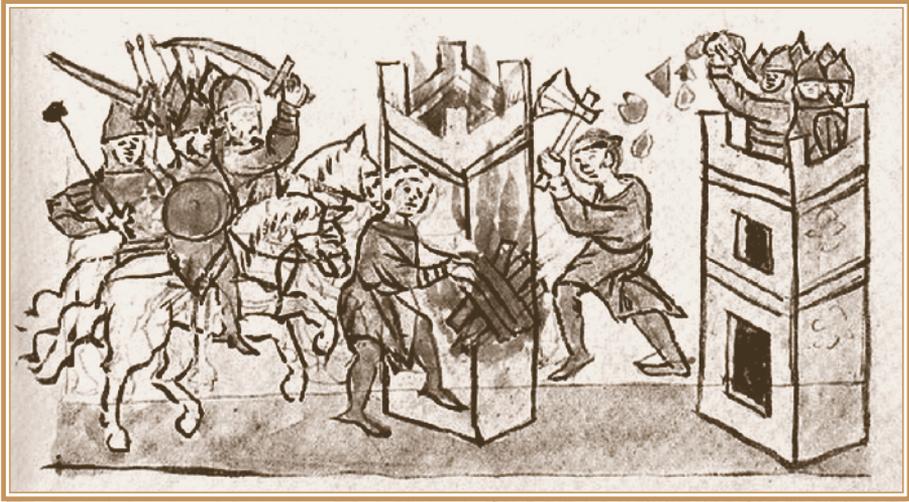
Ярослава умерли при его жизни. Ярослава пережил только его единственный внучатый племянник Всеслав Брючиславич, ставший полоцким князем за 10 лет до смерти Ярослава. Однако относительно времени существования Древнерусского государства утверждение Б.А. Рыбакова было весьма определенным, и оно подтверждалось показаниями источников.

Прошло время, и в 1983 г. в учебнике по истории СССР для высших учебных заведений о распаде Древнерусского государства Б.А. Рыбаков написал совсем другое: «Исследователи иногда называют время после смерти Ярослава временем феодальной раздробленности, но это нельзя признать правильным, так как настоящая феодальная раздробленность наступает тогда, когда кристаллизуются отдельные земли, вырастают большие города, возглавляющие эти земли, когда в каждом суверенном княжестве закрепляется своя княжеская династия. Все это появилось на Руси только после 1132 г., когда кристаллизовались суверенные княжества, а во второй половине XI в. все было переменчиво и непрочно. Княжеские усобицы разоряли народ и дружину, расшатывали русскую государственность, но не вводили никакой новой политической формы. Князья не закреплялись в определенных городах, а передвигались из города в город в результате побед и поражений»³⁹.

Если вдуматься в обоснования Б.А. Рыбаковым своей новой позиции, то эти обоснования нельзя признать логически стройными и непротиворечивыми. Признаки «настоящей феодальной раздробленности», указанные Б.А. Рыбаковым, характерны для периода расцвета такой раздробленности, а не для ее начального этапа. Разве возможно существование суверенных княжеств со своими правящими княжескими династиями в рамках единого государства, в свою очередь тоже суверенного? История Средних веков таких образований не знает. Появление суверенных княжеств означает распад единого государства, его исчезновение.

Характеристика истории Руси второй половины XI в. как времени переменчивого и непрочного из-за княжеских усобиц вызывает недоумение. Если в стране политическое единство и один правитель, то как же возникают вооруженные нападения внутри страны одних князей на других? Замечание о постоянном передвижении во второй половине XI в. древнерусских князей «из города в город в результате побед и поражений» очень напо-

³⁹ История СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1983. С. 64.

Боевые действия под Черниговом.
 Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV век.

минает старую мысль С.М. Соловьева о посажении на разные столы князей Рюриковичей по нормам «лествичного восхождения», но заменяет это «лествичное восхождение» «победами и поражениями».

Утверждение, что «князья не закреплялись в определенных городах», не соответствует данным источников. Образовавшиеся после смерти Ярослава Мудрого Киевское, Черниговское, Переяславское, Владимиро-Волынское и Смоленское княжества, а также существовавшее внутри Древнерусского государства Полоцкое княжество, находившееся в вассальной зависимости от Киева, просуществовали до татаро-монгольского завоевания, а некоторые из них — и после него.

Так, Киевское княжество находилось под властью Изяслава Ярославича до 1068 г. В 1068 г. восставшие киевляне возвели на киевский стол полоцкого князя Всеслава Брячиславича, но тот через 7 месяцев бежал в свой Полоцк. Киевский стол вернул себе Изяслав⁴⁰. В начале 1073 г. младшие братья Изяслава Святослав и Всеволод изгнали его из Руси. Киевским князем до своей смерти 27 декабря 1076 г. стал Святослав⁴¹. Святослава в январе 1077 г. сменил Всеволод⁴². Летом 1077 г. с польской помощью на Русь вторично пришел Изяслав и 15 июля в третий раз занял киевский стол⁴³. После гибели Изяслава 3 октября 1078 г. в битве на Нежатиной ниве на киевский стол вернулся

⁴⁰ ПСРА. Т. I. Стб. 171, 173–174.

⁴¹ Там же. Стб. 182, 199.

⁴² Там же. Стб. 199.

⁴³ Там же.

Всеволод Ярославич⁴⁴. Он умер 13 апреля 1093 г.⁴⁵ Внуки Ярослава Мудрого решали, кому быть киевским князем. Сошлись на том, что править будут поочередно потомки Изяслава, Святослава и Всеволода. Поэтому киевским князем 24 апреля 1093 г. стал Святополк Изяславич⁴⁶. Он княжил до 1113 г., когда по просьбе киевлян их князем стал не черниговский Святославич, а переяславский Владимир Мономах, единственный сын Всеволода Ярославича⁴⁷.

Мономах пытался перестроить политическую систему, связанную с обладанием Киевским княжеством, самым могущественным из всех древнерусских княжеств, закрепив его только за своими потомками от первого брака. После смерти Мономаха в 1125 г. киевский стол получил его старший сын Мстислав, после него — другой сын Мономаха Ярополк, а его должен был сменить старший сын Мстислава Всеволод⁴⁸. Однако простиравшиеся в далекую будущность планы Мономаха разбились об упорное сопротивление младших Мономаховичей и черниговских Святославичей. В 1139 г. Киев был захвачен черниговским князем Всеволодом Ольговичем⁴⁹. С этого времени в течение многих десятилетий за Киев пошла упорная борьба между Мономаховичами и черниговскими потомками Святослава Ярославича, которая чаще оканчивалась победой Мономаховичей, стремившихся монополизировать свое право на обладание Киевским княжеством.

Черниговское княжество, полученное от отца Святославом Ярославичем, оставалось за ним до его кончины, хотя Святослав умер киевским князем⁵⁰. Почти сразу после смерти Святослава Чернигов захватывает его пле-

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 201–202, 204.

⁴⁵ Там же. Стб. 216.

⁴⁶ Там же. Стб. 218.

⁴⁷ Там же. Стб. 290.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 289, 294–295.

⁴⁹ Там же. Стб. 303.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 199. В.О. Ключевский в свое время писал, что когда в 1073 г. младшими Ярославичами из Руси был изгнан их старший брат Изяслав, то «в Киеве сел по старшинству Святослав из Чернигова, а в Чернигов на его место перешел Всеволод из Переяславля». См.: *Ключевский В.О. Сочинения*. Т. I. С. 173. Тем самым наглядно демонстрировался принцип «лествичного восхождения» на княжеские столы согласно старшинству князей и значимости городов, которому следовали Рюриковичи. Однако от внимания маститого исследователя ускользнуло свидетельство «Жития Феодосия Печерского», согласно которому после изгнания Изяслава братьями из них «единому съдъшно на столъ томъ брата и отца своего, друугомоу же възвративъшю ся вспять въ область свою», то есть Святослав сел в Киеве, а Всеволод вернулся в свой Переяславль, но не в Чернигов. См.: *Успенский сборник XII–XIII вв.* М., 1971. С. 121. Кажется, первым на этот факт обратил внимание А.К. Зайцев. См.: *Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв.* М., 2009. С. 60, примеч. 6.

мянник Борис, сын смоленского князя Вячеслава Ярославича. Но захватывает только на 8 дней⁵¹. В 1077 г. Чернигов переходит к ставшему киевским князем Всеволоду Ярославичу и к его сыну Владимиру Мономаху. Последний владеет Черниговом до 1094 г., когда под давлением вооруженной силы вынужден был вернуть его Олегу, старшему из живших тогда сыновей Святослава Ярославича⁵². Вплоть до нашествия Батыя и после него Чернигом, за редчайшими исключениями, владеют потомки Святослава Ярославича. Представители других княжеских линий появляются в Чернигове в силу случайных обстоятельств на несколько месяцев и лишь однажды — на несколько лет⁵³.

Столь же стабильным до Батыева нашествия было положение Переяславского княжества, управлявшегося Всеволодом Ярославичем и его потомками (исключение — захват Переяславля в 1206 г. черниговским князем Всеволодом Черным, но в том же году и оставившим его)⁵⁴.

Смоленским княжеством владел Вячеслав Ярославич. Он умер в 1057 г.⁵⁵ Ему по современной логике должен был бы наследовать его сын Борис, но летопись говорит об ином: «И посадиша Игоря в Смолинскѣ, из Володимеря введше»⁵⁶. Форма глагола «посадиша» (аорист 3-го лица множественного числа) указывает на то, что перевод Игоря из Владимира в Смоленск был осуществлен несколькими лицами. Это, скорее всего, три его старших брата. Игорь умер в 1060 г.⁵⁷ Согласно новгородско-софийскому своду 30-х гг. XV в. после смерти Ярослава Мудрого его сыновья «разделиша Смоленскъ на три части»⁵⁸. Ермолинская летопись указывает, что это разделение произошло после смерти Игоря Ярославича в 1060 г.⁵⁹ Очевидно, раздел произошел между тремя старшими Ярославичами⁶⁰. Показательно,

⁵¹ ПСРА. Т. I. Стб. 199.

⁵² Там же. Стб. 226.

⁵³ В 1210–1212 гг. в Чернигове правил, возможно, номинально, бывший киевский князь Рюрик Ростиславич. См.: ПСРА. Т. I. Стб. 435, 438.

⁵⁴ Кучкин В.А. Русь перед 1237 г. Нашествие Батыя. Русь под игом // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 77.

⁵⁵ ПСРА. Т. I. Стб. 162.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ПСРА. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 380; Т. XXIII. СПб., 1910. С. 22; Т. VII. СПб., 1856. С. 333.

⁵⁸ ПСРА. Т. VI. Вып. I. М., 2000. Стб. 182; Т. IV. Вып. I. Пг., 1915. С. 118.

⁵⁹ ПСРА. Т. XXIII. С. 22

⁶⁰ А.Е. Пресняков считал, что разделены были доходы со Смоленского княжества, но не его территория. См.: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. С. 43 и примеч. 78. Думается, что разделу подверглась все-таки территория Смоленского княжества. В противном случае трудно понять, кто и где собирал доходы с населения Смоленска и кто их распределял.

что летопись ничего не говорит о доле в Смоленске сына Игоря Бориса. По всей вероятности три старших Ярославича разделили лишившееся взрослого правителя княжество только между собою, не заботясь об интересах других родственников. В конце 60-х гг. XI в. видим в Смоленске Ставка Скордятича, боярина киевского князя Изяслава Ярославича, и сына переяславского князя Всеволода Ярославича Владимира Мономаха⁶¹. В последующие годы Смоленск находился под властью Всеволода и Мономаха. Однако в 1095–1096 гг. в Смоленске княжил черниговский князь Давыд Святославич⁶². С 1096 г., после примирения Мономаха с Давыдом Святославичем⁶³, Смоленское княжество сохранялось в руках Владимира Мономаха и его потомков вплоть до 30-х гг. XIII в.

Надо полагать, что Владимиро-Волынское княжество, главное на западных границах Руси, после перевода его князя Игоря Ярославича в Смоленск оказалось под властью киевского князя Изяслава. Так можно думать на основании одной ремарки, сохраненной летописью. В 1098 г. киевский князь Святополк Изяславич, выполняя свое обязательство наказать князя Давыда Игоревича, ослепившего Василька Теремовальского, осадил Давыда во Владимире Волынском. Тот покинул город, и Владимир Волынский был занят киевским князем.

Успех окрылил Святополка. Он решил разделаться не только с Давыдом, но заодно и с его жертвой — Васильком Теремовальским и с братом последнего Володарем Перемышльским. Оправданием Святополку было то, что Перемышль и Теремоваль, как пишет летопись, — «волость отца моего [и] брата»⁶⁴. Волость Святополкова брата Ярополка хорошо известна. Это Владимир Волынский, который, как указывалось выше, Ярополк получил в 1078 г. от Всеволода Ярославича. Следовательно, в 70-е гг. XI в. Перемышль и Теремоваль считались территорией Владимиро-Волынского княжества, которая достигала в таком случае левого берега Днестра в его верхнем течении.

⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 247.

⁶² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 19; ПСРЛ. Т. I. Стб. 229, 236.

⁶³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 249.

⁶⁴ Там же. Стб. 269.

Если Перемышль и Теребовль были «волостью» и отца Святополка Изяслава, то это означает, что он владел Владимиром Волынским, то есть это княжество после 1057 г. оказалось в руках киевского князя и он не делил его с братьями⁶⁵. После Изяслава во Владимире Волынском до 1078 г. княжил Олег Святославич, которого посадил туда его отец, киевский князь. После Олега киевские князья отдавали Владимир Волынский потомкам князя Изяслава Ярославича или сыну Игоря Ярославича Давыду. Последним владими́ро-волы́нским князем из таких князей был Ярослав Святополкович (Изяславич), лишившийся княжества в 1118 г.⁶⁶

С тех пор и до начала XIII в. Владимиро-Волы́нское княжество находилось в руках Владимира Мономаха и его потомства. Лишь в 1206 г. владими́ро-волы́нский стол был захвачен черниговскими Ольговичами⁶⁷, но вскоре был возвращен Мономаховичами.

Что касается Полоцкого княжества, то оно явно приобрело самостоятельность после смерти Ярослава Мудрого. Всеслав Полоцкий первоначально помогал киевскому князю и его братьям в борьбе против кочевников⁶⁸, но когда в южных степях активизировались половцы, отказался от такой помощи. Мало того, в 1065 г. он начал борьбу против Изяслава Киевского, по-видимому, повоевав окрестности Пскова, а затем в 1066 г. захватив и ограбив Новгород⁶⁹. Это вызвало поход против него трех Ярославичей. На р. Немиге 3 марта 1066 г. произошло кровавое сражение, в котором Всеслав потерпел поражение⁷⁰.

Спустя 4 месяца Ярославичи вызвали его на переговоры в Оршу, где вероломно арестовали вместе с двумя сыновьями и отправили в заточение в Киев⁷¹. Восставшие в 1068 г. киевляне освободили Всеслава и даже сделали своим князем, но в мае 1069 г. Всеслав бежал в родной Полоцк. Вернувшийся на киевский стол Изяслав не оставил Всеслава в покое. На Полоцк были направлены войска, и Всеслав укрылся у скандинавов. Полоцким князем стал сын Изяслава Мстислав. Однако в 1071 г. Всеслав сумел отвоевать

⁶⁵ Ср. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. II. У Львові. 1905. С. 52.

⁶⁶ ПСРА. Т. II. Стб. 285.

⁶⁷ ПСРА. Т. XXV. С. 105.

⁶⁸ ПСРА. Т. I. Стб. 163.

⁶⁹ НПЛ. С. 17. Упоминаемое в источниках сражение на р. Черехе, притоке р. Великой, в котором потерпел поражение княживший в Новгороде старший сын Изяслава Киевского Мстислав, судя по ряду признаков, надо связывать с именем Всеслава. См.: Там же. С. 470.

⁷⁰ ПСРА. Т. I. Стб. 166.

⁷¹ Там же. Стб. 167.

Полоцк⁷². Княжившие в XII в. в Полоцком княжестве сыновья Всеслава наследовали буйный нрав своего отца. Они не помогали киевским князьям в их борьбе со Степью. Мало того, Всеславичи предупреждали половцев о военных замыслах потомков Ярослава Мудрого⁷³.

Карательные меры, предпринятые в 1129 г. киевским князем Мстиславом Владимировичем, привели к аресту пяти старших наследников Всеслава Брячиславича и высылке их в Византию. В городах этих князей были посажены киевские наместники⁷⁴. Но часть полоцких земель осталась в руках внуков Всеслава. В 1139 г. два высланных князя вернулись в Полоцк. Киевские наместники были изгнаны, и вся власть в Полоцком княжестве перешла в руки потомков Всеслава⁷⁵. Такое положение сохранялось и в XIII в.

Таким образом, рассмотрение истории шести княжеств, образовавшихся после смерти Ярослава Мудрого, обнаруживает их достаточную стабильность и отсутствие переходов князей из одного княжества в другое в результате войн. Итогом войн могло быть только присоединение княжеств. И в последующие десятилетия и даже века княжества, образованные в 1054 г., управлялись, несмотря на некоторые исключения, потомками тех князей, которые впервые получили эти княжества от Ярослава или от Брячислава Полоцкого. Первые правители шести княжеств вели настолько активную политику собственного усиления и обогащения, что даже вопроса о существовании во второй половине XI в. единого государства на древнерусских землях возникнуть не может.

Но откуда же у Б.А. Рыбакова появилась дата 1132 г., теперь преобладающая в современных учебниках и литературе по истории Древней Руси? Впервые этот год был назван М.С. Грушевским в его «Історіі України-Руси». Он связан со смертью Мстислава, старшего сына Владимира Мономаха. Мстислав умер 15 апреля 1132 г.⁷⁶

За 7 лет правления в Киеве Мстислав добился немалых успехов. Он сумел отодвинуть половцев за Дон и даже за Волгу, распространить свою власть на Курское и Полоцкое княжества. Рисуя Мстислава продолжателем политических традиций Ярослава, Всеволода и Владимира Мономаха, М.С. Грушевский представлял его как выразителя идей единовластия и борца про-

⁷² ПСРЛ. Т. I. Стб. 174.

⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303.

⁷⁴ Там же. Стб. 293; Т. XXV. С. 31.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303.

⁷⁶ Там же. Стб. 294.

тив распада Киевской державы. Подчеркивал историк и крупное значение столицы этой державы: «Київ, переставши бути реальним політичним центром, не став відразу на однім рівени з иншими політичними середками Руської політичної системи»⁷⁷. Как итог, следовало утверждение, что со смертью «Мстислава закінчується перша стадія в процесі розкладу Київської держави»⁷⁸.

Несмотря на витиеватость и туманность формулировок М.С. Грушевского, отказ от разъяснения содержания многих собственных определений («Київська держава», «перша стадія», «руська політична система»), указание на связь развития столичного Киева только с существованием единого государства, игнорируя его развитие в составе Киевского княжества, оставление в стороне многих конкретных фактов (история представлена М.С. Грушевским в его «Історії України-Руси» «в найзагальніших рисах»), основная мысль историка проступает достаточно отчетливо: он старался продемонстрировать длительное существование древней единой «України-Руси».

Однако подобная попытка — результат не научных изысканий, а дань политическим настроениям конца XIX — начала XX в. — времени острых социальных и национальных движений в Европе, в которых М.С. Грушевский принимал активное участие. В 1899 г. он стал одним из основателей Украинской национал-демократической партии в Галиции, в 1917 г. — Украинской партии социалистов-революционеров, которые ставили вопрос о консолидации украинских земель и центр такой консолидации видели в австрийской Галиции. Последнее отвечало интересам Генерального штаба Австро-Венгерской империи, разрабатывавшего планы войны с восточным соседом — Николаем II.

Профессор Лембергского (Львовского) университета М.С. Грушевский пользовался поддержкой австрийских властей и рисовал древность в нужных красках. Крупная держава в прошлом, «Україна-Русь» должна была стать такой и в будущем за счет территорий Российской империи. Политическое будущее строилось с опорой на прошлое. Однако древние источники свидетельствовали об ином прошлом. Когда в 1127 г. Мстислав Великий вместе с тремя сыновьями, двумя братьями, черниговскими

⁷⁷ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. II. С. 126.

⁷⁸ Там же.

Ольговичами, князьями гродненским и клеческим двинулся на полоцких князей, то сам факт похода, состав его участников свидетельствовали о разделении Руси. Если к этому добавить отказ от похода черниговских Давыдовичей, князей муромо-рязанского, перемышльского, тербовольского, суздальского (им был Юрий Долгорукий), картина «розкладу Київської держави» станет совершенно очевидной. Но этот период русской истории начался после смерти не Мстислава Великого, а Ярослава Мудрого.

Vladimir A. Kuchkin

ABOUT THE TIME OF EARLY RUSSIAN STATE EXISTENCE

(historiographical analysis)

The article raises the question of until which point the united Early Russian State existed. Up to the 1960s, the majority of historians considered that the state stopped its existence with the death of Jaroslav. Later, that date was moved up to 1132. The author comes to the conclusion that the first point of view was more accurate and that there is no evidence of the United Russian State since the second half of the 9th century.

 Кучкин Владимир Андреевич

доктор исторических наук, руководитель Центра по истории Древней Руси
Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)

А.С. Усачев

ПЕРВЫЕ ВЕКА «РУССКОЙ ДЕРЖАВЫ»:

взгляд из Московского царства XVI в.¹

1547 г. была окончательно подведена черта под падением Византии: на церковно-политической карте мира появилось новое православное «царство» — Московское, к этому времени уже превратившееся в мощное единое государство. Его глава — 17-летний «государь всея Руси» Иван IV, направляемый в этот период митрополитом Макарием, — венчавшись на царство «по отеческому древнему преданию», принял титул равный императорскому, по своему статусу сопоставимый лишь с титулами правителей Священной Римской и Османской империй. Приобретение Великим княжеством Московским принципиально иного статуса — статуса царства — потребовало от книжников этой поры переосмысления прошлого, настоящего и будущего Русской земли, которые должны были в полной мере соответствовать ее новому положению.

Обращаясь к современному ему положению дел, русский книжник середины XVI в. имел все основания для оптимизма — его взору пред-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 10-04-00260а).

стали Москва как бесспорный церковно-политический центр русских земель, весьма обширные пределы Русского государства, успешная едва ли не на всех направлениях проводимая им внешняя политика, покоренные или присмирившие его соседи, независимая от Константинополя Русская церковь. Столь радующая глаз картина «современности» в эпоху господства средневекового сознания рассматривалась как результат естественного возврата к «старине», как своего рода прямое следствие создания удачной копии с совершенного полотна ушедшей эпохи. Степень близости этой копии к оригиналу являлась залогом как прочности сложившегося положения вещей, так и в конечном счете будущего процветания. Именно поэтому поиск первообраза Московского царства стал важнейшей задачей книжников. Очевидно, что относительно недавнее прошлое — русская история XIII—XV вв., по сути, представлявшая собой период раздробленности, междоусобиц и подчинения Орде, — оставляло мало надежд на поиск идеала. Взор мыслителя эпохи первого русского царя неизбежно обратился к «своей Античности»² — к древнейшему периоду истории Руси, который к этому времени в историческом сознании уже проделал немалый путь, ведущий в область легенд и сказаний. Каким «историк» середины XVI в. увидел образец для подражания Московского царства?

Поиски ответа на этот вопрос потребовали проведения ревизии картины прошлого, начертанной в более ранних исторических сочинениях. Результаты этой работы были представлены в ряде памятников исторической мысли. Среди них своим объемом и фундаментальностью выделяется «Книга степенная царского родословия», которая подвела своего рода логический итог размышлениям авторов предшествующих исторических сочинений. «Степенная книга» была составлена на рубеже 50–60-х гг. XVI в. по поручению митрополита Макария близким к нему книжником — духовником Ивана IV благовещенским протопопом Андреем (позднее — митрополит

² Некоторые замечания относительно значения этого понятия применительно к русской (и не только) книжности эпохи позднего Средневековья см.: Турилов А.А. «Своя Античность» в русской книжности конца XIV — первой половины XVI в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 115–116; Голубев О.Е. Феномен «своей Античности» в истории Руси и Великого княжества Литовского: к постановке проблемы // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV—XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы: матэрыялы міжнар. навук. канф. (Гродна, 8–9 ліп. 2010 г.). Мінск, 2011. С. 193–198.

Афанасий)³. Конструируя прошлое Руси, этот писатель в значительной мере опирался на труды своих предшественников — «Русский хронограф» редакции 1512 г. (ок. 1516–1522 гг.), Никоновскую (ок. 1526–1530 гг.) и Воскресенскую (начало 1540-х гг.) летописи и некоторые другие. Как, согласно мнению близкого к царю и митрополиту «историка», начиналась история Руси?

Начало русской истории: «национальный» контекст

«Степенная книга» среди предшествующих ей памятников русской средневековой историографии выделяется своей композицией. В отличие от летописей, в которых материал группируется по погодным статьям, составитель «Степенной» представил его в виде жизнеописаний русских государей. Произведение состоит из жития Ольги, а также из 17 степеней (градней), каждая из которых повествует о русских «самодержцах» от крестителя Руси Владимира Святославича до первого царя Ивана IV; степени делятся на главы, самые крупные из которых в свою очередь подразделяются на титла⁴. О начале русской истории повествует житие Ольги (в его основу была положена пространная редакция ее жития, составленная в середине XVI в.), а также основанная на целом ряде разножанровых источников 1-я степень.

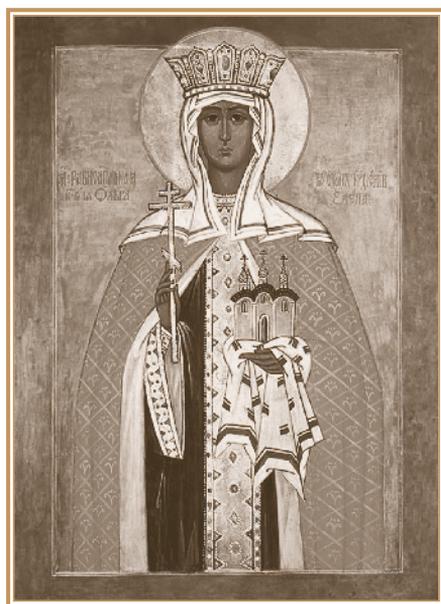
Итоги рассмотрения тематической направленности этих разделов «Степенной книги» побуждают обратить внимание на два интересных обстоятельства.

³ Об авторстве и датировке памятника см.: *Васенко П.Г.* «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904. С. 168–217; *Усачев А.С.* «Степенная книга» и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 125–197, 362–464.

⁴ Подробнее о композиции «Степенной книги» и ее возможных образцах см.: *Васенко П.Г.* «Книга Степенная царского родословия». С. 218–240; *Lenhoff G.* The «Stepennaja kniga» and the Idea of the Book in Medieval Russia // *Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag.* München, 2004. S. 449–458; *Она же.* «Степенная книга»: замысел, идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии: В 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский и Г.Д. Ленхофф. Т. 1 «Житие св. княгини Ольги. Степени I–X». М., 2007. С. 120–144; *Сиренов А.В.* «Степенная книга»: история текста. М., 2007. С. 371–376; *Он же.* «Степенная книга» и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 99–111; *Усачев А.С.* «Степенная книга». С. 467–483; *Schmidt W.-H.* The Serbian *Daniĭlov zbornik* and the *Stepennaia kniga*: Towards a Comparative Analysis of their Genres and Functions // *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness* / Ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington, 2011. P. 125–140.

С одной стороны, хронографическая составляющая в тексте сочинения сведена к минимуму — рассказ о начальном этапе истории человечества читается лишь в речи философа, излагающего основы христианского вероучения Владимиру Святославичу. Так, в отличие от более ранних сочинений о прошлом, «Степенная книга» не содержит рассказа о расселении потомков Ноя и т.д.

С другой стороны, нельзя не заметить обилие сведений о древнейшем периоде русской истории, объем которых выделяет «Степенную книгу» в ряду прочих (в том числе и в ряду других памятников историче-

Святая
равноапостольная
великая княгиня
Ольга.
Икона.

ской мысли XVI в., создатели которых также проявляли немалый интерес к этому периоду, «насыщая» его дополнительными подробностями⁵). К описанию этого периода в «Степенной книге» был привлечен целый ряд произведений древнерусской оригинальной и переводной литературы (жития Ольги пространной редакции, Стефана Сурожского, «Чудеса» Димитрия Солунского, летописи, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Поучение» митрополита Фотия Василию Дмитриевичу, славяно-русский перевод «Окружного послания» патриарха Фотия, вероятно, «Слово похвальное» Михаилу Черниговскому Льва Филолога

⁵ Об этом подробнее см.: Усачев А.С. Особенности представлений о первых веках русской истории в памятниках историографии XVI в. // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 5 (13): Начала Древнерусского государства [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/announce/osobennosti-predstavlenii.html>

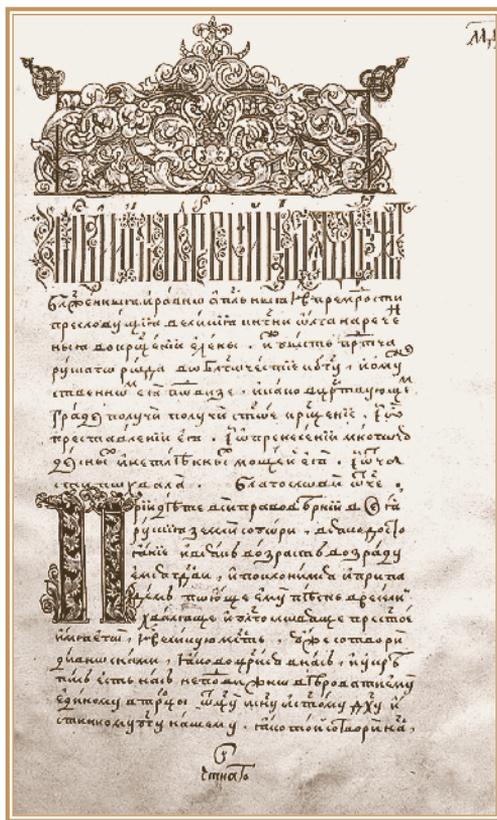
и др.⁶). По обилию использованных источников рассказ о начале русской истории сопоставим лишь с повествованием о центральном, согласно представленному в «Степенной книге» взгляду, событии русской истории — крещении Руси. Вместе с тем отметим, что, если рассказу о правлении каждого князя-христианина — прямого предка Ивана IV — составитель «Степенной» посвятил особую степень, то описание событий языческого периода фрагментарно представлено в служащем введением к памятнику житии Ольги и в первых главах 1-й степени. Тем не менее предшествующий крещению период русской истории составителем не игнорируется, хотя и изображен иначе, чем христианский. Почему в имевшем явно церковную окраску памятнике, созданном по поручению митрополита, описан языческий период? Как представляется, ответ на этот вопрос даст возможность пролить дополнительный свет на те принципы, которыми руководствовался наш книжник, представляя прошлое читателю.

Вопрос об особенностях изображения первых веков русской истории в «Степенной книге» значительно проясняют результаты разбора текста 8-й главы 1-й степени («Царю Феодосию брань съ Русию»). Отметив, что «и преже Рюрикова пришествия въ Словенскую землю не худа бяше держава Словенскаго языка», глава повествует о войнах императора Феодосия Великого с «русскими воями», о походах Руси «на многыя страны и на Селуньский градъ, и на Херсунь, и на прочихъ тамо... иже и на самыи Царьградъ», а также о войнах Руси с царем «Хоздроем Персидским»⁷. К написанию данного пассажа был привлечен целый ряд источников («Чудеса» Дмитрия Солунского, житие Стефана Сурожского, летописный материал и др.⁸), на некоторые из них составитель «Степенной книги» прямо ссыла-

⁶ Например, см.: *Кусков В.В.* «Степенная книга» как литературный памятник XVI в.: дис. канд. филолог. наук. М., 1951. С. 83–111; *Турилов А.А.* Древнейшая история славян и Руси в «Книге степенной царского родословия» (хронология, круг источников, их отбор и использование) // *Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени (тезисы 15-й конференции)*. М., 1996. С. 46–51; *Околович Н.Ф.* Жития святых, помещенные в «Степенной книге» / Вступ. ст., публ., коммент. А.С. Усачева. М.; СПб., 2007. С. 18–82; *Усачев А.С.* Образ языческой Руси в «Степенной книге» // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени*. М., 2003. С. 349–364; *Он же.* Источники «Степенной книги» по истории домонгольской Руси // *Средневековая Русь*. М., 2006. Вып. 6. С. 210–340; *Степенная книга*. Т. 3: *Комментарий* / Сост. Г.Д. Ленхофф. М., 2012. С. 8–46.

⁷ Степенная книга. Т. 1. С. 226.

⁸ Подробнее см.: *Усачев А.С.* Образ языческой Руси. С. 352–356.

Страница
«Степенной книги».
XVI век.

ется⁹. К 8-й главе примыкает и рассказ о крещении Руси и приходе на Русскую землю митрополита, который был почерпнут из славяно-русского перевода «Окружного послания» патриарха Фотия (специально он будет рассмотрен ниже).

Повествуя о начале русской истории, наш книжник особо подчеркивает «славу русского имени» еще до прихода на Русь Рюрика, основателя прославляемой им династии. При описании древнейшего периода ему было важно показать, что «слава» Русской земли была не менее значима, чем добродетели ее правителей¹⁰. Есть основания полагать, что в рассказе о начале русской истории развернут заявленный в 6-й главе 1-й степени тезис о том, что «не в новыхъ бо лѣтѣхъ Руская земля многа и велика пространствомъ и неисчетно силна воинствомъ, но велми отъ древнихъ лѣтъ и временъ многимъ странамъ и царствомъ страшни бяху и многимъ одолѣваху»¹¹.

⁹ См.: «Яко же свидѣтельствуеетъ нѣчто мало отчасти въ чудесѣхъ великомученика Димитрия и святаго архиепископа Стефана Сурожьскаго» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 226).

¹⁰ Об этом подробнее см.: Усачев А.С. Образ языческой Руси. С. 363–364.

¹¹ Степенная книга. Т. 1. С. 225.

Вероятно, с этой же целью вносились изменения (сравнительно с данными источников «Степенной книги») и в описание соседей Руси. Так, обращает на себя внимание редкое упоминание в «Степенной» этнонима «хазары». В ней они фигурируют лишь трижды: в списке «Имен областей Русских», в повествовании о посланниках от различных вер (в этом рассказе присутствуют «жидове козарьстии») и в описании похода Мстислава Владимировича на Киев в 1023 г.¹², то есть на рассматриваемый период приходится лишь одно упоминание. С чем это может быть связано?

Отвечая на этот вопрос, вспомним контекст, в который помещено описание хазар в основных источниках «Степенной книги». Так, в Никоновской летописи из четырнадцати упоминаний хазар за период до 986 г. восемь непосредственно связаны с подчинением ими славянских племен. Из шести оставшихся упоминаний одно приходится на пророчество подчинения хазар полянам как воздаяние за века порабощения и еще три — на описание борьбы Святослава с хазарами за контроль над вятичами¹³. Таким образом, данные пропуски мы вправе связать с нежеланием составителя сообщать о многолетнем подчинении целого ряда славянских племен хазарам и о той упорной борьбе, которую в течение десятилетий вели первые русские князья с хазарами за их подчинение. По-видимому, поэтому «хазарская линия» в «Степенной книге» снята (в ней даже пропущено описание славной для «самодержца» Святослава победы над хазарами). Нежеланием ее составителя сообщать о покорности славянских племен соседям, скорее всего, обусловлен и пропуск описания покорения дулебов обрами (аварами), которые в рассматриваемом историческом сочинении вообще не фигурируют¹⁴. Таким образом, характеризуя славное прошлое Руси, наш писатель счел излишним упоминать о подчинении славян хазарам и обртам.

Вероятно, с игнорированием летописного сюжета о подчинении славян соседним народам в древности может быть связано и еще одно сокращение. При сравнении версий летописных источников «Степенной книги»

¹² Степенная книга. Т. 1. С. 226, 246, 373.

¹³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 9. М., 2000. С. 6–8, 31. В Воскресенской летописи аналогичная картина: из четырнадцати упоминаний хазар до 986 г. девять прямо связаны с указанием на подчинение ими славянских племен, одно помещено в пророчество о подчинении хазар Руси как наказание их за господство над славянами и три поименования содержатся в рассказе о войне Святослава с хазарами после подчинения им вятичей. См.: ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 264, 266, 267, 269, 287.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 5; Т. 7. С. 264.

с ее текстом обращает на себя внимание отсутствие в ней описания этнографических подробностей быта восточнославянских племен. Основным источником «Степенной» — Никоновской летопись — противопоставляет «кротких, тихих и стыдливых» полян, имеющих «къ родителемъ и къ племени великое стыдѣние», диким древлянам, радимичам, вятичам и северянам, «живущимъ въ лѣсахъ, якоже и всякій звѣрь», которые «ядуще все нечисто, срамословие... предъ родители и племени не стыдятся»¹⁵. В «Степенной книге» данный пассаж отсутствует. Можно предположить, что ее составителю представлялось сомнительным, что населенная подобными племенами Русская земля могла в скором времени «въ благочестии просиять». Очевидно, этим же можно объяснить пропуск содержащегося в Никоновской летописи рассказа о страхе варяжских князей перед «звериным» нравом славян при описании прихода Рюрика с братьями на Русь¹⁶.

Судя по всему, явное стремление составителя «Степенной книги» к сокращению хронографической части и расширению рассказа о древнейшей истории Руси обуславливалось его желанием связать истоки могущества Руси прежде всего с ее славным прошлым, а не с наследием иных мировых держав прошлого. Отношение к последним книжника середины XVI в. не было однозначным — в целом ряде случаев они, а также управляющие ими государи в «Степенной книге» были представлены весьма далекими от идеала¹⁷. Как видим, метод изображения прошлого страны в его самой тесной связи с всемирной историей, характерный для ряда предшествующих «Степенной» памятников (например, для «Русского хронографа» редакции 1512 г. и сочинений Филофея) в данном произведении начинает уступать иному способу представления материала о прошлом. В результате история Русской земли в «Степенной книге» приобретает самоценный и самостоятельный характер — ее составителя отличает очевидное стремление опереться на «национальные корни». С последним, по-видимому, и было связано уже неоднократно отмечаемое в историографии отсутствие в «Степенной

¹⁵ ПСРА. Т. 9. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Например, отмечая несомненные заслуги Константина Великого в деле утверждения веры, составитель «Степенной книги» подчеркивал, что его наследники — правители Римской и Византийской империй (Юлиан Отступник, византийские императоры-иконоборцы) — нередко впадали в ересь (в отличие от русских князей, из которых «и донынѣ никто же не отпаде благодатнаго Христова закона») (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 336). Подробнее об особенностях изображения всемирной истории в «Степенной книге» см.: Аллатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 210–211; Усачев А.С. «Степенная книга». С. 512–527.

книге» даже самых туманных намеков на концепцию «Москва — Третий Рим»¹⁸. Это, впрочем, не исключало подчеркивания связи Руси (правда, почти исключительно генеалогической) с великими державами прошлого, что, в частности, проявилось в возведении Рюрика к «сроднику» древнеримского императора Августа Прусу¹⁹.

Неотъемлемой частью любой картины прошлого, представленной в памятнике средневековой историографии, были портреты правителей. Рассмотрим, как в «Степенной книге», прославляющей Рюриковичей, были изображены

первые русские князья.

Рассматривая особенности представленных в «Степенной книге» описаний событий русской истории дорюриковой поры, обратим внимание на отсутствие сообщений о местных правителях. Так, в произведении опущена характеристика деятельности Кия, о которой повествуют летописные источники²⁰. Ничего не говорится и о новгородском старейшине Гостомысле и некоем «владальце сущая с нимъ», упоминаемых в Воскресенской летописи²¹. В рассказе о войне Владимира с Рогволодом Полоцким исключено известие о Туре, правившем в Турове²². В 8-й главе 1-й степени, среди прочего сообщавшей о походе Руси на Сурож, опущено имя князя Бравлина, которое содержалось в его источнике — житии Стефана Сурожского. Тем не менее в восходящий к «Окружному посланию» фрагмент, сообщавший о походе Руси на Константинополь, вставлены некие анонимные «русские самодержатели», под руководством которых Русь совершила нападение на столицу Византии. Это приводит к мысли о том, что в памятнике намеренно опускались описания действий князей не-Рюриковичей, но тем не менее сохранялись сообщения о безымянных «самодержателях», под предводительством которых Русь совершала победоносные походы на соседей.

¹⁸ Например, см.: *Nitsche P.* Translatio imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverständnis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16. Jahrhunderts // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1987. Bd. 35. H. 3. S. 327; *Усачев А.С.* «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI в. в восприятии современников) // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 78–83.

¹⁹ *Гольдберг А.А.* Историко-политические идеи русской книжности XV–XVII вв. // *История СССР*. 1975. № 4. С. 66.

²⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. 4; Т. 7. С. 263.

²¹ ПСРЛ. Т. 7. С. 262, 268.

²² Степенная книга. Т. 1. С. 236; ПСРЛ. Т. 9. С. 39; Т. 7. С. 292.

По всей видимости, конструируя историю языческой Руси, писатель эпохи первого русского царя, умолчав о конкретных князьях, тем не менее не мог себе представить успешных военных действий без руководящей роли пусть и безымянных «самодержателей». Вероятно, пропуск их имен был обусловлен его нежеланием акцентировать внимание читателя на факте существования на Руси правителей, не принадлежавших к династии, воспеваемой в «Степенной книге».

Имена некоторых известных по летописным источникам «Степенной книги» русских князей дохристианского периода, которые предками династии русских государей не являлись, в ее тексте сохранены. Так, памятник упоминает Аскольда и Дира. Однако рассказы о них значительно сокращены по сравнению с его летописными источниками: повествуя об их правлении в Киеве, составитель «Степенной книги» пропускает сообщения Никоновской летописи об их войне с полочанами, убийстве болгарами сына Аскольда, а также упоминание о победе Аскольда и Дира над печенегами²³. В тексте «Степенной» сохранено лишь известие о походе этих князей на Византию.

Очевидно, тенденция к сокращению материала о русских правителях, не принадлежавших к роду Рюрика, может быть соотнесена с отчетливо выраженным стремлением нашего «историка» прославить Рюрика и его потомков. С этим обстоятельством, по всей видимости, и связана отмеченная Я.С. Лурье вставка составителя «Степенной книги» в рассказ о походе Аскольда и Дира на Константинополь (4-я глава 1-й степени). Перед этим рассказом книжник ввел, очевидно, принадлежащее ему рассуждение о том, что «Рюрикъ, Владимировъ прадѣдъ, не токмо самъ въ Русѣи земли преименить бѣ властию, но и мужие его»²⁴. Эта преамбула понадобилась для того, чтобы «в заслугу Рюрику поставить даже походы Аскольда и Дира на Царьград»²⁵. Кратко сообщается в «Степенной книге» и о деятельности князя Олега — 4-я глава 1-й степени лишь лаконично передает рассказ о его вокняжении в Киеве и походе на Царьград.

Характеризуя особенности изображения первых русских князей в «Степенной книге», нельзя не отметить, что ни Аскольд, ни Дир, ни даже «сродник» Рюрика Олег, которому Рюрик поручил своего малолетнего сына Игоря, в ней ни разу не именуются «самодержцами» и «скипетродержцами»

²³ ПСРА. Т. 9. С. 9.

²⁴ Степенная книга. Т. 1. С. 223.

²⁵ Лурье Я.С. Россия Древняя и Россия Новая: Избранное. СПб., 1997. С. 70.

(обычными в «Степенной книге» поименованиями потомков Рюрика) — в ней они фигурируют как «князья» (и это при том, что, как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, слова с корнем «держ» — «самодержец», «скипетродержец», «держатель» и т.д. — в «Степенной» являются самыми распространенными²⁶). Это дает основания полагать, что даже поименование отделяло представителей прославляемого рода от прочих правителей. При этом, однако, рассказы о некоторых из последних в 1-ю степень были включены (хотя и в сокращенном виде).

В целом, составителя «Степенной книге» отличало двойственное отношение к первым русским князьям. С одной стороны, они — язычники («поганые»). С другой — Рюрик и его ближайшие наследники являются основателями правящей династии, представители которой воспеваются в памятнике; они совершают смелые походы на соседей, внушая ужас даже гордому Царьграду, а также объединяют славянские племена. Особенно ярко эта тенденция проявилась при описании Святослава Игоревича в житии Ольги и в 1-й степени.

Из всех многочисленных летописных известий об этом князе писатель счел необходимым упомянуть лишь о мести Ольги древлянам (Святослав в этом рассказе помещен на второй план), о славных походах этого князя на Болгарию и Византию и об отказе Святослава креститься, несмотря на настойчивые просьбы его матери²⁷. Помещая в текст произведения почерпнутый из летописей мужественный облик Святослава, а также перечень его славных побед над болгарами и греками, книжник тем не менее считает необходимым осудить этого князя за непослушание матери и нежелание креститься. Таким образом, сохраняя героические черты Святослава, «Степенная» подчеркивает его упорное нежелание принять христианство, что заслуживает самого сурового порицания.

Обращают на себя внимание различия в изображении этого князя в созданной при митрополичьей кафедре «Степенной книге» и совре-

²⁶ См.: *Соболевский А.И.* Поп Сильвестр и Домострой // Известия Отделения русского языка и словесности АН. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 202; *Покровский Н.Н.* Томский список «Степенной книги царского родословия» и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI—XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3; *Ingham N.* Genealogy and Identity in the Rhetoric of the Muscovite Rulership // Московская Русь (1359—1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 178.

²⁷ Степенная книга. Т. 1. С. 156, 170—172, 224, 231.

Миниатюра из
«Степенной книги».
XVI век.

менной ей «Казанской истории» (по-видимому, 1560-е гг.²⁸), связь которой с кругом Макария, в который входил составитель «Степенной», более чем сомнительна. В «Казанской истории» Иван IV перед взятием Казани сравнивается с его славным предком — князем-язычником Святославом Игоревичем, который «многожды Греческую землю плени»²⁹. Близкий к митрополичьей кафедре создатель «Степенной книги» подобных рискованных аналогий (между неисправимым язычником Святославом и хранителем чистоты русского православия Иваном IV) предпочитал избегать.

²⁸ Время появления памятника остается предметом дискуссии. Согласно получившей наибольшее распространение в науке датировке Г.З. Кунцевича, написание «Казанской истории» относится ко времени ок. 1564–1566 гг. По мнению И.Г. Добродомова и В.А. Кучкина, памятник в дошедшем виде был составлен в конце XVI в. Я.Г. Солодкин высказал предположение о создании Казанской истории ок. 1561–1563 гг. См.: Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец (историко-литературное исследование). СПб., 1905. С. 542; Кучкин В.А., Добродомов И.Г. «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 430–479; Солодкин Я.Г. О времени создания «Казанской истории» // ТОДРА. СПб., 2001. Т. 52. С. 615–623.

²⁹ См.: ПСРА. Т. 19. М., 2000. Стб. 99.

Рассматривая специфику изображения первых русских князей в «Степенной книге», отметим, что, как прямо следует из полного названия памятника («Книга степенная царского родословия»), роль Рюриковичей-язычников в памятнике не ограничивается их положением предшественников христианина Владимира и его потомков — внимание читателя специально обращается на то, что первые являются прямыми предками вторых. Это проявилось в двойном счете в родословии потомков Рюрика (от христианина Владимира и от язычника Рюрика).

Очевидно, полагая, что истинными государями являлись лишь православные «самодержцы», книжник счет русским князьям ведет от первого христианина на русском княжеском столе — князя Владимира. Каждая степень/грань начинается с указания на степень родства соответствующего князя с крестителем Руси — 2-я, 3-я и другая «степень» от Владимира³⁰. Однако, представляя родословную князей таким образом, писатель столкнулся с известным противоречием — не христианин Владимир основал воспеваемую в памятнике династию, а язычник Рюрик. Отсчет родословия русских князей от Владимира мог означать умаление роли его предков и, в конечном счете, сокращение истории правящего рода. Каким образом было снято данное противоречие?

Есть основания полагать, что на определенном этапе создания «Степенной книги» (вероятно, в самом начале работы над ней) ее составитель планировал внесение двойных указаний на родословие русских князей, в которых бы отражались происхождение как от основателя династии Рюрика, так и от первого христианского правителя Владимира. Во 2-й степени, посвященной Ярославу Владимировичу, указывается, что он от Владимира «второй степень», «оть Рюрика же 5»³¹. Вероятно, двойным счетом княжеского родословия книжник пытался соединить два периода русской истории и истории княжеского рода — языческий и христианский, связывая прошлое Руси не только религиозными, но и династическими нитями.

Эти и некоторые другие нити, связавшие воедино Русь Московскую с Русью Киевской, на страницах «Степенной книги» становятся своего рода «сквозными» темами, берущими начало в древнейшем периоде русской истории и в той или иной мере проходящими через весь ее текст. Некоторые из них оказали значительное влияние на позднейших читателей «Сте-

³⁰ Например, см.: Степенная книга. Т. 1. С. 379, 386.

³¹ Степенная книга. Т. 1. С. 379.

пенной книги» — русских историков эпохи Просвещения, которые в своих «Историях» вольно или невольно воспроизвели ряд представленных в ней постулатов³². К числу подобных сквозных тем относится тема

пределы Русской земли.

Исследователи, неоднократно обращая внимание на содержащийся в списке «Имен областей Русских» (7-я глава 1-й степени) перечень народов, подвластных древнерусским князьям, рассматривали его как попытку книжника выдвинуть претензии на земли соседей. Оставляя в стороне вопрос о том, в какой степени этот фрагмент отражал внешнеполитические амбиции русского правительства XVI в.³³, обратим внимание на окончание текста этой главы. После перечисления соответствующих народов в ней указано на то, что «сии вси Руская бяше едина дръжава»³⁴.

Как указал Я. Пеленский³⁵, идея единства и могущества Русской земли в древности была также представлена и в «Казанской истории», которая, по-видимому, имела общие со «Степенной книгой» источники³⁶. Третья глава Казанской истории сообщает: «...изначала же и исперва едино царство бысть и едино государство, и едина держава и область Руская и поляне, и древяне, и новгородцы, и полочане, и волыняне, и подоле, — то все Русь едина, и единому великому князю служаху, тому же и дани даяху, и повиновахуся, Киевскому и Владимирскому»³⁷.

³² Например, см.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 126; Тихомиров М.Н. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X–XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 209; Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 151–153; Усачев А.С. «Долгий XVI век» российской историографии // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 104–115; Сиренов А.В. «Степенная книга» и русская историческая мысль. С. 458–502.

³³ Подробнее о связи памятников русской историографии XVI в. с внешнеполитическими амбициями русского правительства см., например: Pelenski J. Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; Paris, 1974.; Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 664–731.

³⁴ Степенная книга. Т. 1. С. 226.

³⁵ Pelenski J. Russia and Kazan. P. 112–113, 117–118.

³⁶ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве. С. 542.

³⁷ ПСРА. Т. 19. Стб. 5.

Есть основания полагать, что указания на единство «Русской державы» в древности в «Степенной книге», а также в «Казанской истории» имеют ключевое значение при описании всей древнейшей истории восточных славян в памятниках историографии XVI столетия. Откуда же «историк» этой поры мог почерпнуть представление о пределах Руси, включавших в себя целый ряд народов, в том числе и тех, которые, согласно летописным источникам, в состав «Русской державы» в древности не входили (чехи, литва, ляхи, лютичи, мазовшане, поморяне, угры)?

Ответ на этот вопрос содержит текст «Слова о погибели Русской земли», которое было привлечено к созданию «Степенной книги». Вероятно, в ее 7-й главе 1-й степени был использован содержащийся в «Слове» перечень соседей Руси.

В соответствии со своим источником книжник отмечает, что древнерусским князьям «присягаху и повиновахуся многия страны и дань даяху отъ моря и до моря» угры, чехи, ляхи, ятвяги, литва, «немцы», чудь, корелы, «обои болгары», буртасы, черкасы, мордва, черемисы. При этом те народы, которые в «Слове о погибели Русской земли» представлены в качестве соседей Руси (чехи, ляхи, литва, угры, немцы и др.), в «Степенной» фигурируют в числе «Имен областей Русских»³⁸. Есть основания полагать, что таким образом составитель памятника понял фрагмент своего источника.

Несомненно, что отрывок «Слова», которое отделяло от «Степенной книги» несколько веков, содержал ряд историко-географических реалий, малопонятных для писателя XVI в.³⁹, тем самым предоставляя в его распоряжение целый веер возможных интерпретаций. Вряд ли можно говорить о непосредственном «отражении» политических амбиций московского правительства в «Степенной книге» в случае с помещением соседей Руси в число ее данников — важно отметить другое: именно такое толкование для автора макарьевской поры представлялось естественным.

³⁸ Ср.: *Безунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 154; Степенная книга. Т. 1. С. 487.

³⁹ О степени информированности книжника середины XVI в. об историко-географических реалиях древнейшего периода русской истории красноречиво свидетельствует следующий фрагмент пространной редакции жития Ольги (он полностью вошел в «Степенную книгу»): «И иде Ольга съ сыномъ своимъ и с воинствомъ по Деревьской земли, уставяюще уставъ, и уроки, и ловища. Нѣции же глаголють, яко Деревьская земля бѣ иже во области Великаго Новаграда, нынѣ же Деревьская пятина именуема; инии же глаголють, яко Сѣверьская страна бѣ, идѣ же бѣ Черниговъ градъ» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 157; ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е.Е. Егорова). № 124. Л. 315). Как видим, писатель эпохи первого русского царя представляет на суд читателя две (и обе неверные) версии локализации «Деревьской земли» (земли древлян), не считая возможным присоединиться ни к одной из них.

Карта Московии.

Иллюстрация из книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». XVI век.

Развивая представление об обширности и единстве «Русской державы» в древности, книжник соответствующим образом интерпретирует и данные своих источников. Так, если Никоновская и Воскресенская летописи вслед за описанием расселения древних славян сообщают о наличии у них племенных княжений (по крайней мере у полян, древлян, полочан и словен), то составитель «Степенной» при перечислении славянских племен лишь ограничивается указанием на то, что у них были «сильные грады и многи велики области». Как видим, он счел нужным опустить малейший намек на возможность полицентричного характера власти на Руси в предшествовавший призыванию варягов период.

Вероятно, этим же обуславливался и лаконизм «Степенной книги» относительно подчинения славянских племен первыми русскими князьями. Так, описание княжения Олега фактически ограничивается упоминанием того, что тот «многихъ окресныхъ одолъ»⁴⁰. В «Степенной книге»

⁴⁰ Степенная книга. Т. 1. С. 223.

отсутствует известие о подчинении им целого ряда славянских племен, в то время как летописные источники сообщают о покорении Олегом древлян и северян, а Воскресенская летопись — и о завоевании радимичей.

В текст памятника также не вошли и летописные рассказы о подавлении Игорем Рюриковичем восстания древлян в начале своего правления, известия о подчинении им уличей, а также о присоединении его сыном Святославом вятичей. Весьма кратко в «Степенной книге» сообщается и о победе Владимира Святославича над вятичами и радимичами; не упомянута и победа его воеводы Волчьего Хвоста над радимичами⁴¹. В тексте 1-й степени отсутствует указание и на вторичное покорение вятичей (после смерти Святослава). Очевидно, эти пропуски обуславливались указанием списка «Имен областей Русских» на то, что «Русская бяше едина держава» — если Русь была изначально едина, то отпадала надобность в описании действий первых князей-язычников по подчинению окрестных племен.

Составитель «Степенной», следуя за другим своим источником, содержащим соответствующий пассаж, — «Словом похвальным» Михаилу Черниговскому Льва Филолога, — обращает внимание читателя на утрату единства «Русской державы» вследствие «возрастания злобы» (междоусобных войн), а также под воздействием усилившихся «гордости», «зависти» и «неправды» «в Русьтей земли, паче же во владующих». Согласно взгляду, выраженному в 4-й главе 7-й степени, все это привело к тому, что «преторжеся царство Русское на многие части»⁴². В связи с представлением о распаде единства Русской земли, о котором прямо говорится в 7-й степени (то есть применительно к середине XIII в.), можно поставить созвучие идеи другого источника «Степенной книги» — «Слова о погибели Русской земли» — о своего рода разрыве в течении русской истории в этот период.

В последующих степенях писатель возвращается к идее единства Руси, обращая внимание читателя на ее объединение московскими князьями. Время «собираения» русских земель в «Степенной книге» представлено несколько размыто. При описании деятельности московских государей в тексте произведения прямо не указывается на то, что тот или иной потомок Даниила Александровича объединил Русь, — в «Степенной книге» объединение Руси под властью Москвы связывается с периодом между правлениями Ивана Калиты и Дмитрия Ивановича.

⁴¹ Там же. С. 237.

⁴² Там же. С. 493. Ср.: Великие Минеи Четьи. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869. Стб. 1310–1311.

Так, в почерпнутом из рассказа о митрополите Петре пророчестве этого святителя Калите содержалось предсказание о «распространении града сего (Москвы. — А.У.) паче иных градов» (2-я глава 10-й степени)⁴³. В 1-й главе 12-й степени, повествующей о Дмитрие Ивановиче, упоминая Калиту, составитель, основываясь на данных «Слова о житии и преставлении Димитрия Ивановича, царя русского», последнего именует «собрателем Русской земли»⁴⁴. В рассказе о Куликовской битве (7-я глава 12-й степени) уже прямо указывается на то, что «вся князи Руськия земля, сущая под властию» Дмитрия Ивановича, который, в соответствии со «Словом о житии», именуется «господином», «царем и государем всей земли Русьскои», ее «держателем», а «великое княжество Русьское» — его «отечеством» (11–13-я главы 12-й степени)⁴⁵. При описании начала правления Василия Дмитриевича 1-я глава 13-й степени прямо сообщает об «отеческом наследии скипетродержания Русского царствия»⁴⁶.

Таким образом, как видим, на страницах «Степенной книги» выстраивается и последовательно воплощается мысль об изначальном единстве, могуществе и «славе» Русской земли в древнейший период ее истории, которые она временно утратила вследствие междоусобных войн и монгольского нашествия и сумела в полной мере восстановить благодаря деятельности московских князей XIV в.

В виде целостной тематической линии, тесно связанной с предыдущей, в «Степенной книге» представлено

«самовластие» новгородцев.

Носящий явно назидательный характер рассказ об их мятежном нраве и неизбежности подчинения великим князьям проходит красной нитью через весь ее текст.

Сообщая о приходе Рюрика в Новгород (3-я глава 1-й степени), книжник вкладывает в уста горожан «проречение» о прочности и долговечности власти новой династии, специально отметив, что «аще тогда и нечестиви бяху новгородцы, но обаче по проречению ихъ паче же благоволениемъ Божиимъ и донынѣ непременно царствуютъ ими отъ Рюрикова

⁴³ Степенная книга. Т. 1. С. 562.

⁴⁴ Степенная книга. Т. 2: Степени XI–XVII. Приложения. Указатели. М., 2008. С. 47; ПСРА. Т. 6. СПб., 1853. С. 105.

⁴⁵ Степенная книга. Т. 2. С. 52, 60–61, 64. Ср.: ПСРА. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 105–111.

⁴⁶ Степенная книга. Т. 2. С. 71.

сѣмени благородное изращение»⁴⁷. В «Степенной» новгородское своеволие демонстрируется в рассказе о Всеволоде Псковском: в основанной на материале его жития редакции Василия-Варлаама 9-й главе 5-й степени в рассказ об этом князе делается ряд летописных вставок, подчеркивающих «самовластный» нрав новгородцев, изгнавших этого князя⁴⁸. Осуждающий новгородцев мотив пронизывает и рассказ о походе войск Андрея Боголюбского на этот город⁴⁹. В этом рассказе писатель, нарушив хронологическую последовательность в изложении, счел необходимым отметить, что спустя три столетия Иван III «самовольство ихъ упраздни, и бесчинныя ихъ съвѣты разори, и облада ими, якоже въсхотѣ» (13-я титла 12-й главы 6-й степени)⁵⁰. Описание покорения постоянного очага сопротивления воле русских самодержцев занимает центральное место в 15-й степени, посвященной жизнеописанию Ивана III (1–11-я титла 4-й главы, 6, 7 и 8-я главы).

Порицающий самовольство новгородцев мотив «Степенной книги» созвучен ее источнику — «Словесам избранным от святых Писаний... и о гордости величавых мужей новгородских...». Последние указывали на то, что жители Новгорода, начиная со времен Владимира Святославича, «великихъ государей князей держави на собѣ честно и грозно, а въ земли и въ воды не вступалися, ни пошлнѣ господарьскихъ у собе въ земли не таили», лишь при Иване III «тое старины все по грѣхомъ забыли»⁵¹. Отмечая несомненное влияние «Словес избранных» на осуждение новгородцев в «Степенной книге», зафиксировав, что в ней этот мотив наполняется дополнительными историческими аргументами, свидетельствующими о мятежном нраве новгородцев уже начиная с Рюрика.

Наряду с пределами «Русской державы» и отдельными ее областями на протяжении всего текста «Степенной книги» рассматриваются и

⁴⁷ Степенная книга. Т. 1. С. 222–223.

⁴⁸ Подробнее о редактировании этого рассказа в «Степенной» см.: *Охотникова В.И.* Житие Всеволода-Гавриила в составе «Степенной книги» // *Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика.* СПб., 2005. С. 484–503; *Усачев А.С.* Источники. С. 287–291.

⁴⁹ Об особенностях представления этого сюжета в «Степенной книге» см.: *Дмитриев Л.А.* Житийные повести Русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв. (Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний). Л., 1973. С. 138–140; *Lenhoff G.* Novgorod's *Znamenie* Legend in Moscow's *Stennnaia kniga* // *Московская Русь: специфика развития.* Budapest, 2003. P. 175–182.

⁵⁰ Степенная книга. Т. 1. С. 470.

⁵¹ ПСРА. Т. 6. Вып. 1. С. 3.

соседи Руси.

На основе своих источников ее составитель повествует о прошлом и настоящем Казани, последовательно соотнося Волжскую Болгарию с Казанским ханством. При этом внимание читателя обращается на многолетние войны русских государей с тюркским государством на Волге. Так, уже в 1-й степени, повествующей о Владимире Святославиче, отмечаются «лукавные обычаи» волжских и камских болгар, которые начиная с X в. «всегда мирныи завѣтъ раздрушаху и клятву свою преступаху». Как показано в 55-й главе этой степени, и в более поздний период болгары/казанцы «многа лѣта льстяше и лукавнующе, яко же обыкоша своимъ поганьскимъ обычаемъ, проньрьстве-но пребывающе и христианству многу вражду и кровопролитие и плѣнь съдѣвающе непрестаяху. Дондеже ревностию Божию подвижеся на нихъ боговѣнчаннии царь и великии князь Иванъ Василиевичъ, всея Русии самодръ-жець... и тои Божиимъ пособиемъ преславно побѣди ихъ, и все лукавственное ихъ злохитръство низложи, и вся поганьския ихъ съвѣты и коварства разори, и грады и жилища ихъ разруши, и безчисленное множество плѣна христианскаго свободи, и всѣмъ царствомъ Казаньскимъ и Българьскимъ, иже по Волзѣ и по Камѣ, облада и до самого моря, и Азстороханьское царство взять»⁵².

Экскурс в историю Казанского ханства представлен и в 15-й главе 17-й степени, повествующей о взятии Астрахани. В нем подчеркивается, что «Казаньская земля, иже преже Болгарская земля именовася, ея же отъ искони обладающе бяху рустии государи отъ перваго великаго князя Рюрика, дани емлюще по Волгѣ и до Хвалинскаго моря и по Камѣ, тако же и Азьторохань, иже преже зовомъ бѣ Тьмуторохань». Далее в «Степенной» отмечается, что после смерти Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо) начались междоусобицы среди русских князей. Ими воспользовались «нечестивые цари», основав на Волге «Большую Орду Волжскую», совершавшую набеги на Русь. Все это привело к тому, что «руссии государи воеваху ихъ, яко измѣнниковъ, за ихъ неисправление» вплоть до правления Ивана IV, которому «предаде ихъ Богъ»⁵³.

Волжская Болгария идентифицировалась с Казанью уже в источниках «Степенной книги» — в Никоновской летописи и в продолжении «Летописца начала царства» (в них также представлено соотнесение Астрахани и Тмутаракани)⁵⁴; сходным образом поступал и автор «Казанской

⁵² Степенная книга. Т. 1. С. 308.

⁵³ Там же. Т. 2. С. 377.

⁵⁴ ПСРА. Т. 13. М., 2000. С. 235–236.

истории»⁵⁵, которая писалась, по-видимому, в период, близкий к созданию «Степенной книги». В сочетании с упоминаниями о подчинении Волжской Болгарии и Тмутаракани русским князьям эти соотнесения сообщали при соединении Казанского и Астраханского ханств характер возвращения московским государем своих «отчин» — владений Владимира и его потомков. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в данном случае речь может идти о выражении в «Степенной книге» обоснований русских присоединений на Волге⁵⁶. В связь с этим можно поставить ярко выраженный интерес русских книжников к Казани, которым отмечены памятники, созданные либо накануне, либо вскоре после ее присоединения (сочинения И.С. Пересветова, «Летописец начала царства», «Казанская история» и др.)⁵⁷.

Сходным образом дело обстоит и с описанием «немцев», населявших Ливонию. Так, обращает на себя внимание очень краткое уточнение «Степенной книги» относительно чуди в 41-й главе 1-й степени. Если Никоновская летопись — источник этой главы — под 6498 г. сообщает о поставлении Владимиром городов и их заселении «...и чюдью и вятичи...»⁵⁸, то составитель «Степенной книги» поясняет, что чудь — «иже суть нѣмци»⁵⁹. Данное уточнение может быть связано с упоминанием о подчинении чуди еще киевскому князю Ярославу Владимировичу в 18-й главе 17-й степени. В ней перед описанием непосредственно событий начала Ливонской войны как о непреложном факте сообщается о том, что «земля Ливонская... въ древняя же лѣта земля та зовома Чюдѣци, идеже великии князь Ярославъ Влади-

⁵⁵ Например, см.: *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве. С. 195; *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 101.

⁵⁶ Например, см.: *Kämpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen Historiographie // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1969. Bd. 14. S. 125, 141–144; *Pelenski J.* Russia and Kazan. P. 7–20; *Idem.* The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. N.Y., 1998. P. 194, 197–198.

⁵⁷ Об этом подробнее см.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. С. 31–33, 36–41, 377–379; *Kämpfer F.* Die Eroberung von Kasan 1552; *Pelenski J.* Russia and Kazan; *Филошкин А.И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 2000. Сб. 10. С. 327–346; *Lenhoff G.* Politics and Form in the *Stepennaia kniga* // *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness* / Ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington, 2011. P. 157–174.

⁵⁸ Степенная книга. Т. 1. С. 298; ПСРЛ. Т. 9. С. 58; *Кусков В.В.* «Степенная книга». С. 99.

⁵⁹ Вставка была произведена в древнейшем списке «Степенной книги» — Волковском (50–60-е гг. XVI в.): в нем данные слова написаны на верхнем поле Л. 178 об. (см.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 181 (МГАМИД). № 185); в последующих списках эти слова уже читались в основном тексте.

миричь и градъ созда въ свое имя Юрьевъ, и многи святаы церкви постави. И тамо бяху епископи православни, иже подлежаху Рустеи митрополии»⁶⁰.

По-видимому, источником соотнесения чуди с «немцами», а Чудской земли с территорией Ливонского ордена послужило соответствующее сообщение летописного источника «Степенной книги» (вероятно, «Свода 1560 г.»). Под 7068 г. он приводит речь А.Ф. Адашева и И.М. Висковатого литовским послам: «Ливонская земля изначала государей нашихъ даньщины, отъ великого князя Ярослава Владимировича и по се время, и коли поступять, и государи наши ихъ казнятъ»⁶¹.

Нельзя не заметить, что составитель «Степенной книги» данное утверждение русских дипломатов наполняет конкретным историческим материалом, связывая чуди с «немцами», а подчинение Чудской земли — Ливонии с основанием Ярославом Владимировичем Юрьева⁶². Указание на приход «богомерзких немцев», поначалу плативших дань «русским государем к Великому Новуграду», а затем «брань супротивную» и «пакости» «воздвигавших» русским северо-западным землям, служит завершающим штрихом к картине прошлого Ливонии. Последняя, таким образом, вполне однозначно рассматривается как «отчина» русских государей — потомков Ярослава⁶³.

Особое внимание в произведении, созданном по поручению митрополита Макария, уделено такой теме, как

история Русской церкви.

Начало проникновения христианства на Русскую землю в «Степенной книге» связывается с ее посещением апостолом Андреем. Представленный в ней рассказ о нем по своей подробности не имеет аналогов в памятниках древнерусской книжности⁶⁴. Как уже отмечалось в специальной литературе, подобное внимание к апостолу Андрею в России XVI в. было обусловлено

⁶⁰ См.: Степенная книга. Т. 2. С. 380–381.

⁶¹ Цит. по: ПСРА. Т. 20. Ч. 2. М., 2005. С. 620.

⁶² Вполне вероятно, именно Юрьеву особое внимание книжник уделил в силу того, что поводом к началу успешно начавшейся для России Ливонской войны послужила многолетняя задержка выплаты так называемой юрьевской дани, которую магистр Ливонского ордена обязался выплачивать Ивану III в 1503 г. Подробнее см.: *Хорошкевич А.А.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 197–201.

⁶³ Степенная книга. Т. 2. С. 381.

⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Околович Н.Ф.* Жития святых. С. 58; *Турилов А.А.* Древнейшая история славян и Руси. С. 50; *Усачев А.С.* «Степенная книга». С. 339–340.

стремлением мыслителей этой поры связать начало русского православия еще с апостольскими временами и тем самым пересмотреть роль дискредитировавшей себя в результате заключения Ферраро-Флорентийской унии Византии в деле христианизации Руси⁶⁵.

Работавший после установления автокефалии Русской церкви книжник, стремясь обосновать древность церковной организации на Руси, поместил в текст «Степенной книги» рассказ о крещении русских князей, почерпнутый из славяно-русского перевода «Окружного послания» патриарха Фотия (6-я глава 1-й степени)⁶⁶. Если в источнике данного рассказа фигурирует епископ, то в «Степенной» подчеркивается, что от патриарха Фотия Русская земля получила не одного епископа, а целую церковную организацию — митрополита и епископов: в «Окружном послании» читается «яко епископа и пастыря приати», в 6-й главе — «яко епископовъ и самого пастыря приаша святѣишаго митрополита»⁶⁷. Как видим, составитель допустил два отклонения от текста своего источника: «епископ», который в «Окружном послании» упомянут в единственном числе, в «Степенной книге» превратился в «епископов» и появилось уточняющее указание на пастыря как на «святѣишаго митрополита»⁶⁸.

По всей видимости, стремлением книжника подчеркнуть древность и авторитет Русской церкви обуславливалось и беспрецедентно подробное (в сравнении с данными иных произведений древнерусской письменности) изложение событий, связанных с крещением Руси. Последнее в «Степенной книге» представлено в качестве важнейшего события русской истории⁶⁹. Так, итоги реконструкции круга источников составителя «Степенной

⁶⁵ См.: Кусков В.В. «Степенная книга». С. 99–100; Miller D. The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia kniga of Metropolitan Macarii and the Origins of Russian National Consciousness // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1979. Bd. 26. S. 326–338; Nitsche P. Translatio imperii? S. 329, 338; Idem. «Nicht an die Griechen glaube ich, sondern an Christus» (Russen und Griechen im Selbstverständnis des Moskauer Staates an der Schwelle zur Neuzeit). Düsseldorf, 1991. S. 42–47.

⁶⁶ Степенная книга. Т. 1. С. 224–225.

⁶⁷ Ср.: Там же. С. 225; Буланин Д.М. «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI–XVII вв. // Palaeodulgarica (Старобългаристика). София, 1981. Т. V, вып. 2. С. 52.

⁶⁸ Вторая правка отразилась в Волковском списке «Степенной книги» (РГАДА. Ф. 181. № 185): на л. 108 об. писец этого списка первоначально в основном тексте точно воспроизвел цитату из «Окружного послания», затем редактор на левом поле того же листа со знаком вставки вписал слова «святѣишаго митрополита»; правка была учтена в последующих списках памятника (об этом см.: Усачев А.С. «Степенная книга». С. 548).

⁶⁹ Об этом см.: Кусков В.В. «Степенная книга». С. 97; Miller D. The Velikie Minei Chetii. S. 328–329.

книги» убеждают в том, что при описании этого события он использовал наибольшее число источников в сравнении с каким-либо другим рассказом.

Если о большинстве событий русской истории «Степенная книга» повествует на основе 1–2 источников (как правило, летописных или агиографических, которые могли взаимодополнять друг друга), то при описании крещения Руси был привлечен целый ряд разножанровых памятников: Никоновская и Воскресенская летописи, «Поучение на память» Владимира, «Слово о законе и благодати», жития Константина Великого, Климента Римского, Ольги и Владимира, «Память и похвала» Иакова Мниха, вероятно, «Азбуковник» старшей редакции и т.д.⁷⁰ С той подробностью, которую только позволяли «историку» его источники, он повествует о первых годах существования церковной организации на Руси. Так, в 1-ю степень вводится пространный рассказ об установлении церковной десятины Владимиром (58-я глава)⁷¹. Для его создания наряду с «Уставом Владимира» (как установил Я.Н. Щапов, синодальной редакции⁷²), текст которого неоднократно помещался в летописях, было привлечено и «Правило о церковных людях», использование которого не характерно для памятников русской историографии. Желанием книжника представить древность церковной организации на Руси обуславливалось и предпочтение им пространной версии рассказа о крещении Руси, представленной в Никоновской летописи. Эта летопись сообщает о крещении при патриархе Фотии, в то время как другие летописи имени современного Владимиру константинопольского патриарха не указывают.

Повествуя об истории Русской церкви в последующий период, наш писатель обращает внимание читателя на избрание «советом» русских епископов двух митрополитов (Илариона и Климента Смолятича) уже в самом начале церковной жизни на Руси (4-я глава 2-й степени и 4-я глава 5-й степени). Эти особенности описания Церкви в «Степенной книге» определялись стремлением ее составителя подчеркнуть древность церковной организации на Руси и факты, свидетельствующие об ее независимости от константинопольского патриархата. Очевидно, желанием сподвижника митрополита Макария повысить авторитет русской митрополичьей кафедры и всей Церкви в целом обуславливалось и включение в текст «Степенной книги» житий русских первосвятителей — Петра, Алексея и Ионы. Жизнеописание последнего имело особое

⁷⁰ Подробнее см.: *Околович Н.Ф.* Жития святых. С. 57–71; *Кусков В.В.* «Степенная книга». С. 97–101; *Усачев А.С.* Образ Владимира Святославича в «Степенной книге»: как работал русский книжник середины XVI в.? // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории.* М., 2005. Вып. 14. С. 66–105.

⁷¹ Степенная книга. Т. 1. С. 311–314.

⁷² Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 81.

значение — в нем обосновывалась легитимность установления автокефалии в России, которая оправдывалась вероотступничеством греков, заключивших Флорентийскую унию с «латинами» (19-я глава 14-й степени). Материал жития Ионы, относящийся к рассказу о подписании Флорентийской унии, был включен и в жизнеописание Василия II, в котором особое внимание обращается на его верность православию (7-я глава этой же степени). Вероятно, со стремлением повысить престиж русской митрополичьей кафедры может быть связана и четкая последовательность митрополитов, которая соблюдается в «Степенной книге»: по всей видимости, используя материал митрополичьих списков, ее составитель при первом упоминании каждого митрополита обращает внимание читателя на его место (порядковый номер) в ряду русских первосвятителей⁷³.

Таким образом, особенности изображения истории Русской церкви в «Степенной книге» определялись стремлением книжника показать древность православия на Русской земле. При этом подчиненное положение Русской церкви по отношению к константинопольскому патриарху не акцентируется — более того, в памятнике подчеркиваются, во-первых, факты независимого от Византии поставления русских митрополитов (Илариона, Климента Смолятича и русских первосвятителей начиная с Ионы), во-вторых, отмечается нетвердость греческой Церкви в православии, выразившаяся в заключении Флорентийской унии. Эти особенности в изображении Русской церкви в «Степенной» самым тесным образом связаны с русско-греческими церковными отношениями первой половины — середины XVI в. Их отличал противоречивый характер: Русская церковь, с одной стороны, признавала авторитет константинопольского патриарха, с другой — подчеркивала свое право на автокефалию⁷⁴.

Рассматривая историю «Русской державы» на максимальной хронологической глубине, какую ему только позволяли источники, наш книжник в поисках предшественников Москвы как центра Русской земли обратился к «географической оси» русской истории, уделив особое внимание теме

⁷³ Об этом подробнее см.: Усачев А. С. «Степенная книга». С. 291–293.

⁷⁴ О русско-греческих связях в этот период см.: Кантрев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 26–33; Каишанов С. М. Эволюция великокняжеского и царского титула в грамотах афонским монастырям XVI в. // Россия и христианский Восток. Вып. 1. М., 1997. С. 105–134; Он же. О взаимоотношениях правительства Ивана IV с Константинопольским патриархатом в 1557–1561 гг. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 20–28; Фонкиш Б. Л. Греческие рукописи и документы в России XIV — начала XVIII в. М., 2003. С. 373–376; Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004; Bogatyrev S. N. Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // The Slavonic and East European Review. 2007. Vol. 85, № 2. P. 282–293.

церковно-политические центры Руси.

В полном названии «Степенной книги» Русская земля в ее прошлом и настоящем представлена в виде лестницы, «степени» которой — добродетели русских государей — ведут к Богу⁷⁵. В основном тексте произведения этот художественный образ приобретает отчетливые историографические очертания: путь Руси к Богу пролегает через вполне конкретные периоды ее истории, четко привязанные не только к правлениям русских государей, но и к географии — как уже отмечалось нашими предшественниками⁷⁶, течение русской истории с древнейших времен в «Степенной книге» впервые представлено в виде перемещения «самодержавства» последовательно от Киева к Владимиру-на-Клязьме, а затем к Москве.

В концентрированном виде периодизация русской истории представлена в концовке 8-й степени, повествующей об Александре Невском:

«Родославнаго кореноплодия, иже благочестно державъствующи въ Русьстѣи земли, отъ блаженнаго Владимира наченши, пять степеней въ градѣ Киевѣ сконьчашьяся. Три же степени градъ Владимиръ стяжа. Девятыи же степень начьяся въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ»⁷⁷.

Как прямо следует из этого фрагмента, правления Владимира Святославича, Ярослава Владимировича, Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого (1–5-я степени) принадлежат киевскому периоду; княжения Всеволода Юрьевича, Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича (6–8-я степени) — владимирскому; «самодержавство» русских государей начиная с Даниила Александровича (9–17-я степени) — московскому.

Представление о трехчастной структуре христианского периода русской истории пронизывает весь текст «Степенной книги». Обращая внимание на первый центр власти над Русью — Киев, составитель вслед за летописцем отмечает, что этот город «наречется мати всѣмъ градовомъ рускимъ»⁷⁸. Важно отметить, что если в летописной записи под 6390 г. эти слова относятся к рассказу о вокняжении Олега в Киеве⁷⁹, то в 38-й главе 1-й степени они помещены в принципиально иной контекст. «Степенная книга» сообщает о том, что лишь после крещения в память об этом событии

⁷⁵ См.: Степенная книга. Т. 1. С. 147.

⁷⁶ Например, см.: Miller D. The Velikie Minei Chetii. S. 317; Горский А.А. Русь. С. 151–153.

⁷⁷ Степенная книга. Т. 1. С. 535.

⁷⁸ Там же. С. 295.

⁷⁹ В 4-й главе 1-й степени, кратко повествующей о его правлении, это сообщение пропущено.

«преименитый Киевъ наречеся мати всѣмъ градовомъ русьскимъ», и при этом уточняет, что «не туне бо тако наречеся, но яко в немъ прежде Русьская земля обновися благочестиемъ», «в том же градѣ пръвие вся люди своя въ богоразумие приведе»⁸⁰. Нельзя не отметить смещение акцента в «Степенной книге» — в ней внимание читателя обращается прежде всего на связь «материнства» Киева с началом крещения Руси. Сказанное выше позволяет предположить, что, выстраивая вектор преемственности «Киев — Владимир — Москва», книжник сосредоточивает внимание читателя в первую очередь на месте «матери» русских городов в церковной истории Руси.

Церковную составляющую преемственности подчеркивают и включенные в «Степенную книгу» произведения о Владимирской иконе Богоматери. Как повествуют сказание о ней, а также повесть на ее сретенье (12-я глава 6-й степени, 24-я глава 13-й степени)⁸¹, маршрут следования главной святыни Русской земли — с юга Руси на ее северо-восток — совпал с направлением перемещения центра политической власти над Русью⁸².

Обращая внимание на преемство Киеву Владимира-на-Клязьме, «Степенная» фиксирует политическое преобладание владимирских князей. Так, в 5-й главе 5-й степени, повествующей о Юрии Долгоруком, указывается: «Христолюбивый же великий князь Георгий, аще и благостроино державствова въ Киеве, но обаче киевское господоначалство оттоле и со благодатию уступаше тогда на градъ Владимиръ, последи же отъ Владимира на Москву». В 3-й главе 6-й степени, сообщавшей об усобицах второй половины XII в., отмечается, что со времени Андрея Боголюбского «киевьстии величии князи подручни бяху владимирскимъ самодръжцемъ»⁸³.

Не забывает писатель напомнить и о преемстве Москвы Владимиру и Киеву. Кратко характеризуя правление Даниила Александровича, он, прямо не говоря о наследовании Москвы Владимиру, подчеркивает, что «пръвоначалие русьскаго скипетродръжжания безъ крамолы прикладашеся ему»⁸⁴.

⁸⁰ Степенная книга. Т. 1. С. 295.

⁸¹ Степенная книга. Т. 1. С. 461–466; Т. 2. С. 88–108.

⁸² Об этом, например, см.: *Miller D.* Legends of the icon of our Lady of Vladimir: a study of the development of Muscovite national consciousness // *Speculum*. 1968. Vol. 43. № 4. P. 657–670; *Idem.* The Velikie Minei Chetii. S. 363; *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Wiesbaden, 1990. S. 149–150; *Гребенюк В.П.* Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. С. 83–84; *Он же.* Теория «Москва — Третий Рим» и «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» // *Россия — Восток — Запад*. М., 1998. С. 95–99.

⁸³ Степенная книга. Т. 1. С. 450.

⁸⁴ Там же. С. 538.

Икона
Владимирской
Богоматери.
XII век.

Книжник считает необходимым подготовить читателя к мысли о будущем величии Москвы уже в первых разделах памятника. Так, даже описывая события, имеющие весьма отдаленное отношение к Москве, он не упускает случая напомнить адресату своего труда о великом будущем этого города. Например, заканчивая 4-ю степень, повествующую о Владимире Мономахе, он отмечает, что теперь «пятыи степень (она посвящена Юрию Долгорукому. — А.У.) начинается, иже есть начало Московьскому царствию»⁸⁵. Описывая междоусобные войны середины XII в., ведущиеся за киевский стол, «Степенная книга» фиксирует первое летописное упоминание Москвы — города, «идѣже нынѣ благородное ихъ сѣмя царское преславно царствуютъ». Здесь же отмечается, что Юрий Долгорукий в «въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ» «обновлял... первоначальственное скипетродержание благочестивого царствия» (3-я глава 5-й степени)⁸⁶.

Как видим, «Степенная книга» является первым памятником русской историографии, содержащим не только помещенную в историко-географический контекст периодизацию истории страны, дополняющую периодизацию по правлениям потомков Владимира, но и произведением исторической литературы, в котором определен вектор развития прошлого Руси (от одного центра к другому). Конечно, нельзя говорить о рождении идеи

⁸⁵ Степенная книга. Т. 1. С. 411.

⁸⁶ Там же. С. 413.

этой преемственности *ex nihilo* — на ее оформление оказывал влияние целый ряд произведений древнерусской книжности, которые содержали отдельные идеи («Сказание о князьях Владимирских», «Сказание о Владимирской иконе Богородицы» и др.)⁸⁷. Их, однако, составитель «Степенной» отлил в законченную форму преемственности «Киев — Владимир — Москва». Она позволила ему связать воедино Московскую Русь с Русью Киевской, сообщив Москве статус бесспорно легитимной наследницы «Русской державы», основанной еще первыми русскими князьями.

Резюмируя, зафиксируем, что с поставленной задачей — поиском достойного предка Московского царства XVI в. в прошлом — наш книжник, как представляется, справился вполне успешно. Перед взором читателя он развернул грандиозную картину первых веков существования Руси. Под кистью составителя «Степенной книги» полотно древнейшего периода русской истории приобрело дополнительный колорит (в сравнении с данными более ранних памятников русской средневековой историографии): заново интерпретируя традиционные летописные источники, а также привлекая дополнительные, сподвижник митрополита Макария создал образ изначально могущественной и единой «Русской державы», основные черты которой самым удивительным образом напоминали контуры современного ему Московского царства.

В «Степенной книге» явления прошлого представлены в их развитии, которое направлено к итогу, хорошо известному читателю, жившему в эпоху первого русского царя, — присоединение «отчин» древнерусских князей, подчинение московским государям непокорного воле «державных» Новгорода, древность и независимость от Константинополя Русской церкви, перемещение центра власти и главной русской святыни с юга Руси на ее северо-восток. Как видим, составитель «Степенной» последовательно, через весь ее текст, протягивает ряд нитей из древнерусского прошлого в Россию времени Ивана IV. Это, по сути, делало условной границу между прошлым и настоящим, между оригиналом и копией, побуждая читателя рассматривать Древнюю Русь и Русь Московскую в виде целостного пространственно-временного феномена, спаянного единством территории, династии и ключевых явлений.

⁸⁷ Подробнее о возможных источниках составителя «Степенной книги» по данному вопросу см.: Усачев А. С. «Долгий XVI век». С. 110–112; *Он же*. «Степенная книга». С. 536–544.

Andrey S. Usachev

FIRST CENTURIES OF THE «RUSSIAN STATE»

From the 16th Century Moscow Tsardom's viewpoint

The article highlights the specificity of the Early Russian History descriptions in the 16th century Historical writings. The main focus lies in the concepts used by the Ivan the Terrible epoch scribes in depicting the past: the Power and the Unity of the First Russian State (which could already be seen in its early stages), and the Essential Continuity (continuity of essence) between Vladimir, Kiev, etc. and Moscow. The research is based on the «Stepennaia Kniga» («Book of Degrees of the Royal Genealogy»), «The History of Kazan» and Chronicles dated to the 16th century.

 Усачев Андрей Сергеевич

доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

ПРИГЛАШЕНИЕ РЮРИКА НА КНЯЖЕНИЕ

в памятниках древнерусского начального летописания

публикуются тексты с сюжетом о приглашении Рюрика в трех древнейших вариантах: 1) Новгородской первой летописи младшего извода (старший список — середины XV в.), где, по мнению большинства исследователей, сохранился текст более раннего, чем «Повесть временных лет» начала XII в., памятника — так называемого Начального свода конца XI в.; 2) «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи (памятник начала XIV в., дошла в списке 1377 г.); 3) «Повести временных лет» по Ипатьевской летописи (памятник конца XIII в., старейший список начала XV в.) с имеющими содержательное значение вариантами по Радзивилловской летописи (памятник начала XIII в., дошла в списке конца XV в.), где рассказ близок к тексту Ипатьевской¹.

¹Тексты подготовлены А.А. Горским. Перевод рассказов Начального свода и «Повести временных лет» о приглашении Рюрика на княжение на современный русский язык см. в статье А.А. Горского в настоящем номере журнала.

Новгородская
первая летопись
младшего извода²
(текст, восходящий
к «Начальному
своду» конца XI в.)

«Повесть
временных лет»
по Лаврентьевской
летописи³

«Повесть
временных лет»
по Ипатьевской
летописи⁵

В лѣто 6362 (854)
*<в начале статьи рас-
сказывается об ос-
новании Киева бра-
тьями Кием, Щеком
и Хоривом, о походе
Руси на Царьград,
о дани с полян хазарам
и о вокняжении в Ки-
еве Аскольда и Дира>.*
Во времена же Кие-
ва и Щека и Хорива
новгородстии людие,
рекомии словени,
и кривици, и меря:
словене свою волость
имѣли, а кривици
свою, а мере свою;
кождо своимъ родомъ
владыше; а чюдъ сво-
имъ родом; и дань да-
яху варягомъ от мужа
по бѣлѣи вѣверици;
а иже бяху у них, то ти

Въ лѣто 6367 (859).
[И] маху дань варязи
изъ заморья, на чюди,
и на словѣнхъ,
и на мери, и на всѣхъ
кривичѣхъ. А козари
имаху на полянѣхъ,
и на сѣверѣхъ,
и на вятичѣхъ, имажу
по бѣлѣи вѣверицѣ
от дыма.

Въ лѣто 6368 (860).
Въ лѣто 6369 (861).
[В лѣто 6370]⁴ (862).
Изъгнаша варяги
за море, и не даша
имъ дани. И почаша
сами в собѣ володѣти,
и не бѣ в нихъ прав-
ды, и вѣста родъ
на род, быша в нихъ
усобицѣ, и воевати
почаша сами на ся.
Рѣша сами в себѣ:

В лѣто 6367 (859).
Имаху дань варя-
зи, приходяще изъ
заморья, на чюди,
и на словѣнхъ,
и на меряхъ, и на всѣхъ
кривичахъ. И а коза-
ре имажутъ на по-
лянхъ, и на сѣверехъ,
и на вятичихъ, имажу
по бѣлѣи вѣверици
тако от дыма.
Въ лѣто 6368 (860).
Въ лѣто 6369 (861).
Въ лѣто 6370 (862).
И изгнаша варягы
за море, и не даша
имъ дани. И почаша
сами в собѣ володѣти,
и не бѣ в нихъ прав-
ды, и вѣста родъ на
род, и быша усобицѣ
в них, и воевати сами
на ся почаша. И рко-

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 105–106.

³ Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 19–20.

⁴ В Лаврентьевской летописи дата пропущена.

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 2001. Стб. 13–15. Варианты по Радзи-вилловской летописи: Там же. Т. 38. Л., 1989. С. 16.

насилъе дѣяху словеномъ, кривичемъ и мерямъ и чюди. И вѣсташа словенѣ и кривици и мера и чюдь на варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть mezi ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: «князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву». Идоша за море к варягомъ и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да пойдѣте к намъ княжить и владѣть нами». Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другыи

«Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Идаша за море к варягомъ, к руси; сице бо ся звахуть и варязи суть, яко се друзии зѣвутся свое, друзии же урмане, анѣгляне, друзии гѣте, тако и си. Рѣша русь чюдь, словени, и кривичи вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да пойдѣте княжить и володѣти нами». И изъбрашася 3 брата с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша старѣишии Рюрикъ... а другии, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третии Изборьстѣ Труворѣ. От тѣхъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни. По дву же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ,

ша: «поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду, по праву». Идоша за море к варягомъ, к руси; сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же урмане, анѣгляне, инѣи и готе, тако и си. Ркоша русь⁶ чюдь, словенѣ, кривичи и вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидете княжити и володѣть нами». И изъбрашася трие брата с роды своими и пояша по собѣ всю русь, и придоша к словѣномъ пѣрвѣе, и срубиша город Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрик, а другии, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третѣи, Труворъ, в Изборьсцѣ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля⁷. По дѣвою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю одинъ. И пришед

⁶ В Радзивиловской — руси.

⁷ В Радзивиловской добавлено: *Новгород. Ти суть людие новгородци от рода варяжска, преже бо бѣ.*

сѣде на Бѣлѣозерѣ,
Синеусь; а третей въ
Изборьскѣ, имя ему
Труворъ. И от тѣх
варягъ, находникъ
тѣхъ, прозвашася
Русь, и от тѣх словет
Руская земля; и суть
новгородстии лю-
дие до днешняго
дни от рода варяжь-
ска. По двою же
лѣту умрѣ Синеусь
и брат его Труворъ,
и прия власть единъ
Рюрикъ, обою бра-
ту власть, и нача
владѣти единъ.
<Далее рассказ о по-
ходе Игоря и Олега
на Киев.>

и прия власть Рю-
рикъ, и раздая мужем
своимъ грады, овому
Полотескъ, овому
Ростовъ, другому
Бѣлоозеро.
И по тѣмъ го-
родомъ суть на-
ходници варязи,
а перьвии насель-
ници в Новѣгородѣ
словѣне, По-
лотьски кривичи,
в Ростовѣ меря,
в Бѣлѣозерѣ весь,
в Муромѣ мурома.
И тѣми всѣми обла-
даше Рюрикъ. <Далее
рассказ о вокняже-
нии в Киеве Аскольда
и Дира.>

къ Ильмерю, и сруби
город надъ Волховом,
и прозваша и Новѣго-
род, и сѣде ту, княжа,
и раздая мужемъ сво-
имъ волости, и городы
рубити, овому Поль-
тескъ, овому Ростовъ,
другому Бѣлоозеро.
И по тѣмъ городомъ
суть находницѣ варязи;
пѣрвии наслѣдници⁸
в Новѣгородѣ словенѣ,
и в Полотьскѣ кри-
вичи, Ростовѣ меря-
не, Бѣлѣозерѣ весь,
Муромѣ мурома.
И тѣми всѣми обладаше
Рюрикъ. <Далее рассказ
о вокняжении в Киеве
Аскольда и Дира.>

⁸ В Радзивиловской — *населници*.

НОВЕЙШИЕ ТРУДЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЮ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Бибиков М.В. *Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. 2. М., 2009.*

Второй выпуск труда (первый, изданный в 2004 г., содержал характеристику византийских источников, упоминающих Русь) содержит переводы византийских текстов о славянах VI–VIII вв. и Руси IX — начала XIII в.

Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.Л., Стефанович П.С.

Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.

В очерке А.А. Горского рассматривается территориальная структура Древнерусского государства; П.С. Стефановичем освещена тема отношений знати и князя; П.С. Лукин исследует проблему древнерусского веча; работа В.А. Кучкина посвящена истории десятичной организации.

Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год: Рюрикoviчи и Российская государственность. М., 2009.

Сборник посвящен месту и роли Рюрикoviчей в истории средневековой Руси, в том числе в ряде статей (Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.А. Молчанова, А.В. Назаренко, В.Я. Петрухина) рассматриваются вопросы, связанные с формированием древнерусской государственности.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 1:

Античные источники. М., 2009.; Т. 2: Византийские источники. М., 2010.; Т. 3: Восточные источники. М., 2010.; Т. 4: Западноевропейские источники. М., 2010.; Т. 5: Скандинавские источники. М., 2009.

Хрестоматия подготовлена на основе многолетней исследовательской работы составителей. В их коллектив входят А.В. Подосинов (подготовка античных источников), М.В. Бибиков (византийские источники), Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин (восточные источники), А.В. Назаренко (западноевропейские источники), Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова (скандинавские источники). В издание включены фрагменты из памятников, касающиеся Восточной Европы в эпохи Античности и раннего Средневековья.

Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 1. М., 2010; Вып. 2: Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010.

Подборка статей, выдержанных в духе «антинорманизма» XVIII—XIX вв. (отрицающих скандинавскую природу варягов). Значительную часть занимают переиздания работ В.А. Мошина, Н.Н. Ильиной, А.Г. Кузьмина, М.Ю. Брайчевского. Из современных авторов участвуют В.В. Фомин, А.Н. Сахаров, А.П. Грот.

Клейн Л.С. Спор о варягах: история противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Сборник разноплановых работ автора, посвященных проблеме роли норманнов в образовании Руси.

Котляр М.Ф. Княжа служба в Київській Русі. Київ, 2009.

Книга посвящена структурам древнерусского общества, связанным со службой князю; в том числе рассматривается вопрос о возникновении государственности.

Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: избранные труды. М., 2011.

Сборник статей автора разных лет. Часть 1 посвящена теме образования государства Русь, часть 2 — деятельности скандинавов в Восточной Европе.

Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне: историко-филологические исследования. М., 2009 (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год).

Сборник статей автора, включающий работы о династическом строе Рюриковичей в первые века русской государственности.

Петрухин В.Я. «Русь и все языки». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2011.

Часть вошедших в книгу очерков посвящена началу русской государственности в контексте межэтнических связей, в первую очередь со скандинавами и хазарами.

Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

Часть вторая монографии посвящена образованию Древнерусского государства — предпосылкам, этапам, этнокультурному аспекту.

Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии: Учебное пособие. Ижевск, 2012.

Очерк истории изучения темы формирования государства Русь в российской (включая дореволюционный и советский периоды), украинской и белорусской исторической литературе.

Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010 // Жизнь замечательных людей. Вып. 1277.

В книге подробно рассказывается об упоминаниях родоначальника древнерусской княжеской династии в источниках, о связанных с ним историографических конструкциях и версиях. Отдельная глава говорит об отображении фигуры Рюрика в литературе и искусстве.

Ричка В.М. «Вся королівська рать» (Влада Київської Русі). Київ, 2009.

Книга посвящена княжеской власти и представлениям о ней на Руси. В разделе 1 — «Початки Русі» — речь идет о возникновении государственности и княжеской династии.

Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009 // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49.

Сборник материалов конференции, состоявшейся в Эрмитаже в 2007 г., посвящен проблемам археологии и истории славян и Руси V—XI вв. Становление Древнерусского государства рассматривается в широком контексте связей с северо-западной и юго-восточной Европой.

Толочко П.П. Власть в Древней Руси X—XIII вв. СПб., 2011.

В монографии украинского археолога и историка рассмотрены основные властные институты: князь, совет (дума), воевода, тысяцкий, посадник, вече — со времени их возникновения.

Труды первой международной конференции «Начала Русского мира».
СПб., 2011.

Сборник докладов, сделанных на конференции, посвященной 1150-летию первого похода Руси на Константинополь. Среди авторов: А.Н. Сахаров, В.В. Фомин, А.П. Грот, С.В. Цветков, В.И. Мерцалов.

У истоков русской государственности. СПб., 2007.

Материалы одноименной международной конференции, состоявшейся в Великом Новгороде в 2005 г. Большинство работ посвящено археологии древнерусских городов; в статье В.Л. Янина рассматривается проблема возникновения Новгорода, а К. Цукерманом предлагается новая версия (в том числе датировка) событий IX в., относящихся к началу Руси.

Фомин В.В. Начальная история Руси. М., 2008.

Учебное пособие, рассматривающее историографию и сведения источников о происхождении Руси с позиции отрицания скандинавского происхождения варягов.

Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750—1200. СПб., 2009.

Труд британских историков, впервые вышедший в 1996 г., а в переводе на русский язык — в 2000 г. Первая часть, написанная Дж. Шепардом, посвящена эпохе возникновения Древнерусского государства; значительное внимание уделено деятельности норманнов в Восточной Европе.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. М., 2009.

В книге, первое издание которой вышло в 2002 г., формирование древнерусской государственности изучается в понятиях современной политической антропологии. Выделяются этап вождеств, «двухуровневого» государства (середина IX—X в.), раннего («дружинного») государства.

Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях: сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

Сопоставительный анализ легенд, связанных с зарождением государственности: древнерусской о Кие и его братьях, польской о Пясте и Попеле и чешской о Пржемысле и Либуше.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

В книге, охватывающей эпоху до падения новгородской независимости, первые два очерка посвящены Новгородской земле до возникновения Новгорода и становлению новгородской государственности.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Выпуски журнала
«Исторический вестник»
в 2012 году завершатся
вторым томом
под общим названием
«Терроризм в России
в начале XX века».

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке